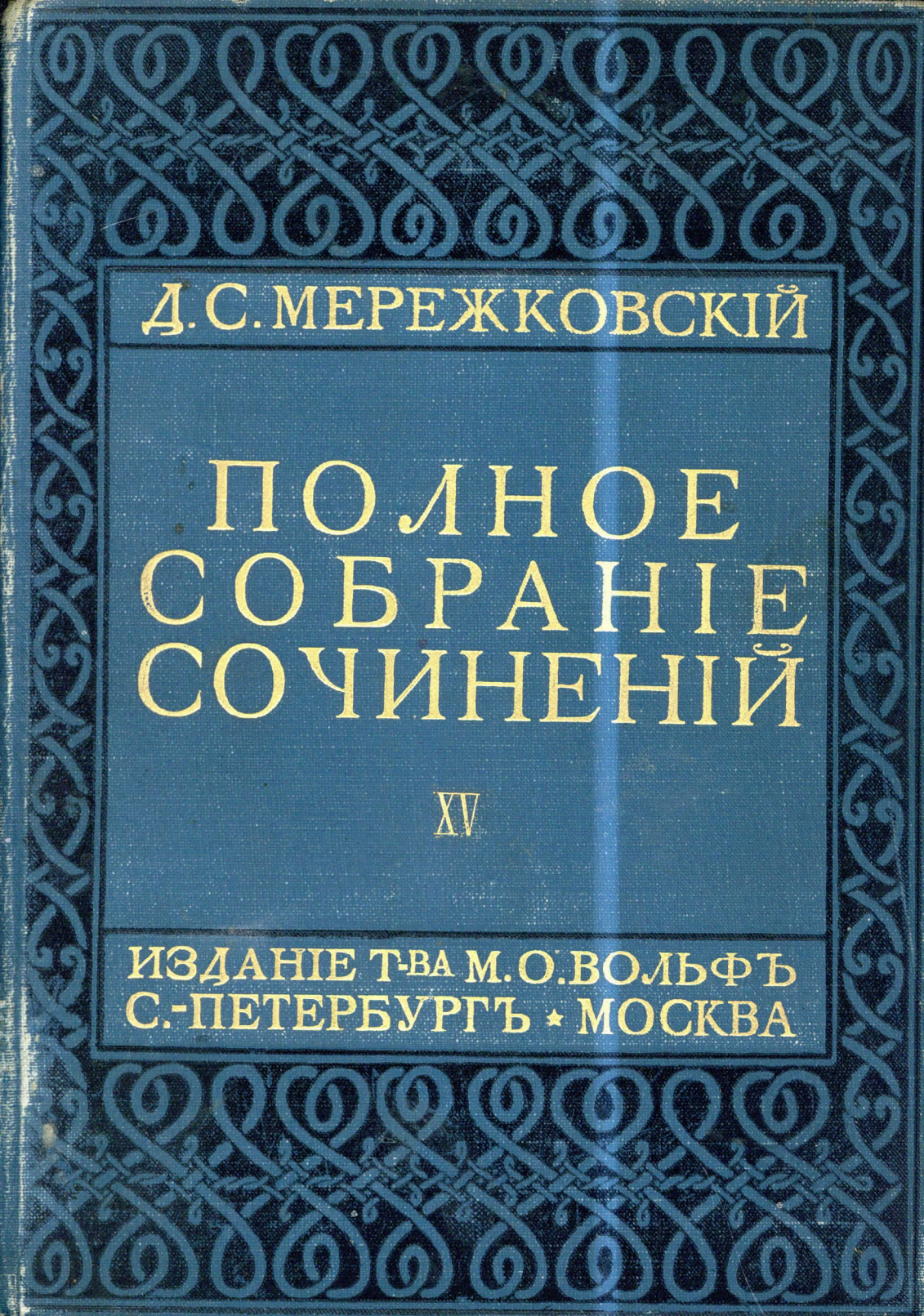

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

XV

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ * МОСКВА

Biblioteka Pedagogiczna CEN
nr inw.: KG - 1114

BC KSK / 1114

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

≡ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО ≡

ТОМЪ XV

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1912

1182
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА
И О НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

— EX LIBRIS —
Biblioteki Kuratorium O.S.B.
w Białymstoku

1182 - 1114

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1912

ПЕЧАТЬ И ТИПОГРАФИИ
Г-на М. О. БОЛЬФЪ
В ПЕТЕРБУРГѢ. БЛАНКЪ. ОСТР. 16 ЛИНИЙ СЪЕД. Д. 10
1912

882-1; 882(1019)

Въ это собраніе вошли изъ прежнихъ стихотворныхъ сборниковъ Д. С. Мережковского всѣ стихи, которымъ авторъ придаетъ значеніе, и всѣ, напечатанные имъ за послѣдніе годы.

ЛИРИКА.

Богъ.

О, Боже мой, благодарю
За то, что далъ моимъ очамъ
Ты видѣть мѣръ, Твой вѣчный храмъ,
И ночь, и волны, и зарю...
Пуškai мученья мнѣ грозятъ,—
Благодарю за этотъ мигъ,
За все, что сердцемъ я постигъ,
О чемъ мнѣ звѣзды говорятъ...
Вездѣ я чувствую, вездѣ
Тебя, Господь,—въ ночной тиши,
И въ отдаленнѣйшей звѣздѣ,
И въ глубинѣ моей души.
Я Бога жаждалъ—и не зналъ;
Еще не вѣрилъ, но, любя,
Пока разсудкомъ отрицалъ,—
Я сердцемъ чувствовалъ Тебя.
И Ты открылся мнѣ: Ты—мѣръ.
Ты—все. Ты—небо и вода,
Ты—голосъ бури, Ты—эфиръ,
Ты—мысль поэта, Ты—звѣзда...
Пока живу—Тебѣ молюсь.
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру—съ Тобой сольюсь,
Какъ звѣзды съ утренней зарей.
Хочу, чтобъ жизнь моя была
Тебѣ немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть—благодарю!..

Morituri.

МЫ бесконечно одиноки,
Боговъ покинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вѣщiе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру!
И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, Солнце будущаго, встрѣтимъ,
И въ блескѣ утреннемъ твоёмъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ!

«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri». Весь нашъ родъ,
Какъ на аренѣ гладиаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.
Мы гибнемъ жертвой искупленья.
Придутъ иныя поколѣнья.
Но въ оный день, предъ ихъ судомъ,
Да не падутъ на насъ проклятья:
Вы только вспомните о томъ,
Какъ много мы страдали, братья!
Грядущей вѣры новый свѣтъ,
Тебѣ отъ гибнущихъ привѣтъ!

Дѣти ночи.

УСТРЕМЛЯЯ наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.

И, съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Мы невѣдомое чuemъ.

Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы.

Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

Изгнанники.

ЕСТЬ радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ,
И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.

Прекрасна только жертва неизвѣстная:
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.

Голубое небо.

Я людямъ чуждъ и мало вѣрю
Я добродѣтели земной:
Иною мѣрой жизнь я мѣрю,
Иной, безцѣльной красотой.

Я вѣрю только въ голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, какъ смерть.

О, небо, дай мнѣ быть прекраснымъ,
Къ землѣ сходящимъ съ высоты,
И лучезарнымъ, и безстрастнымъ,
И всеобъемлющимъ, какъ ты.

Темный ангелъ.

О, темный ангелъ одиночества,
Ты вѣшь вновь,
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не вѣрь въ любовь.

Узналъ ли голосъ мой таинственный?
О, милый мой,
Я—ангелъ дѣтства, другъ единственный,
Всегда—съ тобой.

Мой взоръ глубокъ, хотя не радостенъ,
Но не горюй:
Онъ будетъ холоденъ и сладостенъ,
Мой поцѣлуй.

Онъ вѣтъ вѣчною разлукою,—
И въ тишинѣ
Тебя, какъ мать, я убаюкаю.
Ко мнѣ, ко мнѣ!»

И совершаются пророчества:
Темно вокругъ.
О, страшный ангелъ одиночества,
Послѣдній другъ,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю съ безсмертной нѣжностью,
И тѣ—враги!

Одиночество.

ПОВѢРЬ мнѣ:—люди не поймутъ
Твоей души до дна!..
Какъ полонъ влагою сосудъ,—
Она тоской полна.

Когда ты съ другомъ плачешь,—знай:
Сумѣешь, можетъ быть,
Лишь двѣ-три капли черезъ край
Той чаши перелить.

Но вѣчно дремлетъ въ тишинѣ
Вдали отъ всѣхъ друзей,—
Что тамъ, на днѣ, на самомъ днѣ
Больной души твоей.

Чужое сердце—міръ чужой,
И нѣтъ къ нему пути!
Въ него и любящей душой
Не можемъ мы войти.

И что-то есть, что глубоко
Горитъ въ твоихъ глазахъ,
И отъ меня—такъ далеко,
Какъ звѣзды въ небесахъ...

Въ своей тюрьмѣ,—въ себѣ самомъ,
Ты, бѣдный человѣкъ,
Въ любви, и въ дружбѣ, и во всемъ
Одинъ, одинъ навѣкъ!..

* * *

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей—
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучить мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А межъ тѣмъ не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ жить,
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навѣкъ мое сердце мертво?
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

Молчаніе.

КАКЪ часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умѣю,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Какъ будто стыдно мнѣ—я говорить не смѣю.

И въ близости ко мнѣ живой души твоей
Такъ все таинственно, такъ все необычайно,—
Что слишкомъ страшною божественною тайной
Мнѣ кажется любовь, чтобъ говорить о ней.

Въ насъ чувства лучшія стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлетъ тишина:
Пока шумять вверху сверкающія волны,
Безмолвствуетъ морская глубина.

Признаніе.

НЕ утѣшай, оставь мою печаль
Нетронутой, великой и безгласной.
Обоимъ намъ порой свободы жаль,
Но цѣпь любви порвать хотимъ напрасно.

И чувствую, что такъ любить нельзя,
Какъ я люблю, что такъ любить безумно,
И страшно мнѣ, какъ будто смерть, грозя,
Надъ нами вѣтъ близко и безшумно...

Но я еще сильнѣй тебя люблю,
И безконечно я тебя жалѣю,—
До ужаса сливаю жизнь мою,
Сливаю душу я съ душой твоею.

И безъ тебя я не умѣю жить.
Мы отдали другъ другу слишкомъ много,
И я прошу, какъ милости, у Бога,
Чтобъ научилъ Онъ сердце не любить.

Но какъ порой любовь ни проклинаю—
И жизнь, и смерть съ тобой я раздѣлю,
Не знаешь ты, какъ я тебя люблю,
Быть можетъ, я и самъ еще не знаю.

Но словъ не надо: сердце такъ полно,
Что можемъ только тихими слезами
Мы выплакать, что людямъ не дано
Ни рассказать, ни облегчить словами.

Любовь—вражда.

МЫ любимъ и любви не цѣнимъ,
И жаждемъ оба новизны,
Но мы другъ другу не измѣнимъ,
Мгновенной прихотью полны.

Порой, стремясь къ свободѣ прежней,
Мы думаемъ, что цѣпь порвемъ,
Но каждый разъ все безнадежнѣй
Мы наше рабство сознаемъ.

И не хотимъ конца предвидѣть,
И не умѣемъ вмѣстѣ жить,—
Ни всей душой возненавидѣть,
Ни безпредѣльно полюбить.

О, эти вѣчные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя—оба одиноки,
Враждуя—близки навсегда.

Въ борьбѣ съ тобой изнемогая
И все жъ мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ тебя.

Съ какимъ коварствомъ и обманомъ
Всю жизнь другъ съ другомъ споръ ведемъ,
И каждый хочетъ быть тираномъ,
Никто не хочетъ быть рабомъ.

Межъ тѣмъ, забыться не давая,
Она растетъ всегда, вездѣ,
Какъ смерть, могучая, слѣпая
Любовь, подобная враждѣ.

Когда другой сойдетъ въ могилу,
Тогда пойметъ одинъ изъ насъ
Любви безжалостную силу—
Въ тотъ страшный часъ, послѣдній часъ!

Одиночество въ любви.

ТЕМНѢТЬ. Въ городѣ чужомъ
Другъ противъ друга мы сидимъ,
Въ холодномъ сумракѣ ночномъ,
Страдаемъ оба и молчимъ.

И оба поняли давно,
Какъ рѣчь бессильна и мертва:
Чѣмъ сердце бѣдное полно,
Того не выразить слова.

Не виновать никто ни въ чемъ:
Кто гордость побѣдить не могъ,
Тотъ будетъ вѣчно одинокъ,
Кто любить,—долженъ быть рабомъ.

Стремясь къ блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы всѣ—одни, всегда—одни:
Я жилъ одинъ, одинъ умру.

На стеклахъ блѣднаго окна
Потухъ вечерній полусвѣтъ.—
Любить научить смерть одна
Все то, къ чему возврата нѣтъ.

Проклятiе любви.

Съ усильемъ тяжкимъ и бесплоднымъ
Я цѣпъ любви хочу разбить.
О, если-бъ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если-бъ могъ я не любить!

Душа полна стыда и страха,
Влачится въ прахъ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о, Боже, отъ любви!

Ужель непобѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежныѣ усталость,
Все безконечныѣ люблю.

И нѣтъ свободы, нѣтъ прощенья,
Мы всѣ рабами рождены,
Мы всѣ на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

De Profundis.

(Изъ дневника.)

...Въ тѣ дни будетъ такая скорбь,
какой не было отъ начала творе-
нiя, которое сотворилъ Богъ, да-
же донинѣ, и не будетъ. И если бы
Господь не сократилъ тѣхъ дней,
то не спаслась бы никакая плоть
(Ев. Марка, гл. XIII, 19, 20).

I.

Усталость.

Мнѣ самого себя не жаль.
Я принимаю всѣ дары Твои, о, Боже.
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть—одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть—
Моя послѣдняя отрада.
Не стоить ни о чемъ жалѣть,
И ни на что надѣяться не надо.

Ни мукъ, ни наслажденiй нѣтъ.
Обманъ—свобода и любовь, и жалость.
Въ душѣ—безцѣльной жизни слѣдъ—
Одна тяжелая усталость.

II.

De profundis.

Изъ преисподней вопiю
Я, жаломъ смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли въ мой духъ ожесточенный.

Люблю я смрадъ земныхъ утѣхъ,
Когда въ устахъ къ Тебѣ моленья—
Люблю я зло, люблю я грѣхъ,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Врагъ глумится надо мной:
«Нѣтъ Бога: жаръ молитвъ безплоденъ».
Паду ли ницъ передъ Тобой,
Онъ молвить: «встань и будь свободенъ».

Бѣгу ли вновь къ Твоей любви,—
Онъ искушаетъ, гордъ и злобенъ:
«Дерзай, познанья плодъ сорви,
Ты будешь силой мнѣ подобенъ».

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я вѣрю, видишь, вѣрю чуду,
Не замолчу, не отойду
И въ дверь Твою стучаться буду.

Во мнѣ горитъ желаньемъ кровь,
Во мнѣ таится сѣмя тлѣнья.
О, дай мнѣ чистую любовь,
О, дай мнѣ слезы умиленья.

И окаяннаго прости,
Очисти душу мнѣ страданьемъ—
И разумъ темный просвѣти
Ты немерцающимъ сіяньемъ!

Пустая чаша.

ОТЦЫ и дѣти, въ играхъ шумныхъ
Все истощили вы до дна,
Не берегли въ пирахъ безумныхъ
Вы драгоценнаго вина.

Но хмѣль прошелъ, слѣпой отваги
Потухъ огонь, и кубокъ пустъ.
И вашимъ дѣтямъ каплей влаги
Не омочить горящихъ устъ.

Послѣднимъ ароматомъ чаши—
Лишь тѣнью тѣни мы живемъ,
И въ страхъ думаемъ о томъ,
Чѣмъ будутъ жить потомки наши.

Парки.

БУДЬ, что будеть—все равно.
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ:
Было прахомъ, будеть прахомъ,—
Ты шуми, веретено.

Нити вѣчныя судьбы
Тянутъ Парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли.
Не склоняють ихъ мольбы,

Не плѣняетъ красота:
Головой онѣ качають,
Правду горькую вѣщаютъ
Ихъ поблеклыя уста.

Мы же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ чловѣка
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою—лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу.

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкутъ единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

Скука.

СТРАШНѢЙ, чѣмъ горе, эта скука.
Гдѣ ты, послѣдній тернъ вѣнца,
Освобождающая мука
Давно желаннаго конца?

Съ ея безсмысленнымъ мученьемъ,
Съ ея томительной игрой,
Невыносимымъ оскорбленьемъ
Вся жизнь мнѣ кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слезъ моихъ глотаю
И умираю, и молчу.

* * *

ЧТО ты можешь? Въ безумной борьбѣ
Человѣкъ не достигнетъ свободы:
Покорись же, о, духъ мой, судьбѣ
И невѣдомымъ силамъ природы!

Если надо,—смирись и живи!
Объ одномъ только помни, страдая:
Ненадолго—страданья твои,
Ненадолго—и радость земная.

Если надо,—покорно вернись,
Умирая, къ небесной отчизнѣ,
И у смерти, у жизни учись—
Не бояться ни смерти, ни жизни!

Старость.

ЧѢМЪ больше я живу—тѣмъ глубже тайна жизни,
Тѣмъ призрачнѣе міръ, страшнѣй себѣ я самъ,
Тѣмъ больше я стремлюсь къ покинутой отчизнѣ,
Къ моимъ безмолвнымъ небесамъ.

Чѣмъ больше я живу—тѣмъ скорбь моя сильнѣе
И неотзывчивѣй на голосъ дольнихъ бурь,
И смерть моей душѣ все ближе и яснѣе,
Какъ вѣчная лазурь.

Мнѣ юности не жаль: прекраснѣй солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блескъ и тишина,
Я не боюсь тебя, приди ко мнѣ, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвѣянный, я снова буду молодъ
Подъ свѣтлымъ инеемъ безгрѣшной сѣдины,
Какъ только укротить во мнѣ твой мудрый холодъ
И боль, и бредъ, и жаръ весны!

Волны.

О, если бъ жить, какъ вы живете, волны,
Свободныя, безстрастіе храня,
И холодомъ, и вѣчнымъ блескомъ полны!..
Не правда ль, вы—счастливы меня?

Не знаете, что счастье—ненадолго...
На вольную, холодную красу
Гляжу съ тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цѣпь покорно я несу.

Зачѣмъ вашъ смѣхъ такъ радостенъ и молодъ?
Зачѣмъ я цѣпь тяжелую несу?
О, дайте мнѣ невозмутимый холодъ
И вольный смѣхъ, и вѣчную красу!..

Смиреніе!.. Какъ трудно жить подъ игомъ,
Уйти бы къ вамъ и съ вами отдохнуть,
И лишь однимъ, однимъ упиться мигомъ,
Потомъ навѣкъ безропотно уснуть!..

Ни женщинѣ, ни Богу, ни отчизнѣ,
О, никому отчета не давать
И только жить для радости, для жизни
И въ пѣнѣ брызгъ на солнцѣ умирать!..

Но нѣтъ во мнѣ глубокаго безстрастья:
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю.

Мнѣ страшенъ долгъ, любовь моя тревожна.
Чтобъ вольно жить—увы! я слишкомъ слабъ...
О, неужель свобода невозможна,
И человѣкъ до самой смерти—рабъ?

Двѣ пѣсни шута.

I.

ЕСЛИ бъ капля водяная
Думала, какъ ты,
Въ часъ урочный упадая
Съ неба на цвѣты,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляетъ мной.
По моей свободной волѣ
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природѣ
Не мечтаетъ о свободѣ,
И судьбѣ слѣпой
Все покорно—влага, пламень,
Птицы, звѣри, мертвый камень;
Только весь свой вѣкъ
О невѣдомомъ тоскуетъ
И на рабство негодуетъ
Гордый человѣкъ.
Но, увы! лишь тѣ блаженны,
Сердцемъ чисты тѣ,
Кто безпечны и смиренны
Въ дѣтской простотѣ.
Насъ, глупцовъ, природа любить,
И ласкаетъ, и голубить,
Мы безъ думъ живемъ,

Безъ борьбы, послушны року,
Внизъ по вѣчному потоку,
Какъ цвѣты, плывемъ.

II.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
То короны и митры сметаешь, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая,
Смерть приходитъ къ шуту: «собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тиарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу».
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотить онъ Смерть погремущей,
По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: «ой, голубчикъ, стой!»
Но герой нашъ унять не хочетъ;
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ
пустой,

И кричить, и безумно хохочетъ:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать, припѣвая:
Громъ побѣдъ отзвучить, красота отцвѣтеть,
Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ,—
Но безсмертна лишь глупость людская!»

Природа.

НИ зломъ, ни враждою кровавой
Донынѣ затмить не могли
Мы неба чертогъ величавый
И прелесть цвѣтущей земли.

Насъ прежнею лаской встрѣчаютъ
Долины, цвѣты и ручьи,
И звѣзды все такъ же сіяютъ,
О томъ же поютъ соловьи.

Не вѣдаетъ нашей кручины
Могучій, таинственный лѣсъ,
И нѣтъ ни единой морщины
На ясной лазури небесъ.

Нирвана.

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышать эти травы...
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытатъ и числитъ.
Я только чувствую опять,
Какое счастье—не мыслить,
Какая нѣга—не желать!

* * *

ЕСЛИ розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнуть въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ,

Это смерть,—но безъ борьбы мучительной,
Это смерть, плѣнная красотой,
Объщаетъ отдыхъ упоительный,—
Лучшій даръ природы всеблагой.

У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

Усни.

УСНУТЬ бы мнѣ навѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ они:
«Усни, усни!»

И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни.
И шумъ деревъ казался чудной сказкой.
Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ приютъ въ задумчивой тѣни,
Подъ кущей вербъ, поля мои родныя,
Склонивъ колосы наливные,
Шептали мнѣ они:
«Усни, усни!»

1884

Вечеръ.

(Посвящ. С. Я. Надсону).

ГОРЯТЪ и блещутъ съ вышины
Зарей разсыпанныя розы
На блѣдной зелени березы,
На темномъ бархатѣ сосны.
По красной глинтѣ съ тощимъ мохомъ
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечеръ надо мной
Благоуханнымъ, теплымъ вздохомъ.
Поникнувъ, дремлютъ тростники;
Сверкаетъ пѣнистой пучиной,
Разбито въ дребезги плотиной
Стекло прозрачное рѣки.
Колосья зрѣющаго хлѣба
Глядятъ съ обрыва на меня;
Тамъ колья ветхаго плетня
Чернѣютъ на лазури неба...
Ужъ пламень меркнувшаго дня
Блѣдный, торжественный и тише...
Онъ подымается все выше...

Погибшій день, ты былъ ничтоженъ
И пусть, и мелочно-тревоженъ;
За что жъ на тихій твой конецъ
Самой природою возложенъ
Такой блистательный вѣнецъ?

1884

Весеннее чувство.

СЪ улыбкою безстрастія
Ты жизнь благослови:
Не нужно намъ для счастья
Ни славы, ни любви,

Но почки благовонныя
Нужны,—и небеса,
И дымкой опущенные
Прозрачные лѣса.

И пусть все будетъ молодо,
И зыбь волны, порой,
Какъ трепетное золото,
Сверкаетъ чешуей.

Какъ въ дѣтствѣ, все невиданнымъ
Покажется тогда
И снова неожиданнымъ —
И небо, и вода,

Надъ первыми цвѣточками
Жужжанье первыхъ пчель,
И съ клейкими листочками
Березы тонкій стволъ.

Съ младенчества любезное,
Намъ дорого—пойми—
Одно лишь бесполезное,
Забываемое людьми.

Вся мудрость въ томъ, чтобъ радостно
Во славу Богу пѣть.
Равно да будетъ сладостно
И жить, и умереть.

Мартъ.

БОЛЬНОЙ, усталый ледъ,
Больной и талый снѣгъ...
И все течетъ, течетъ...
Какъ веселъ вешній бѣгъ
Могучихъ мутныхъ водъ!
И плачетъ дряхлый снѣгъ
И умираетъ ледъ.
А воздухъ полонъ нѣгъ,
И колоколъ поетъ.
Отъ стрѣлъ весны падетъ
Тюрьма свободныхъ рѣкъ,
Угрюмыхъ зимъ оплотъ,—
Больной и темный ледъ,
Усталый, талый снѣгъ...
И колоколъ поетъ,
Что живъ мой Богъ вовѣкъ,
Что Смерть сама умретъ!

Ноябрь.

БЛѢДНЫЙ мѣсяцъ—на ущербѣ,
Воздухъ—звонокъ, мертвъ и чистъ,
И на голой, зябкой вербѣ
Шелестить увядшій листъ.

Замерзаетъ, тяжелѣетъ
Въ безднѣ тихаго пруда,
И чернѣетъ, и густѣетъ
Неподвижная вода.

Блѣдный мѣсяцъ на ущербѣ
Умирающій лежитъ,
И на голой черной вербѣ
Лучъ холодный не дрожить.

Блещетъ небо, догорая,
Какъ волшебная земля,
Какъ потеряннаго рая
Недоступныя поля.

Осенью въ Лѣтнемъ саду.

Въ аллеѣ нѣжной и туманной,
Шурша осеннею листвою,
Дитя букетъ собираетъ странный,
Съ улыбкой жизни молодой...

Все ближе тѣнь октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букетъ,
Но радуетъ живыя очи
Увядающихъ листьевъ пышный цвѣтъ...

Чѣмъ блѣдный вечеръ неутѣшнѣй,
Тѣмъ смѣхъ ребенка веселѣй,
Подобенъ пѣнью птицы вешней
Въ холодномъ сумракѣ аллей.

Находить въ увяданьи сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьевъ—радость,
Ему и смерть еще—игра!..

Успокоенные.

УСПОКОЕННЫЯ Тѣни,
Тѣ, что любящими были,
Бродятъ жалобной толпой
Тамъ, гдѣ волны полны лѣни,
Тамъ, надъ урной мертвой пыли,
Тамъ, надъ Летою гробовой.

Успокоенныя Тучи,
Тѣ, что днемъ, въ дыханьи бури,
Были мракомъ и огнемъ,—
Тамъ, вдали, гдѣ лѣсъ дремучій,
Спятъ въ безжизненной лазури
Въ слабомъ отблескѣ ночномъ.

Успокоенныя Думы,
Тѣ, что прежде были страстью,
Возмущеньемъ и борьбой,—
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше къ счастью,
Полны мертвой тишиной.

Осенніе листьѣ.

ПАДАЙТЕ, падайте, листьѣ осенніе,
Нѣкогда въ теплыхъ лучахъ зеленѣвшіе,
Легкія дѣти весеннія,
Сладко шумѣвшія!..
Въ утреннемъ воздухѣ дымъ,—
Пахнетъ пожаромъ лѣснымъ,
Гарью осеннею.

Молча люблюсь на вашу красу,
Позднимъ лучемъ позлащенные!
Падайте, падайте, листьѣ осенніе...
Пѣсни пость похоронныя
Вѣтеръ въ лѣсу.
Тихихъ небесъ поблѣднѣвшая твердь
Дышитъ безсмертною радостью,
Сердце чаруетъ мнѣ смерть
Неизреченною сладостью.

Мать.

Съ еще безсильными крылами
Я видѣлъ птенчика во ржи,
Межъ голубыми васильками,
У непротоптанной межи.

Надъ нимъ и надо мной витала,
Боялась мать—не за себя,
И отъ него не улетала,
Тоскуя, плача и любя.

Предъ этимъ маленькимъ твореньемъ
Я понялъ благодать Вышнихъ Силь,
И въ сердцѣ, съ тихимъ умиленьемъ,
Тебя, Любовь, благословилъ.

Сталь.

ГЛЯЖУ съ улыбкой на обломокъ
Могучей стали,—и меня
Быть сильнымъ учишь ты, потомокъ
Воды, желѣза и огня!

Твоя краса—необычайна,
О, темно-голубая сталь...
Твоя мерцающая тайна
Отраднa сердцу, какъ печаль.

А между тѣмъ твое сіянье
Нѣжнѣй, чѣмъ въ полѣ вешній цвѣтъ:
На немъ и дѣтскихъ устъ дыханье
Оставить можетъ легкій слѣдъ.

О, сердце! стали будь подобно—
Нѣжнѣй цвѣтовъ и тверже скаль,—
Возстань на силу черни злобной,
Прими таинственный закаль!

Не бойся ни врага, ни друга,
Ни мертвой скуки, ни борьбы,
Неуязвимо и упруго
Подъ страшнымъ молотомъ Судьбы.

Дерзай же, полное отваги,
Живую двойственность храня:
Безстрастный, мудрый холодъ влаги
И пылъ мятежнаго огня.

На озерѣ Комо.

КОМУ страданіе знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятно будетъ, Комо,
Твоя безвѣтренная тишь.

И по водѣ, изъ церкви дальней,
Въ селеньи бѣдныхъ рыбаковъ,
Ave Maria—стонъ печальный,
Вечерній звонъ колоколовъ...

Здѣсь горы въ зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тѣнистой
Ты убаюкало печаль.

И обѣщанье такъ прекрасно,
Такъ миль обманчивый привѣтъ,
Что вотъ опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, въ мірѣ нѣтъ.

Помпея.

НАДЪ городомъ вѣка неслышно протекли,
И царства рушились; но пепломъ сохраненный,
Донинѣ онъ лежитъ, какъ трупъ непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругомъ—послѣдняго мгновенья ужасъ вѣчный,—
Въ низверженныхъ богахъ съ улыбкой ихъ безпечной,
Въ остаткахъ отъ одеждъ, отъ хлѣба и плодовъ,
Въ безмолвныхъ комнатахъ и опустѣлыхъ лавкахъ
И даже въ ларчикѣ съ флакономъ для духовъ,
Въ коробочкѣ румянъ, въ запястьяхъ и булавахъ;
Какъ будто бы вчера прорыть глубокий слѣдъ
Тяжелымъ колесомъ повозокъ нагруженныхъ,
Какъ будто мраморъ бань былъ только что согрѣтъ
Прикосновеньемъ тѣлъ, елеемъ умащенныхъ.
Воздушнѣе мечты—картины на стѣнѣ:
Тритонъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ,
И въ ризахъ вѣющихъ божественныя Музы.
Здѣсь все кругомъ полно, могильной красоты,
Не мертвой, не живой, но вѣчной, какъ Медузы
Окаменѣлыя отъ ужаса черты...

.....
А въ голубыхъ волнахъ бѣлѣютъ паруса,
И дымъ Везувія, красю безмятежной
Блестая на зарѣ, восходитъ въ небеса,
Подобно облаку, и розовый, и нѣжный...

1891 г.

Смѣхъ боговъ.

ЛЕГОКЪ, свѣтелъ, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ,
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ!

Страшенъ былъ ихъ гимнъ побѣдный
Въ бурной тѣмѣ, когда по нимъ
Одиссей, скиталецъ бѣдный,
Мчался, ужасомъ томимъ.

И покрытый черной тиной,
Какъ обломокъ корабля,
Царь былъ выброшенъ пучиной,
Нелюдимая земля,—

На пески твоей пустыни,
И среди холодныхъ скалъ
Съ благодарностью Аѳинѣ
Онъ молитвы возсылалъ...

Въ Провидѣннѣ вѣры полный,
Ты не видишь, Одиссей,
Какъ смѣются эти волны
Надъ молитвою твоей.

Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ—
Легокъ, свѣтелъ, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ.

На Черномъ морѣ.
1889 г.

Парѣенонъ.

МНѢ будетъ вѣчно дорогъ день,
Когда вступилъ я, Пропилей,
Подъ вашу мраморную сѣнь,
Что пѣны волнъ морскихъ бѣлѣ,
Когда, священный Парѣенонъ,
Я увидалъ въ лазури чистой
Впервые мраморъ золотистый
Твоихъ божественныхъ колоннъ,
Твой камень, солнцемъ весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Какъ тѣло юной Афродиты,
Рожденной пѣною морской.
Здѣсь было все душѣ родное,
И Саламинъ, и Геликонъ,
И это море голубое
Межъ бѣлыхъ, дѣвственныхъ колоннъ.
Съ тѣхъ поръ душѣ моей святыня,
О, скудной Аттики земля,
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

Титаны.

(Къ мраморамъ пергамскаго жертвенника).

ОБИДА! Обида!
Мы—первые боги,
Мы—древнія дѣти
Праматери-Геи,—
Великой Земли!
Измѣною братьевъ,
Боговъ Олимпійцевъ,
Низринуты въ Тартаръ,
Отвыкли отъ солнца,
Оглохли, ослѣпли
Во мракъ подземномъ,
Но все еще помнимъ
И любимъ лазурь.
Обуглены крылья,
И ногъ змѣвидныхъ
Раздавлены кольца,
Тройными цѣпами
Обвиты тѣла,—
Но все еще дышимъ,
И наше дыханье
Колеблетъ громаду
Дымящейся Этны,
И землю, и небо,
И храмы боговъ.
А боги смѣются,
Высоко надъ нами,
И люди страдаютъ,
И время летитъ.

Но здѣсь мы не дремлемъ:
Мы мщенье готовимъ,
И землю копаемъ,
И гложемъ, и роемъ
Когтями, зубами,
И нѣтъ намъ покоя,
И смерти намъ нѣтъ.
Источимъ, пророемъ
Глубокіе корни
Хребтовъ неподвижныхъ
И вырвемся къ солнцу,—
И боги воскликнуть,
Блѣднѣя, какъ воры:
«Титаны! Титаны!»
И выронять кубки,
И будетъ ужаснѣй
Громовъ Олимпійскихъ,
И землю разрушить
И небо—нашъ смѣхъ.

Римъ.

КТО тебя создалъ, о, Римъ? Геній народной свободы!
Если бы смертный, навѣкъ выю подъ игомъ скло-
нивъ,
Въ сердцѣ своемъ потушилъ вѣчный огонь Прометея,
Если бы въ мірѣ вездѣ духъ человѣческій палъ,—
Здѣсь возопили бы древняго Рима священные камни:
«Смертный, безсмертенъ твой духъ; равенъ богамъ
человѣкъ!»

Пантеонъ.

ПУТНИКЪ съ печальнаго Сѣвера къ вамъ, Олимпійскіе боги,
Сладостнымъ страхомъ объять, въ древній вхожу
Пантеонъ.

Духъ вашъ, о, люди, лишь здѣсь спорить въ величьи съ
богами:

Гдѣ же бессмертные, гдѣ—Рима всемірный Олимпъ?
Нынѣ кругомъ запустѣніе, нынѣ царить въ Пантеонѣ
Древнему сонму боговъ чуждый, невѣдомый Богъ!
Вотъ Онъ, распятый, пронзенный гвоздями, въ коронѣ
терновой.

Мука—въ безкровномъ лицѣ, въ кроткихъ очахъ Его—
смерть.

Знаю, о, боги блаженные, мука для васъ ненавистна.

Вы отвернулись, рукой очи въ смятении закрывъ.

Вы улетаеете прочь, Олимпійскія свѣтлыя тѣни!..

О, подождите, молю! Видите: это—мой Братъ,
Это—мой Богъ!... Передъ Нимъ я невольно склоняю
колѣни...

Радостно муку и смерть принялъ Благой за меня...

Вѣрю въ Тебя, о, Господь, дай мнѣ отречься отъ жизни,

Дай мнѣ во имя любви вмѣстѣ съ Тобой умереть!..

Я оглянулся назадъ; солнце, открытое небо...

Льется изъ купола свѣтъ въ древній языческій храмъ.

Въ тихой лазури небесъ—нѣтъ ни мученія, ни смерти:

Сладокъ намъ солнечный свѣтъ, жизнь—драгоценнѣй-
шій даръ!..

Гдѣ же ты, истина?.. Въ смерти, въ небесной любви и
страданьяхъ,

Или, о, тѣни боговъ, въ вашей земной красотѣ?

Спорять въ душѣ чловѣка, какъ въ этомъ божественномъ
храмѣ,—

Вѣчная радость и жизнь, вѣчная тайна и смерть.

Римъ.
1891 г.

Будущій Римъ.

РИМЪ—это міра единство: въ республикѣ древней—
свободы

Строгий языческій духъ объединялъ племена.

Пала свобода,—и мудрые Кесари вѣчному Риму

Мыслью о благѣ людей вновь покорили весь міръ.

Паль императорскій Римъ, и во имя Всевышняго Бога

Въ храмѣ великомъ Петра весь человѣческій родъ
Церковь хотѣла собрать. Но, вслѣдъ за языческимъ
Римомъ,

Римъ христіанскій погибъ: вѣра потухла въ сердцахъ.
Нынѣ въ развалинахъ древнихъ мы, полные скорби,
блуждаемъ.

О, неужель не найдемъ вѣры такой, чтобы вновь
Объединить на землѣ всѣ племена и народы?

Гдѣ ты, невѣдомый Богъ, гдѣ ты, о, будущій Римъ?

1891 г.

* * *

ТАКЪ жизнь ничтожествомъ страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только безконечной скукой
И тихимъ ужасомъ полна,
Что кажется—я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мнѣ все одно и то же снится.
И если тамъ, гдѣ буду я,
Господь меня, какъ здѣсь, накажетъ—
То будетъ смерть, какъ жизнь моя,
И смерть мнѣ новаго не скажетъ.

— EX LIBRIS —
Biblioteki Kuratorium O.S.B.
w Białymstoku

Двойная бездна.

НЕ плачь о неземной отчизнѣ,
И помни,—болѣе того,
Что есть въ твоей мгновенной жизни,
Не будетъ въ смерти ничего.

И жизнь, какъ смерть необычайна...
Есть въ мірѣ здѣшнемъ—міръ иной.
Есть ужасъ тотъ же, та же тайна—
И въ свѣтѣ дня, какъ въ тьмѣ ночной.

И смерть и жизнь—родныя бездны;
Онѣ подобны и равны,
Другъ другу чужды и любезны,
Одна въ другой отражены.

Одна другую углубляетъ,
Какъ зеркало, а человекъ
Ихъ соединяетъ, раздѣляетъ
Своею волею навѣкъ.

И зло, и благо,—тайна гроба.
И тайна жизни—два пути—
Ведутъ къ единой цѣли оба.
И все равно, куда идти.

Будь мудръ,—иного нѣтъ исхода.
Кто цѣпь послѣднюю расторгъ,
Тотъ знаетъ, что въ цѣпяхъ свобода,
И что въ мученіи—восторгъ.

Ты самъ—свой Богъ, ты самъ свой ближній.
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Какъ Богъ мой на крестѣ—я умеръ бы любя.
Но ближнихъ не люблю, какъ не люблю себя,
И все-таки порой исходить сердце кровью.

О, мой Отецъ, о, мой Господь,
Жалѣю всѣхъ живыхъ въ ихъ слабости и силѣ,
Въ блаженствѣ и скорбяхъ, въ рожденіи и могилѣ.
Жалѣю всякую страдающую плоть.

И кажется порой—у всѣхъ одна душа,
Она зоветъ Тебя, зоветъ и умираетъ,
И бредитъ въ шелестѣ ночного камыша,
Въ глазахъ больныхъ дѣтей, въ огняхъ зарницъ сіяетъ.

Душа моя и Ты—съ Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасомъ объятый,
Какъ нѣкогда съ креста Твой Первенецъ Распятый,
Міръ вопіетъ: Лама! Лама! Савахѣани.

Душа моя и Ты—съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о, мой послѣдній Врагъ.
Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой ка-
ждый шагъ
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,

И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я—одно и то же,
И вопію къ Тебѣ, какъ сынъ твой: Боже, Боже,
За что оставилъ Ты меня?

Дѣтское сердце.

Я помню, какъ въ дѣтствѣ неожиданную сладость
Я въ горечи слезъ находилъ иногда,
И странную нѣгу, и новую радость—
Въ мученьи послѣднихъ обидъ и стыда.

Въ постели я плакалъ, припавъ къ изголовью;
И было прощеніемъ сердце полно,
Но все жъ не людей,—бесконечной любовью
Я Бога любилъ и себя, какъ одно.

И словно незримый слеталъ утѣшитель,
И съ ласкою тихой склонялся ко мнѣ;
Не зналъ я, то мать или ангель-хранитель,
Ему я, какъ ей, улыбался во снѣ.

Въ послѣдней обидѣ, въ предсмертной пустынѣ,
Когда и въ тебѣ измѣняетъ мнѣ все,
Не ту же ли сладость находить и нынѣ
Покорное, дѣтское сердце мое?

Безумье иль мудрость,—не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
И такъ,—что чѣмъ сердцу больнѣе, тѣмъ слаще,
И Бога люблю и себя, какъ одно.

16 августа 1900 г.

Трубный гласъ.

ПОДЪ землею слышенъ ропоть,
Тихій шелестъ, шорохъ, шопоть.
Слышенъ въ небѣ трубный гласъ:
— Братъ, вставай же, будять насъ.
— Нѣтъ, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,
Не мѣшай же мнѣ, молчи,
Въ стѣну гроба не стучи.
— Не заснешь теперь, ужъ поздно.
Зовъ раздался слишкомъ грозно,
И встають вблизи, вдали,
Изъ разверзшейся земли,
Какъ изъ матерней утробы,
Мертвецы, покинувъ гробы.
— Не могу и не хочу,
Я закрылъ глаза, молчу,
Не повѣрю я обману,
Я не встану, я не встану.
Братъ, мнѣ стыдно—весь я пыль,
Пыль и тлѣнь, и смрадъ, и гниль.
— Братъ, мы Бога не обманемъ,
Всѣ проснемся, всѣ мы встанемъ,
Всѣ пойдемъ на Страшный судъ.
Вотъ, престоль уже несутъ
Херувимы, серафимы.
Вотъ нашъ царь дориносимый.
О, вставай же,—радъ не радъ,
Все равно, ты встанешь, братъ.

Молитва о крыльяхъ.

НИЩЪ простерты, унылые,
Безнадежные, безкрылые,
Въ покаяніи, въ слезахъ,—
Мы лежимъ во прахъ прахъ,
Мы не смѣемъ, не желаемъ,
И не вѣримъ, и не знаемъ,
И не любимъ ничего.
Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси насъ отъ безсилъ,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья духа твоего!

Веселыя думы.

БЕЗЪ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О, странно веселыя думы мои!

Во мракѣ и сырости старыхъ садовъ—
Унылая яркость послѣднихъ цвѣтовъ.

ЛЕГЕНДЫ И ПОЭМЫ.

Леда.

I.

«Я—Леда, я—бѣлая Леда, я—мать красоты.
Я сонныя воды люблю и ночные цвѣты.
Каждый вечеръ, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, тамъ, гдѣ пахнетъ водой,—
Въ душиной тѣмѣ грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная,—
Тамъ, гдѣ сырость, и нѣга, и зной,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой и купавами,
Влажными, блѣдными травами,
И таинственнымъ иломъ въ пруду,—
Тамъ я жду.
Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможенная,
Въ сырость теплую, въ мягкія травы ложусь
И горю, и томлюсь.
Въ душиной тѣмѣ грозовой,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой,
Жду—и въ страстномъ безсиліи,
Я блѣднѣ, прозрачнѣ сломанной лиліи.
Тамъ я жду, а въ пруду только звѣзды блещуть,
И въ тиши камыши шелестятъ, шелестятъ».

II.

«Вотъ и крикъ, и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:

Это—Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь—мой супругъ!
Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ, обвивъ меня, ласкалъ
Тонкой шеей лебединою,—
Влажныхъ губъ моихъ искалъ...

Крылья воду бьютъ,
Грозень темный прудъ,—
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ,—
Такъ онъ гордъ своей побѣдою:
Гдѣ я, что со мной—не вѣдаю:
Это—смерть, но не боюсь,
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилея,
Ласкамъ бога предаюсь.
Гдѣ я, что со мной,—не вѣдаю». —
Все покрыто тьмой,
Только надъ водой—
Бѣлый Лебедь съ бѣлой Ледою.

III.

И вотъ рождается Елена.
Съ невинной прелестью лица,
Но вся—коварство, вся—измѣна,
Бѣлѣе, чѣмъ морская пѣна,—
Изъ лебединого яйца.
И слышенъ вопль Гекубы въ Троѣ
И Андромахи вѣчный стонъ,
Сразились боги и герои,
И палъ священный Иліонъ.
А ты, Елена, клятвы мира
И долгъ нарушивъ,—ты чиста.
Тебя прославить пѣснь Омира,
Затѣмъ, что вся надежда міра
Дочь бѣлой Леды—Красота.

Маркъ Аврелій.

ВѢКА, разрушившіе Римъ,
Тебя не тронувъ, пролетѣли
Надъ изваяніемъ твоимъ,
Безсмертный Маркъ Аврелій!

Въ благословенной тишинѣ
Донынѣ ты, какъ триумфаторъ,
Сидишь на бронзовомъ конѣ,
Философъ-императоръ.

И въ складкахъ падаетъ съ плеча
Простая риза, не порфира.
И нѣтъ въ рукѣ его меча,
Онъ—провозвѣстникъ мира.

Невозмутимъ его покой,
И все въ немъ просто и велико.
Но вѣтъ грустью неземной
Отъ царственного лика.

Въ тяжелый вѣкъ онъ жилъ, какъ мы,
Онъ жилъ во дни борьбы мятежной,
И надвигающейся тьмы,
И грусти безнадежной.

Онъ зналъ: погибнетъ Римъ отцовъ.
Но предъ толпой не лицемерилъ.
Чѣмъ меньше вѣрилъ онъ въ боговъ,
Тѣмъ больше въ правду вѣрилъ.

Владѣя міромъ, никого
Онъ даже словомъ не обидѣлъ,
За Римъ, не вѣря въ торжество,
Онъ умеръ и предвидѣлъ,

Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдалъ все, что было въ жизни—
Свою послѣднюю любовь,
Послѣдній вздохъ отчизнѣ.

Въ душѣ правдивой и простой,
Навѣки чуждой ослѣпленья,
Была не вѣра, а покой
Великаго смиренья.

Онъ, исполняя долгъ, страдалъ
Безъ вдохновенья, безъ отрады,
И за добро не ожидалъ
И не хотѣлъ награды.

Теперь, стоитъ онъ, одинокъ,
Подъ голубыми небесами
На Капитоліи, какъ богъ,
И ясными очами

Глядитъ на будущее, въ даль:
Онъ сбросилъ дольней жизни тягость.
Въ лицѣ—спокойная печаль
И неземная благодѣть.

Будда.

I.

Онъ лежитъ подъ навѣсомъ пурпурнаго ложа
Въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ вечернихъ огней;
Молодого чела золотистая кожа
Оттѣняется мракомъ глубокихъ очей.
Смотритъ Будда, какъ дѣвы проносятся въ пляскѣ
И вино изъ кувшиновъ серебряныхъ льютъ;
Вызывающій взоръ—полонъ огненной ласки;
Ударяя въ тимпанъ, баядеры поютъ.
И зовутъ онѣ къ радостямъ нѣги безпечной
Тѣхъ, кто молодъ, прекрасенъ, могучъ и богатъ.
Но, какъ звонъ погребальный, какъ стонъ беско-
нечный,
Переливы тимпановъ для Будды звучать:

«Все стремится къ разрушенью—
Всѣ міры и всѣ рѣка,
Словно близится къ паденью
Необъятная рѣка.
Все живое смерть погубить,
Все, что мило,—смерть возьметъ.
Кто любилъ тебя—разлюбить,
Радость призракомъ мелькнетъ.
Нѣтъ спасенья! Слава, счастье,
И любовь, и красота—
Исчезаютъ, какъ въ ненастье
Яркой радуги цвѣта.

Духъ безумно къ небу рвется,
Плоть прикована къ землѣ:
Какъ пчела—въ сосудѣ, бьется
Человѣкъ въ глубокой мглѣ!»

II.

Передъ ложемъ царя баядеры плясали;
Но для Будды звучалъ тотъ же грустный напѣвъ
Въ этихъ гимнахъ, что жизнь и любовь прославляли,
Въ тихой музыкѣ струнъ, въ нѣжномъ голосѣ дѣвъ:

«Въ цвѣтѣ жизни, въ блескѣ счастья
Вкругъ тебя—толпы друзей.
Сколько мнимаго участя,
Сколько ласковыхъ рѣчей!
Но дохнетъ лишь старость злая,
Розы юности губя,
И друзья, какъ волчья стая,
Къ новой жертвѣ убѣгая,
Отшатнутся отъ тебя.
Ты, отверженный богами,
Будешь нищъ и одинокъ,
Какъ покинутый стадами
Солнцемъ выжженный потокъ.
Словно дерево въ пустынь,
Опаленное грозой,
Въ поздней, старческой кручинѣ
Ты поникнешь головой.
И погразнешь ты въ заботѣ,
Въ тинѣ мелочныхъ обидъ,
Словно дряхлый слонъ въ болотѣ,
Всѣми брошенъ и забытъ.
Что намъ дѣлать? Страсти, горе
Губятъ тысячи людей,
Какъ пожаръ—траву степей,
И печаль растеть, какъ море!
Что намъ дѣлать? Меркнетъ умъ,
И толпимся мы безъ цѣли—

Такъ испуганныхъ газелей
Гонить огненный самумъ!»

III.

Баядеры поютъ про надежды и счастье,
Но напрасно тимпаны и лютни гремятъ;
Какъ рыдающій вѣтеръ въ ночное ненастье,
Пѣсни, полныя жизни, для Будды звучать:

«Близокъ страшный день возмездья:
Задрожитъ земля и твердь,
И потушитъ всѣ созвѣздя
Торжествующая смерть.
Миръ исчезнетъ, какъ зарница
Въ полночныхъ небесахъ;
Все, что есть, намъ только снится,
Вся природа—дымъ и прахъ!
Наши радости мгновенны,
Какъ обманчивые сны,
Какъ въ пучинѣ брызги пѣны,
Какъ надъ моремъ блескъ луны.
Всѣ желанія, какъ сѣти,
Какъ свѣча для мотыльковъ:
Мы кидаемся, какъ дѣти,
За видѣньемъ лживыхъ сновъ.
Страсти, нѣга, наслажденья—
Никому и никогда
Не приносятъ утolenья,
Какъ соленая вода...
Что намъ дѣлать? Гдѣ спаситель?
Какъ защитника найти?
Бодизатва-Утѣшитель!
Пробилъ часъ,—пора идти!
Въ этотъ пламень необъятный
Мукъ, желаній и страстей
Ты, какъ ливень благодатный,
Слезы жалости пролей!...»

.....

Когда и небеса нечисты предъ лицомъ
 Всевышняго, когда не довѣряетъ
 Онъ даже ангеламъ Своимъ,—
 То какъ же чистымъ быть предъ Нимъ
 Тому, кто рвется на свободу,
 Въ темницу плоти заключенъ,
 Тому, кто женщиной рожденъ
 И беззаконье пьетъ, какъ воду?

Ювѣ.

О, да, надъ бездной Богъ грядетъ,
 Столпы земли передвигаетъ,
 Печать на звѣзды налагаетъ,
 Прикажетъ—солнце не взойдетъ.
 Онъ пронесется,—не замѣчу,
 Захочетъ взять,—кто запретить?
 Онъ спроситъ,—какъ Ему отвѣчу?
 Накажетъ,—кто меня проститъ?
 Предъ взоромъ мудрости Господней
 Открыты тайны преисподней,
 И херувимы, падши ницъ,
 Не открывая въ страхъ лицъ,
 Трепещутъ у Его подножья,
 И полонъ міръ Его чудесъ,
 И все величіе небесъ—
 Отъ дуновения Духа Божья.
 Живъ мой Создатель, живъ Господь,
 Мой Богъ, суда меня лишившій,
 Мнѣ душу скорбью омрачившій;
 Его нельзя мнѣ побороть.
 Но пусть страдаю, неутишный,—
 Я вашей лжи не потерплю,
 И правоты моей безгрѣшной,
 Пока я живъ, не уступлю.
 Голодныхъ я кормилъ, я утолялъ печали,
 Я утишалъ больныхъ, для сиротъ былъ отецъ,
 И чресла бѣдняковъ меня благословляли,
 Согрѣтыя руномъ моихъ овецъ.

За щедрость въ дни бывые славилъ
 По всей землѣ меня народъ.
 Въ тѣни вечерней у воротъ
 Мое сѣдалище я ставилъ.
 И юноши ко мнѣ, и старцы, приходя,
 Въ благоговѣніи молчали,
 И словъ моихъ смиренно ждали,
 Какъ благодатнаго дождя.
 За что же нынѣ я въ позоръ,
 Людми отвергнутый, живу,
 Не знаю, гдѣ въ слезахъ и горѣ
 Склонить бездомную главу?
 Въ пыли, со струпами на почернѣлой кожѣ,
 Сижусь и думаю: меня утишить ложе.
 Но Богъ видѣнными пугаетъ и во снѣ.
 И ночью холодно въ разодранныхъ одеждахъ,
 Во мнѣ страдаетъ духъ, и плоть болитъ на мнѣ,
 Тѣнь смерти—на усталыхъ вѣждахъ.
 И все-таки я правъ, я чистъ передъ Тобой,
 Не вѣдаю, Господь, за что терплю мученье.
 Земля, ты кровь мою невинную не скрой,—
 Да вопіетъ она о мщеньи!

Валдаты.

Скажи, ты видѣлъ ли, чтобъ Богъ вознаграждалъ
 Людей жестокихъ и лукавыхъ,
 Чтобъ Онъ поддерживалъ неправыхъ
 И непорочныхъ отвергалъ?
 О, нѣтъ,—въ шатрѣ у беззаконныхъ
 Померкнетъ радостный очагъ,
 Онъ возстановитъ угнетенныхъ,
 И будетъ къ праведному благъ,
 И судъ рабамъ своимъ даруетъ.
 Но кары Божьей не минуетъ
 Творящій темныя дѣла:
 Когда въ бронѣ онъ бесполезной
 Уйдетъ отъ палицы желѣзной,
 Настигнетъ мѣдная стрѣла!

За грѣхъ твой скорбь вошла въ обитель,
И за вину твоихъ дѣтей
Рукою любящей Своей
Тебя караетъ Вседержитель.
Терпи, смирайся и молчи.

Ювъ.

Всѣ утѣшенія напрасны,
О, бесполезные врачи!
Шатры злодѣевъ—безопасны,
Дома грабителей полны
Благословенной тишины.

Я знаю: правды нѣтъ, и все-жъ о ней тоскую,
Безъ правды жить я не хочу,
Лишь только вспомню,—негодую
И содрогаюсь и ропщу.

Не буду я молчать, не буду покоряться,
Невиненъ я, — и пусть меня накажетъ Богъ.
О, если-бъ съ Нимъ я только могъ,
Какъ равный съ равнымъ состязаться!
Но нѣтъ возмездья, нѣтъ суда.

Ужель Онъ праведныхъ не любить,
И злыхъ, и добрыхъ вмѣстѣ губить?
Зачѣмъ, о, Господи, не вѣдаетъ труда
И богатѣетъ нечестивый?

Зачѣмъ обильный плодъ ему приносятъ нивы,
И множатся въ поляхъ его стада?

Зачѣмъ преступные живутъ среди веселій,
Пируютъ, смерти не боясь?
Ихъ дѣти прыгаютъ, смѣясь,
Подъ звукъ тимпана и свирѣли?
Господь забылъ Своихъ рабовъ,
Онъ не поможетъ угнетеннымъ.
Онъ не утѣшитъ бѣдняковъ,—
Онъ землю отдалъ беззаконнымъ.

И отторгаютъ отъ сосцовъ

Младенцевъ плачущихъ, живутъ подъ кровомъ неба
Нагіе безъ одеждъ, голодные безъ хлѣба.

Межъ тѣмъ, какъ долженъ быть злодѣй
Соломинкой, Господь, въ живой рукѣ Твоей,
Былинкой, вѣтромъ уносимой,—
Онъ жизнь кончасть невредимый.

«Его потомству Богъ возмездье бережетъ»,—

Такъ кто-нибудь изъ васъ мнѣ скажетъ.
Но пусть и самъ злодѣй отъ мести Божьей пьетъ,
Пускай Господь самихъ грабителей накажетъ,

А до дѣтей и до грядущихъ бѣдъ
Имъ послѣ смерти—дѣла нѣтъ.
Скопилось въ мірѣ слишкомъ много
Неотомщаемыхъ обидъ,—
И это видятъ очи Бога,
Онъ это терпитъ и молчитъ!

Софаръ.

Не говори, что Богъ несправедливъ,
Но люди Вѣчнаго постигнуть не умѣютъ.
Лишь сердцемъ мудрые, гордыню укротивъ,

Предъ Нимъ благоговѣютъ,—
Затѣмъ, что святъ Его законъ,
И въ сонмѣ ангеловъ небесныхъ
Онъ страшнымъ для очей тѣлесныхъ
Великолѣпьемъ окруженъ.

И если-бъ отнялъ Онъ на мигъ Свое дыханье
И сердце обратилъ къ Себѣ Господь,
Погибъ бы человѣкъ и всякое созданье,
И возвратилась бы во прахъ живая плоть.

Ты самъ избралъ свою дорогу:
На бремя жизни не ропщи.
Будь добрымъ для себя, не угождай Богу,
И за добро свое награды не ищи.

Мы по землѣ пройдемъ, какъ тѣни.
Учись у древнихъ мудрецовъ,
Учись у прошлыхъ поколѣній,
У нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

А мы—вчерашніе и ничего не знаемъ,
Во всемъ ничтожные—во благѣ и во злѣ,

Мы, не достигнувъ на землѣ
Ни мудрости, ни счастья,—умираемъ.

Иовъ.

О, если-бъ могъ судьбой я помѣняться съ вами,
Не такъ же ли, какъ вы, главой бы я киваль,
Старался бы помочь въ страданіяхъ словами,
Движеньемъ губъ васъ утѣшалъ.
Но тотъ, чье сердце въ счастья дремлетъ,
Понять чужую скорбь не можетъ никогда.
Кричу: обида! Богъ не внемлетъ,
Я вопію,—и нѣтъ суда.
И что мы—для Него? Зачѣмъ подстерегаетъ,
Зачѣмъ испытываетъ насъ
Онъ каждый день и каждый часъ,
И мститъ, и горечью намъ душу пресыщаетъ?
Не Ты-ль образовалъ, скрѣпилъ костями плоть,
И жизнь не Самъ ли Ты вдохнулъ въ меня, Господь.
Не Ты ли надо мной трудился, какъ ваятель?
За что невиннаго губить?
Ужели хочешь истребить
Ты дѣло рукъ Твоихъ, Создатель?
И въ нескончаемой борьбѣ
Зачѣмъ меня врагомъ поставилъ ты Себѣ?
Кого преслѣдуешь? Какъ ураганъ—пылинку,
Меня похитить смерть. Я слабъ и одинокъ.
Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листокъ,
Не сокрушаешь ли увядшую былинку?
Кто знаетъ, доживу-ль до завтрашняго дня.
Вотъ скоро я умру,—поищешь,—нѣтъ меня.
Уйду — и не вернусь — въ страну могильной
сѣни,
Въ страну безмолвія и ужаса, и тѣни.
Когда могучій стволъ повалить дровосѣкъ,
Еще надежда есть, что вновь зазеленѣетъ
Полуизсохшій пенъ и дастъ живой побѣгъ,
Какъ только брызнетъ дождь и сыростью по-
вѣетъ;

А если человѣкъ съ лица земли исчезъ,—
Онъ не вернется вновь, изъ гроба не воспрянетъ,
Во прахѣ ляжетъ и не встанетъ
Онъ до скончанія небесъ.
О, если у Тебя—могущество и благодать,
Господь, что значить грѣхъ людей,
Зачѣмъ бы не простить и осужденій тягость
Не снять съ души моей?
Отвѣть же, выслушай, Владыка, оправданье,
Иль лучше—нѣтъ, оставь, оставь меня, забудь,
Чтобъ мнѣ опомниться, перевести дыханье,
Не мучай, отступи и дай мнѣ отдохнуть!

III.

Смертному Богъ отвѣчалъ несказаннымъ глаголомъ
изъ бури.
Иовъ лежалъ предъ лицомъ Іеговы во прахѣ и пеплѣ:
«Вотъ я ничтоженъ, о, Господи! Мнѣ ли съ Тобою
бороться?
Руку мою на уста полагаю, умолкнувъ навѣки».
Но противъ воли, межъ тѣмъ какъ лежалъ онъ во
прахѣ и пеплѣ,—
Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.
Богъ возвратилъ ему прежнее счастье, богатство
умножилъ.
Новыя дѣти на праздникъ свѣтломъ опять пировали.
Овцы, быки и верблюды въ долинахъ паслись без-
мятежныхъ.
Умеръ онъ въ старости, долгими днями вполне на-
сыщенный,
И до колѣна четвертаго внуковъ и правнуковъ видѣлъ.
Только въ морщинахъ лица его вѣчная дума таилась,
Только и въ радости взоръ омраченъ былъ невѣдо-
мой скорбью.
Тщетно за всѣхъ угнетенныхъ алкала душа его
правды,—
Правды Господь никому никогда на землѣ не
откроетъ.

Леонардо да-Винчи.

О, Винчи, ты во всемъ—единый:
Ты побѣдилъ старинный плѣнь.
Какою мудростью змѣиной
Твой страшный ликъ запечатлѣнь!

Уже, какъ мы, разнообразный,
Сомнѣняемъ дерзкимъ ты великъ,
Ты въ глубочайшіе соблазны
Всего, что двойственно, проникъ.

И у тебя во мглѣ иконы
Съ улыбкой Сфинкса смотреть вдаль
Полуязыческія жены,—
И не безгрѣшна ихъ печаль.

Пророкъ, иль демонъ, иль кудесникъ,
Загадку вѣчную храня,
О, Леонардо, ты—предвѣстникъ
Еще невѣдомаго дня.

Смотрите вы, больныя дѣти
Больныхъ и сумрачныхъ вѣковъ,
Во мракъ будущихъ столѣтій
Онъ, непонятенъ и суровъ,—

Ко всѣмъ земнымъ страстямъ безстрастный,
Такимъ останется навѣкъ—
Боговъ презрѣвшій, самовластный,
Богopodobный человекъ.

Микель-Анжело.

ТЕБѢ навѣки сердце благодарно,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ тонимъ,
Бродилъ у волнъ мутно-зеленыхъ Арно,

По галлереемъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмыя
За мной слѣдили: подходилъ я къ нимъ

Благоговѣнно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ обѣтаны были сномъ,
А мраморные люди, какъ живые,

Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаждой славы,
Боккачіо съ привѣтливымъ лицомъ,

Макіавели, другъ царей лукавый,
И нѣжная Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый,

И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ,—да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древняго волхва

Похожий и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ,
Я—гость межъ ними, робкій и случайный.

И, попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ,—

Такъ я глядѣлъ на нихъ: и были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной,
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ межъ древними мужами
Я возлюбилъ того, кто головой

Поникъ на грудь, подавленный мечтами,
И опытный въ добрѣ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами:

Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ

Я никогда, и къ собственной отчизнѣ
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.

И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ—

Твое упорство вѣчное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель Страшнаго Суда,
Твой безпощадный духъ, Буонаротти.

И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.

Усилюмъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ

Осуществить чудовищныхъ мечтаній
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.

Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ вѣкъ, — и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья

Страданій человѣческихъ предѣлъ.
Одной судьбы ты понялъ неизбѣжность
Для злыхъ и добрыхъ: плодъ великихъ дѣлъ—

Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклялъ, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,

Искусство проклялъ, но пока уста,
Безъ вѣры, Бога въ мукахъ призывали,—
Душа была угрюма и пуста.

И Богъ не утолил твоей печали,
И отъ людей спасенья ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.

Ты больше не молился, не ропталъ,
Ожесточенъ въ страданьи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ;

И вотъ стоишь, непобѣдимый рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый ликъ,
Въ отчаяньи спокойномъ и глубокомъ,

Какъ демонъ безобразенъ—и великъ.

Франческа Римини.

ПОРОЙ чета голубокъ надъ полями
Межъ черныхъ тучъ мелькнетъ передъ грозою,
Во мглѣ сіяя бѣлыми крылами;

Такъ въ царствѣ вѣчной тьмы передо мною
Сверкнули двѣ обнявшіяся тѣни,
Озарены печальной красотою.

И въ ихъ чертахъ былъ прежній слѣдъ мученій,
И въ ихъ очахъ былъ прежній страхъ разлуки,
И въ граціи медлительныхъ движеній,

Въ томъ, какъ онѣ другъ другу жали руки,
Лицомъ къ лицу поникнувъ съ грустью нѣжной,
Былой любви высказывались муки.

И волновалась грудь моя мятежно,
И я спросилъ ихъ, тронутый участиемъ,
О чемъ они тоскуютъ безнадежно.

И былъ отвѣтъ: «Съ жестокимъ самовластьемъ
Любовь, одна любовь насъ погубила,
Не давъ упиться мимолетнымъ счастьемъ;

Но смерть—ничто, ничто для насъ—могила,
И намъ не жаль потеряннаго рая,
И муки въ рай любовь преобразила.

Завидуютъ намъ ангелы, взирая
Съ лазури въ темный адъ на наши слѣзы,
И плачутъ втайнѣ, безъ любви скучая.

О, пусть Творецъ намъ шлетъ свои угрозы,
Всѣ эти муки—слаще поцѣлуя,
Всѣ угли ада искрятся, какъ розы!»

—«Но гдѣ и какъ,—страдальцамъ говорю я,—
Впервый межъ вами пламень страстной жажды
Преграды свергъ, на цѣпи негодуя?»

И былъ отвѣтъ: «Читали мы однажды
Наединѣ о страсти Ланчелотта,
Но о своей лишь страсти думалъ каждый.

Я помню книгу, бархатъ переплета,
Я даже помню, какъ въ зарѣ румяной
Заглавныхъ буквъ мерцала позолота.

Открыты были окна, и туманный,
Нагрѣтый воздухъ въ комнату струился;
Ронялъ цвѣты жасминъ благоуханный.

И мы прочли, какъ Ланчелоттъ склонился
И, поцѣлуемъ скрывъ улыбку милой,
Уста къ устами, въ рукахъ ея забылся.

Увы! насъ это мѣсто погубило,
И въ этотъ день мы больше не читали.
Но сколько счастья солнце озарило!..»

И тѣнь умолкла, полная печали.

Уголино.

(Легенда изъ Данте).

Въ послѣднемъ кругѣ ада передъ нами
Во мглѣ поверхность озера блистала
Подъ ледяными твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Какъ пухъ, громада каменной вершины,
Не раздробивъ ихъ вѣчнаго кристалла.

И какъ лягушки, вынырнувъ изъ тины,
Среди болотъ виднѣются порою,—
Такъ въ озерѣ той сумрачной долины

Безчисленные грѣшники толпою,
Согнувшіеся, голые сидѣли
Подъ ледяной, прозрачною корою.

Отъ холода ихъ губы посинѣли,
И слезы на ланитахъ замерзали,
И не было кровинки въ блѣдномъ тѣлѣ.

Ихъ мутный взоръ поникъ въ такой печали,
Что мысль моя отъ страха цѣпенѣть,
Когда я вспомню, какъ они дрожали,—

И солнца лучъ съ тѣхъ поръ меня не грѣетъ.
Но вотъ земная ось ужъ недалеко:
Скользить нога, въ лицо мнѣ стужей вѣетъ...

Тогда увидѣлъ я во мглѣ глубоко
Двухъ грѣшниковъ: безумьемъ пораженный,
Одинъ схватилъ другого и жестоко

Впился зубами въ черепъ раздробленный,
И грызъ его, и вытекалъ струями
Изъ черной раны мозгъ окровавленный.

И я спросилъ дрожащими устами,
Кого онъ пожираетъ. Подымая
Свой обагранный ликъ и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Онъ отвѣчалъ: «Я призракъ Уголино,
А эта тѣнь—Руджьеръ; земля родная

Злодѣя прокляла... Онъ былъ причиной
Всѣхъ мукъ моихъ: онъ заточилъ въ оковы
Меня съ дѣтьми, гонимаго судьбиной.

Тюремный сводъ давилъ, какъ гробъ свинцовый;
Сквозь щель его не разъ на тверди ясной
Я видѣлъ, какъ рождался мѣсяцъ новый—

Когда тотъ сонъ приснился мнѣ ужасный:
Собаки волка стараго травили;
Руджьеръ ихъ плетью гналъ, и звѣрь несчастный

Съ толпой волчатъ своихъ по сѣрой пыли
Влачилъ кровавый слѣдъ, и онъ свалился,
И гончія клыки въ него вонзили.

Услышавъ плачъ дѣтей, я пробудился:
Во снѣ, полны предчувственной тоскою,
Они молили хлѣба, и тѣснился

Мнѣ въ грудь невольный ужасъ предъ бѣдою.
Ужель въ тебѣ нѣтъ искры сожалѣнья?
О, если ты не плачешь надо мною,

Надъ чѣмъ же плачешь ты!.. Среди томленья
Тотъ часъ, когда намъ пищу приносили,
Давно прошелъ; ни звука, ни движенья...

Въ нѣмыхъ стѣнахъ — все тихо, какъ въ могилѣ.
Вдругъ тяжкій молотъ грянулъ за дверями...
Я понялъ все: то входъ тюрьмы забили.

И пристально безумными очами
Взглянулъ я на дѣтей, передо мною
Они рыдали тихими слезами.

Но я молчалъ, поникнувъ головою;
Мой Анзельмуччио мнѣ съ лаской милой
Шепталъ: «О, какъ ты смотришь, что съ тобою?»

Но я молчалъ, и мнѣ такъ тяжело было,
Что я не могъ ни плакать, ни молиться.
Такъ первый день прошелъ, и наступило

Второе утро: кроткая денница
Блеснула вновь, и въ трепетномъ мерцаньи
Узнавъ ихъ блѣдныя, худыя лица,

Я руки грызъ, чтобъ заглушить страданье.
Но дѣти кинулись ко мнѣ, рыдая,
И я затихъ. Мы провели въ молчаньи

Еще два дня... Земля, земля нѣмая,
О, для чего ты насъ не поглотила!..
Къ ногамъ моимъ упалъ, ослабѣвая,

Мой бѣдный Гаддо, простонавъ уныло:
«Отецъ, о, гдѣ ты, сжался надо мною!..
И смерть его мученья прекратила.

Какъ сынъ за сыномъ падалъ чередою,
Я видѣлъ самъ своими же очами,
И вотъ одинъ, одинъ подъ вѣчной мглою

Надъ мертвыми, холодными тѣлами—
Я звалъ дѣтей; потомъ въ изнеможеньи
Я ощущую, безсильными руками,

Когда въ глазахъ уже померкло зрѣнье,
Искалъ ихъ труповъ, ужасомъ томимый,
Но голодъ, голодъ побѣдилъ мученье!..»

И онъ умолкъ, и вновь, неутомимый,
Схватилъ зубами черепъ въ дикой злости
И грызъ его, палачъ неумолимый:

Такъ алчный песъ грызетъ и гложетъ кости.

Донъ-Кихотъ.

ШЛЕМЪ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

Для него хромая кляча—
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья—
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога.
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санхо Панца ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезень:
Какъ прилично коньеносцу,
Онъ величественъ и грозень.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза,—
Эта царственная дама—
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ,
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

«Люди добрые, ликуйте,—
Наступаетъ праздникъ вѣчный:
Миръ не солнцемъ озарится,
А любовью безконечной...

Будутъ все равны; другъ друга
Перестанутъ ненавидѣть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмѣютъ васъ обидѣть.

Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
Этотъ мечъ несетъ свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Аплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весъ отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цырульникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ-Кихоту:

«Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
Я желаю вамъ успѣха!...»
И не въ силахъ кончить слова,
Задыхается отъ смѣха.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его—такъ свѣтель,
Очи—полны вдохновенья.

Онъ смѣшонъ; но столько дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Столько вѣры безмятежной.

И любовь, и вѣра святы.
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты.

Разслабленный.

(Легенда.)

СХОЛАСТИКЪ нѣкій, именемъ Евлогій,
Подвинутый любовью, міръ презрѣлъ
И въ монастырь ушелъ, раздавъ имѣнье,
Но, ремесла не вѣдая, межъ братій
Въ бездѣйствіи невольномъ пребывалъ.
Однажды онъ разслабленнаго встрѣтилъ,
Лежавшаго на улицѣ, безъ рукъ,
Безъ ногъ: молилъ онъ гласомъ лишь и взоромъ
О помощи. Евлогій же сказалъ:
«Возьму къ себѣ разслабленнаго, буду
Любить его, покоить до конца,
И такъ спасусь. Терпѣнья дай, о, Боже,
Мнѣ, грѣшному, чтобъ брату послужить!»
Онъ, приступивъ къ разслабленному, молвилъ:
«Не хочешь ли, возьму тебя къ себѣ
И твой недугъ и старость упокою?»
— «Ей, Господи!» разслабленный въ отвѣтъ.
Тогда Евлогій: «Приведу осла,
Чтобъ отвезти тебя въ мою обитель».
И съ радостью великой ожидалъ
Его бѣднякъ. Привелъ осла Евлогій,
Больного взявъ, отвезъ къ себѣ домой
И сталъ о немъ заботиться, и пробылъ
Пятнадцать лѣтъ разслабленный въ дому
Евлогія, и тотъ его поконилъ,
Служилъ ему, какъ дряхлому отцу,

Кормилъ его, какъ малаго ребенка,
На собственныхъ рукахъ его носилъ.

Но дьяволъ сталъ завидовать обоимъ:
Хотѣлъ онъ мзды Евлогія лишить.
И, развративъ разслабленнаго, ярость
Вдохнулъ въ него, и началъ тотъ во гнѣвѣ
Евлогія хулить: «Ты—бѣглый рабъ,
Похитившій имѣнье господина!

Ты чрезъ меня спасаешься, ты принялъ
Калѣку въ домъ, чтобъ назвали тебя
И праведнымъ, и милосерднымъ люди!..»
Но съ кротостью отвѣтствовалъ Евлогій:
«Не будь ко мнѣ несправедливымъ, братъ,
И лучше ты скажи, какое зло
Я сотворилъ тебѣ,—и я покаюсь».

Но возопилъ калѣка: «Не хочу
Любви твоей! Неси меня изъ дома,
На улицѣ повергни! Не хочу
Ни ласкъ твоихъ, ни твоего покоя!»
Евлогій же: «Молю тебя, утѣшься!»
Но въ ярости разслабленный кричалъ:
«Мнѣ скучно здѣсь, противна эта жизнь!
И не терплю я твоего лукавства...
Дай мяса мнѣ!.. Я мясо ѣсть хочу!..»

Тогда принесъ ему Евлогій мяса.
«Одинъ съ тобою быть я не могу:
Хочу живыхъ людей, хочу народа!»
— «Я много братій приведу тебѣ...»
— «О, горе мнѣ,—больной ему въ отвѣтъ,—
О, горе, окаянному! Противно
И на твое лицо смотрѣть: ужель
Еще толпу такихъ же праздноядцевъ
Ты приведешь ко мнѣ?..» И разъярился,
И голосомъ онъ дикимъ возопилъ:
«Нѣтъ, не хочу я, не хочу! Повергни
Опять меня туда, откуда взялъ:
На улицу хочу я, на распутье!
Тамъ—пыль и солнце, пролетаютъ птицы,
И по камнямъ грохочутъ колесницы.

Тамъ вѣтеръ пахнетъ моремъ, и вдали
Крылатые бѣлѣютъ корабли...
Мнѣ скучно здѣсь, гдѣ лишь лампы, тлѣя,
Кончатъ нѣмые лики образовъ,
Гдѣ—ладана лишь запахъ, да елей,
И душный мракъ, и звонъ колоколовъ...
О, если-бъ были руки,—удавился
Иль закололъ бы я себя ножомъ!..»

Въ смятеніи пошелъ Евлогій къ братьямъ.
«Что дѣлать мнѣ?» онъ старцевъ спросилъ.
Они его къ Антонію послали.
И на корабль онъ посадилъ больного,
И выѣхалъ, и прибылъ къ той землѣ,
Гдѣ жилъ Антоній, схимникъ, и съ калѣкой
Пришелъ къ нему Евлогій и сказалъ:
«Пятнадцать лѣтъ больному я служилъ,—
Онъ за любовь меня возненавидѣлъ.
И я спросить пришелъ къ твоей святынѣ,
Что сотворю я съ нимъ?» Тогда въ отвѣтъ
Проговорилъ Антоній гласомъ тяжкимъ
И яростнымъ: «Евлогій, если ты
Отвергнешь брата,—помни, что Спаситель
Бездомнаго вовѣки не отвергнетъ:
Его въ раю высоко надъ тобою
Онъ вознесетъ». Евлогій ужаснулся;
Антоній же—разслабленному: «Рабъ,
Земли и неба недостойный, ты ли
Дерзнулъ хулу на Господа изречь?..
Такъ помни же, что Самъ тебѣ Спаситель
Во образѣ Евлогія служилъ!»
Потомъ онъ сталъ учить обоихъ: «Дѣти,
Не разлучайтесь другъ отъ друга,—нѣтъ:
Отъ сатаны пришло вамъ искушеніе.
Идите съ миромъ, отложивъ печаль.
Я вѣдаю, что при концѣ вы оба,
Что близко смерть: вы у Христа вѣнцовъ
Заслужите, ты—имъ, и онъ—тобою.
Но если-бъ Ангелъ Смерти прилетѣлъ
И на землѣ васъ не нашелъ бы вмѣстѣ,—

То лишены вы были бы вѣнцовъ.
Такъ тѣ, кто любятъ,—мученики оба,
Прикованы другъ къ другу навсегда:
И большаго нѣтъ подвига предъ Богомъ,
Нѣтъ въ мірѣ большей казни, чѣмъ любовь!»

Христосъ, Ангелы и Душа.

(Мистерія XIII вѣка.)

I.

Ангелы

КАКЪ нищій съ сумкой бѣдной,
Куда идешь, Христосъ,
Ты, горестный и блѣдный,
Одинъ въ юдоли слезъ?

Христосъ.

Иду я въ міръ унылый
Къ возлюбленной моей,
Назвавъ невѣстой милой,
Я сердце отдалъ ей.
Она Меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невѣста измѣнила,
Покинула Меня.
И все о ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю Я дочь земную
Избранницу Мою.
Я далъ ей духъ свободный,
Ее одну любя,
Я сдѣлалъ благородной,

Похожей на Себя.
Я далъ ей плоть въ рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала нынѣ
Рабой своей рабы.
Она—во власти тѣла
И, Господа забывъ,
Дары Мои презрѣла,
Отвергла Мой призывъ.

Ангелы.

Но той, кто всѣхъ дороже,
Кого Ты такъ любилъ,
Сказать ли намъ, о, Боже,
Что Ты ее простишь?

Христосъ.

Скорѣй несите вѣсти
Возлюбленной Моей,
Что Я простишь невѣстѣ,
Что Я грущу о ней!
Зачѣмъ же длить разлуку?
Скажите, чтобъ пришла,
Чтобъ милаго на муку,
На смерть не обрела.
И брачныя одежды
Я возвращу ей вновь,
И всѣ Мои надежды,
И всю Мою любовь!

II.

Ангелы.

Душа въ оковахъ тѣла
И смерти, и грѣха,

Ты Господа презрѣла,
Отвергла Жениха.
Поднять не смѣешь вѣжды,
Не можешь встать съ земли.
Разорваны одежды,
Чело твое—въ пыли.

Душа.

Изгнанницею рая
Живу я во грѣхѣ,
Скорбя и вспоминая
О миломъ Женихѣ,
И тщетно, умирая
Въ порокѣ и во злѣ,
Покинутого рая
Ищу я на землѣ.

Ангелы.

Омой слезами очи,
Съ надеждой подымись,
Скорѣй изъ мрака ночи
Ты къ Господу вернись.
Тебя онъ приметъ снова,
Забудь печаль и страхъ,
Не скажетъ Онъ ни слова,
Не вспомнитъ о грѣхахъ.

Душа.

О, гдѣ же Онъ?... Далеко
Отъ Бога моего,
Я плачу одиноко,
Умру я безъ Него...
Скажите мнѣ, скажите,
Видалъ ли кто-нибудь,

Гдѣ Милый, укажите
Къ Возлюбленному пути!

Ангелы.

Мы видѣли: распятый,
Одинъ на высотѣ
Голгоѣ, тьмой объятый,
Страдалъ Онъ на крестѣ.
Въ тоскѣ изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя...

Душа.

Я плакать буду вѣчно.
За мѣръ Онъ пролилъ кровь,
Любилъ такъ безконечно,
И умеръ за любовь!..
Въ любви—какая сила!..
Любовь, о, для чего,
Безумная, убила
Ты Бога моего?

Протопопъ Аввакумъ.

I.

ГОРЕ вамъ, Никоніане! вы глумитесь надъ Христомъ,—
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутомъ!

Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвѣ праведномъ воз-
сталъ,
И прольется надъ землею Божьей ярости фіаль.

Нашу свѣтлую Россію отдалъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и плоть.

Укрѣпи меня, о, Боже, на великую борьбу,
И пошли мнѣ мощь Самсона, недостойному рабу...

Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взывалъ
И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обличалъ.

Помню, помню дни гоненья:—вотъ въ цѣпяхъ меня ве-
дутъ
Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника, на судъ.

Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной.
И разжегся духъ мой гнѣвомъ—поднялъ крестъ я надъ
главой

И въ лицо злодѣямъ плюнулъ, и, какъ зайцы по кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.

«Будьте прокляты!—я крикнулъ—вамъ позоръ изъ рода
въ родъ:
Задушили правду Божью, погубили вы народъ!»

Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны дикой брани, очи—лютаго огня.

И какъ волки обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
«Еретикъ насъ обезчестилъ, на костеръ его!» кричатъ.

То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и пустырь,—
Чернецы везутъ разстригу Аввакума въ монастырь.

Привезли меня въ Андроньевъ, — тутъ и бросили въ
тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы—прямо въ холодъ, смрадъ и
тьму.

Тамъ, глубоко подъ землею, въ этой сумрачной норѣ
Думалъ съ завистью я, грѣшный, о собачьей конурѣ.

II.

Я три дня лежалъ безъ пищи,—наступалъ четвертый
день...
Былъ то сонъ, или видѣнье, — я не вѣдаю... Сквозъ
тѣнь—

Вижу, двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.

Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ немного
щецъ:
«На, Петровичъ, ѣшь, родимый!» и любовно, какъ отецъ,

Смотрить въ очи, тихо пальцы онъ кладетъ мнѣ на
чело,

И руки прикосновенье братски-нѣжно и тепло.

И счастливый, и дрожащій, я припалъ къ его ногамъ,
И края святой одежды прижималъ къ моимъ устамъ.

И шепталъ я, какъ безумный: «дай мнѣ муки претер-
пѣть,
Свѣтъ-Христосъ, родной, желанный,—за Тебя бы уме-
реть!...»

III.

Это было на Устюгѣ: разъ—я помню—ввечеру
Старца божьяго Кирилла привели мнѣ въ конуру.

Съ нимъ въ тюрьмѣ я прожилъ мѣсяцъ; былъ онъ пра-
ведникъ душой,
Но безумнымъ притворялся, полонъ ревности святой.

Все-то пляшетъ и смѣется, все вполголоса поетъ,
И качаясь, вмѣсто бубновъ, кандалами мѣрно бьетъ;

День юродствуетъ, а ночью на молитвѣ онъ стоитъ,
И горячими слезами цѣпи мученикъ кропитъ.

Я любилъ его; онъ тяжкимъ былъ недугомъ одержимъ
Бѣдный другъ! Какъ за ребенкомъ, я ухаживалъ за
нимъ.

Онъ страдать умѣлъ такъ кротко: весь въ жару изнемо-
галъ,

Но съ пылающаго тѣла власяницы не снималъ.

Я печальный голосъ брата до сихъ поръ забыть не
могъ:

«Дай мнѣ пить!» бывало скажетъ; взоръ—такъ нѣженъ
и глубокъ.

На рукахъ моихъ онъ умеръ; безмятежно и свѣтло,
Какъ у спящаго младенца, было мертвое чело.

И покойника, прощаясь, я въ уста поцѣловаль:
Спи, Кириллушка, сердечный, спи, — ты много постра-
далъ.

Надъ твоей могилой тихой херувимы сторожатъ;
Спи же, другъ, легко и сладко, отдохни, усгалый братъ!

IV.

Въ конурѣ моей подземной я покинуть былъ опять
Цѣлымъ міромъ. Даже время пересталъ я различать.

Поглупѣлъ совсѣмъ отъ горя: день и ночь въ углу си-
дишь,
Да замерзшими ногами въ землю до крови стучишь.

Если жъ солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на кир-
пичѣ,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучѣ, —

Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.

На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и счастливъ.

Сердцу воля воспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

V.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый край
земли
Аввакума протопопа въ ссылку вѣчную везли.

Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ, дебряхъ
и лѣсахъ
Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.

Помню—Пашковъ на Байкалѣ разъ призвалъ меня къ
себѣ;
Окруженный казаками, онъ сидѣлъ въ своей избѣ.

Какъ у бѣлаго медвѣдя, взоръ пылалъ; суровый ликъ,
Обрамлень сѣдою гривой, налить кровью былъ и дикъ.

Грозно крикнулъ воевода: «Покорись мнѣ, протопопъ!
Брось ты дьявольскую вѣру, а не то—вгону во гробъ!»

— «Человѣкъ, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдалъ уже не мало—пострадаю до конца!»

— «Эй, ребята, начинайте!» закричалъ онъ гайдукамъ.
Повалили и связали по рукамъ и по ногамъ.

Свистнулъ кнутъ... — Окровавленный, полумертвый я
твержу:
«Помоги, Господь!»—а Пашковъ: «Отрекайся—пощажу».

Нѣтъ, Иусе, Сыне Божій, лучше—думаю—не жить,
Чѣмъ злодѣя передъ смертью о пощадѣ мнѣ просить.

Все исчезло... и казалось, что я умеръ... чей-то вздохъ
Мнѣ слышался, и кто-то молвилъ: «Кончено,—издохъ!»

VI.

Я въ дощеникѣ очнулся... Тишь и мракъ... Лежу на
днѣ,
Хлещетъ мокрый снѣгъ да ливень по израненной спинѣ.

Тянетъ жилы, кости ноютъ... Тяжко! страхъ меня
объялъ;
Обезумѣвъ отъ страданій, я на Бога возронталъ:

«Горько мнѣ, Отецъ небесный, я молиться не могу:
Ты забылъ меня, покинулъ, предалъ лютomu врагу!»

Гдѣ найти мнѣ судъ и правду? Чѣмъ Христа я про-
гнѣвилъ,
И за что, за что я гибну?...» Такъ я, грѣшный го-
ворилъ.

Вдругъ на небѣ какъ-то чудно просвѣтлѣло, и порой
Словно ангельское пѣнье проносилось надъ землей...

Вѣютъ крылья серафимовъ, и кадильницы звенять,
Сквозь холодный дождь и выюгу дышитъ теплый ароматъ.

Ты, Иисусе мой сладчайшій, муки въ счастье превра-
тилъ,
Пристыдилъ меня любовью, окаяннаго простилъ!

И свѣтло въ душѣ, и тихо: темной ночью, подъ до-
ждемъ,
Какъ дитя въ спокойной люлькѣ,—я въ дощеникѣ моемъ.

Хорошо мнѣ, и не знаю—въ небесахъ, или во мнѣ—
Словно ангельское пѣнье раздается въ тишинѣ.

VII.

По скаламъ—орелъ да кречеть, въ мракѣ дѣвственныхъ
лѣсовъ—
Чернобурая лисица, стаи дикихъ кабановъ.

Тамъ и стерлядь, и осетры ходятъ густо подъ водой,
Таймень жирная сверкаетъ серебристой чешуей.

Все тамъ есть, но все чужое,—люди, вѣра... И тоскойю
Ноетъ сердце, вспоминая объ отчизнѣ дорогой.

Повстрѣчали мы однажды у Байкальскихъ береговъ
Соболиную станицу нашихъ русскихъ земляковъ.

Это край счастливый. Горы тамъ уходятъ въ небеса,
Ихъ подножья осѣнили кедровъ темные лѣса.

Тамъ, посѣянные Богомъ, разрослись въ тиши долинъ
Сладкій лукъ, чеснокъ и мята, и душистый розмаринъ

Плачутъ миленькіе, смотреть, не насмотрятся на насъ,
Обнимаютъ и жалѣютъ, подхватили мой карбасъ,

И хлопчутъ, и смѣются: каждый жизнь отдать готовъ;
Привезли мнѣ на телѣгѣ сорокъ свѣжихъ осетровъ.

Вмѣстѣ кашу заварили, пѣли пѣсни за костромъ;
На чужбинѣ Русь святую поминали мы добромъ.

Въ эту ночь, съ улыбкой тихой, очи скорбныя сме-
живъ,
Засыпали мы подъ шорохъ золотыхъ, родимыхъ нивъ.

VIII.

Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я перенесъ:
Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода—горька отъ
слезъ.

На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, лямку съ бурлаками я таялъ.

Безъ пріюта, безъ одежды насыщался я порой
То поганою кониной, то сосновою корой.—

Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль—все голый
ледъ.

Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть везетъ.

Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ;
Скользко, ноги еле держатъ. Полумертвые бредемъ.

Протопопица, бывало, поскользнется, упадетъ.
На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже аится, и оба на снѣгу они лежатъ,
И барахтаются въ шубахъ, встать не могутъ и кричатъ.

«Задавилъ меня ты, батько!»—«Государыня, прости!»
Что тутъ дѣлать,—смѣхъ и горе! я спѣшу къ нимъ по-
дойти,

И бранить меня съ улыбкой, и бредеть она опять:
«Протопопъ ты горемычный, долго ль намъ еще стра-
дать?»

— «Видно, Марковна, до смерти!» Тихо, съ ласковымъ
лицомъ:

— «Что жъ, Петровичъ, отвѣчаетъ, съ Богомъ дальше
побредемъ!»

На саяхъ у насъ, въ обозѣ, помню, курочка была;
Два яйца для нашихъ дѣтокъ каждый день она несла.

Чудо-птица! и за деньги намъ такой бы не найти.
Жалко, бѣдную въ обозѣ раздавили на пути.

До сихъ поръ объ ней я помню: я привыкъ ее ласкать;
Мы крупу въ котлѣ семейномъ позволяли ей клевать:

Божья тварь! Создатель любить всѣхъ животныхъ, какъ
людей;

Онъ не брезгаетъ, Пречистый, и послѣднимъ изъ звѣрей,

Онъ изъ рукъ Своихъ питаетъ все, что дышитъ и
живетъ,

Онъ и птицу пожалѣетъ, и былинку сбережетъ.

IX.

Собрались мы плыть на лодкахъ; кормчій парусъ по-
дымалъ;
Изъ тайги въ ту пору бѣглый къ намъ бродяга за-
бѣжалъ.

Онъ, дрожа и задыхаясь, палъ на землю предо мной
И глядѣлъ мнѣ прямо въ очи съ боязливою мольбой:

«Я скитался дикимъ звѣремъ тридцать дней въ глуши
лѣсовъ,
Сжался, батюшка, не выдай, скрой отъ лютыхъ каза-
ковъ!..»

Видю—лобъ съ клеймомъ позорнымъ, обручъ сломанныхъ
цѣпей,
Но прощенья страшно молить взоръ испуганныхъ очей.

Плачетъ, ноги мнѣ цѣлуетъ, окровавленный, въ пыли:
До чего созданье Божье, человѣка, довели!..

Я забылъ, что онъ преступникъ, я хотѣлъ его под-
нять.
И какъ брату, кто бъ онъ ни былъ, слово доброе ска-
зать.

Но жена меня торопитъ: «Спрячемъ бѣднаго скорѣй..!»
И голубка отвернулася,—льются слезы изъ очей.

Скрылъ я миленькаго въ лодкѣ, да подушекъ навалилъ;
Протопопицу и дѣтокъ на постелю положилъ.

Казаки къ намъ скачутъ вихремъ и съ пищалями въ
рукахъ.
Какъ затравленнаго звѣря, ищутъ бѣглаго въ кустахъ.

И кричатъ намъ: «Гдѣ бродяга?—ужь не спрятанъ ли
у васъ?»
— «Никого мы не видали,—общите нашъ карбасъ!»

Ищутъ, роютъ, но съ постели бѣдной Марковны моей
Не согнали: «Спи, родная, не тревожься!» молвятъ ей,—

«Вдоволь мукъ ты натерпѣлася!»—Такъ его и не нашли.
Обманулъ я ихъ, сердечныхъ. Дѣлать нечего—ушли.

Пусть же Богъ меня накажетъ: какъ мнѣ было не со-
глатъ?
Согрѣшилъ я противъ воли: я не могъ его предать.

X.

Вижу—меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная растеть,
Вижу—льется кровь невинныхъ, братъ на брата воз-
стаеть.

Что же дѣлать мнѣ? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать?

Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣтиковъ
моихъ:
Какъ ихъ бросить безъ защиты; горько, страшно мнѣ
за нихъ!

И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьи я, поникнувъ головой.
Но жена ко мнѣ подходитъ, тихо молвить: «Что съ
тобой?

Отчего ты такъ кручиненъ?» — «Дорогая, жаль мнѣ
васъ!
Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній часъ.

На кого тебя оставляю?...» Съ нѣжной ласкою въ очахъ—
«Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ,—молвить,—тамъ, на
небесахъ

Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же—бренный че-
ловѣкъ.
Онъ — Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ насъ
во-вѣкъ.

Будь же весель и спокоенъ, насъ въ молитвахъ по-
минай
Еретическую блудню предъ народомъ обличай.

Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди скорѣй
во храмъ,
Проповѣдуй слово Божье!»...

XI

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ по-
ведутъ
На костеръ меня, разстригу, и съ проклятьями со-
жгутъ.

Но звучить мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ тишинѣ:
«Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко Мнѣ!»

Дай мнѣ, Боже, хоть послѣдній уголокъ въ святомъ раю,
Только бъ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Марковну
мою.

Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ силъ:
Тридцать лѣтъ, Никоніане, я жестоко васъ бранилъ.

Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ,—вы простите дураку:
Вѣдь и мнѣ пришлось не мало натерпѣться, старику...

Вы простите, не сердитесь,—всѣ мы братья о Христѣ,
И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ на
Крестѣ.

Такъ возлюбимъ же другъ друга,—вотъ послѣдній мой
завѣтъ.
Все въ любви,—законъ и вѣра... Выше заповѣди нѣтъ.

Францискъ Ассизскій.

часть первая.

I.

ЭТО было въ Средніе Вѣка.
 На высотахъ Умбріи лѣсной,
 Гдѣ смолою пахнетъ воздухъ чистый,
 И въ затишьи сонномъ городка
 Только ласточки поютъ въ карнизѣ
 Вѣковыхъ бойницъ, поросшихъ мхомъ,—
 Бернадоне Пьетро жилъ въ Ассизи.
 Торговалъ онъ шелкомъ и сукномъ.
 У него былъ сынъ. Веселый, нѣжный,
 Въ темной лавкѣ стараго купца
 Мальчикъ росъ, мечтательный, небрежный
 Къ деньгамъ, счетамъ строгаго отца.
 Онъ не могъ понять его заботы
 О товарахъ, цѣнахъ, и въ тоскѣ
 Все слѣдилъ, какъ Пьетро сводитъ счета
 Съ важнымъ видомъ мѣломъ на доскѣ.
 Скучно! Онъ глядитъ изъ-за прилавка,
 Улыбаясь, въ глубину небесъ...
 Поскорѣй бы за городъ, и въ лѣсъ,
 На поля, гдѣ зеленѣетъ травка!..
 Иногда про сына своего
 Думалъ Пьетро хитрый, скопидомный:
 «Мой Франческъ!—мальчикъ добрый, скромный,

Но купца не выйдетъ изъ него:
 Слишкомъ нѣженъ, слишкомъ ручки бѣлы;
 Все бъ ему наряды и духи.
 Все бъ ему романы да новеллы,
 И стихи, проклятые стихи!
 Охъ, ужъ эти мнѣ поэты—манятъ
 Грезы славы. Признавался самъ,
 Что однажды, глупой риемой занятъ,
 Онъ едва не продалъ господамъ
 Изъ Кремоны мнѣ въ убытокъ полку
 Лучшихъ свитковъ голубого шелку.
 Надо мѣры строгія принять!»
 И на сына Пьетро негодуетъ.
 А межъ тѣмъ его, какъ прежде, мать,
 Потихоньку отъ отца, балуетъ.
 Мальчикъ выросъ; деньгамъ не узналъ
 Онъ цѣны: чтобъ только видѣть вѣчно
 Радостныя лица, онъ бросалъ
 Золото пригоршнями безпечно.
 Онъ любилъ веселье, жизнь, людей
 И родную зелень сосенъ, воду,
 Пиршествъ шумную свободу.
 За столомъ, когда въ кругу гостей
 Онъ смѣялся и шутилъ бывало—
 Въ шуткахъ что-то дѣтское звучало
 И такое милое, что всѣхъ
 Побѣждалъ невольно этотъ смѣхъ.

II.

По лугамъ, росистымъ, полнымъ мира,
 Шли друзья однажды утромъ съ пира.
 Вдругъ они Франциска у Креста
 Въ брошенной часовнѣ увидали,
 Блѣднаго, поникшаго въ печали.
 Онъ у ногъ распятаго Христа
 Горько плакалъ. Въ праздничной одеждѣ
 Въ дни веселья, роскоши и нѣгъ
 Никогда такимъ онъ не былъ прежде;

Передъ ними — новый человекъ.
 «Что съ тобой, о чемъ ты плачешь?» — «Братья,
 Плачу я о Господѣ моемъ!..
 Бѣдный!.. Посмотрите на Распятѣ,
 Онъ страдаетъ!.. Слезъ моихъ о Немъ
 Не стыжусь, предъ цѣлымъ міромъ всюду
 О Христѣ я громко плакать буду!..
 И обнявъ подножіе Креста,
 Онъ припалъ къ нему еще любовнѣй:
 Въ это утро, въ брошенной часовнѣ
 Понялъ онъ страданія Христа.

III.

Собиралось въ лавкѣ у Франциска
 Много знатныхъ рыцарей и дамъ.
 Шляпу снявъ, онъ кланялся имъ низко.
 «Есть обновки, заходите къ намъ!»
 И встрѣчалъ ихъ ласково у двери.
 Подражая ловкому купцу,
 Онъ развертывалъ куски матерій,
 Говорилъ: «Вотъ это вамъ къ лицу!»
 Своему усердью самъ не вѣрилъ,
 Думалъ объ итогахъ барыша,
 Торговался, ткань аршиномъ мѣрилъ,
 И волною мягкою шурша,
 Падалъ желтый шелкъ подъ блескомъ солнца.
 Дамы деньги вынули. Въ лучѣ
 Заиграло золото червонца.
 У одной былъ соколъ на плечѣ.
 Пахло тонкими духами. Мѣтки
 Ихъ остроты, легокъ разговоръ;
 И ласкаются у ногъ сенъоръ
 Съ острой мордой бѣлыя ливретки.
 Но Францискъ на улицу взглянулъ:
 Тамъ, подъ знойнымъ солнцемъ, у порога
 Робко нищій руку протянулъ
 И сказалъ: «Подайте, ради Бога!» —
 «Богъ подастъ», рукой онъ сдѣлалъ знакъ,

Но какъ только отошелъ бѣднякъ,
 Сердце сжалось отъ стыда и боли.
 «Что я сдѣлалъ!» блѣдный, онъ умолкъ,
 И не въ силахъ притворяться долѣ,
 Онъ за полцѣны имъ отдалъ шелкъ.
 И потомъ онъ днемъ и ночью видѣлъ
 Бѣдняка молящій, кроткій взоръ,
 И скорбѣлъ, и золото съ тѣхъ поръ
 Онъ еще сильнѣй возненавидѣлъ.

IV.

Для отца онъ сдѣлать все готовъ;
 Взялъ изъ лавки суконъ разноцвѣтныхъ
 И товаръ навьючилъ на ослонъ.
 Мимо бѣдныхъ селъ, долинъ привѣтныхъ,
 Сосенъ, виноградниковъ и скалъ
 Онъ ослонъ на ярмарку погналъ.
 Смотритъ важно, говоритъ онъ съ вѣсомъ,
 На базаръ торопится купецъ,
 И тюки, какъ опытный дѣлецъ,
 Разложилъ на рынкѣ подъ навѣсомъ.
 Онъ въ дѣлахъ выказываетъ жаръ,
 Сердится и споритъ. Весь товаръ
 Проданъ выгодно. Но отъ заботы
 Онъ всю ночь въ гостиницѣ не спалъ.
 Въ головѣ — итоги, цифры, счеты...
 Утромъ возвращается домой.
 Онъ ушелъ бы въ лѣсъ дышать прохладой,
 И смотрѣть, какъ блещетъ мохъ росой.
 Но въ лѣсу ограбить могутъ: надо
 Торопиться. Въ страхѣ и тоскѣ
 Щупаетъ онъ деньги въ кошелькѣ...
 Онъ бы легъ въ траву подъ эти клены,
 Чтобъ надъ нимъ былъ листьевъ сводъ зеленый, —
 Только страшно деньги потерять,
 И едва лишь вспомнилъ ихъ — опять
 Все померкло...

Нищіе толпою

За вожатаемъ идуть. У нихъ
Лица неподвижны, словно тьмою
Взоръ подернуть. Онъ узналъ слѣпыхъ
И смутился, и скорбѣлъ душою,—
Совѣсти почувствовавъ упрекъ:
«Нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ?» въ кошелекъ
Руку опустилъ, червонецъ вынулъ,
Думалъ спрятать вновь—и нищимъ кинулъ.
Вотъ второй и третій, и дождемъ
Сыплются монеты золотыя.
Онъ кидаетъ съ радостнымъ лицомъ.
Споръ и драку подняли слѣпые.
Отдалъ все Францискъ, и у него
Вмѣстѣ съ деньгами съ души усталой
Словно бремя тяжкое спадало,
И въ улыбокѣ доброй—торжество.
Бѣдетъ дальше: каждая былинка,
Небо, птицы, рѣзвый мотылекъ,
И смолы янтарная слезинка
На соснѣ, и трепетный цвѣтокъ,
Полны радости великой, снова
Встрѣтили Франциска, какъ родного.
Онъ съ довѣремъ смотритъ въ небеса,
Господу поетъ хвалу простую.
И долины, горы и лѣса
Повторяютъ пѣснь его святую.

V.

«Гдѣ червонцы? Гдѣ мои товары?..
«Нищимъ роздалъ, нищимъ сто монетъ!..
«Такъ не сынъ же ты мнѣ больше, нѣтъ!..
Будь ты проклятъ!..» Бернадоне старый
Палку въ ярости схватилъ: «Ты воръ,
Извергъ, роду нашему позоръ!»
Истошивъ угрозы и упреки,
Подавъ въ судъ отецъ его жестокий.
Но Францискъ, когда его зовутъ
Къ городскимъ старѣйшинамъ на судъ,

Отвѣчаетъ, кроткій и спокойный:
«Я предъ Богомъ грѣшникъ недостойный...
Вы простите мнѣ, но признаю
Одного я въ мірѣ Судію.
Надъ людьми поставленъ Онъ отъ вѣка,
И во всемъ я дамъ ему отвѣтъ:
Человѣкъ не судитъ человѣка,
Между мной и Богомъ судей нѣтъ!»

VI.

И его къ епископу призвали.
Долго съ жаромъ говорилъ отецъ
И не могъ утѣшиться въ печали
О своихъ червонцахъ. Наконецъ
Онъ умолкъ; тогда Францискъ смиренный,
Перстень снявъ, предъ старикомъ кладетъ:
«Это матери подарокъ. Вотъ—
Долгъ мой отдаю: камень драгоценный
Стоитъ больше денегъ, взятыхъ мной!»
Такъ Францискъ, исполненный надежды,
Обручился съ бѣдностью святой:
Снявъ съ себя онъ обувь и одежды,
Положилъ на землю предъ отцомъ
И воскликнулъ съ радостнымъ лицомъ:
«Все земное, все, что я имѣю,—
Даже ризу прежнюю мою
Я отцу земному отдаю.
Больше здѣсь ничѣмъ я не владѣю!
Одного хочу любить Христа,
Одному хочу служить я Богу:
Я избралъ тернистую дорогу,—
И теперь душа моя чиста,
И мечты мои свободнѣй вѣтра!
Я могу воскликнуть наконецъ:
Не отецъ мой—Бернадоне Пьетро,
А Господь—Небесный мой Отецъ!
Будьте же свидѣтелями, братья,
Я хочу быть бѣднымъ, и такимъ

Какъ родился—слабымъ и нагимъ—
Кинуться Спасителю въ объятя!»

VII.

У него ни палки, ни мѣшка.
Опоясанный веревкой, нищій,
Онъ въ одеждѣ грубой мужика
Проситъ именемъ Христовымъ пищи.
По глухимъ селеньямъ, городамъ,
По большимъ дорогамъ и полямъ
Ходитъ, проповѣдуя народу:
«Вы найдете въ бѣдности свободу:
Прежде вашихъ просьбъ Создатель самъ
Знаетъ, братья, все, что нужно вамъ.
Для чего-жъ печетесь вы безъ мѣры
Объ единомъ хлѣбѣ, маловѣры?
Вы не лучше-ль лилій полевыхъ?
А межъ тѣмъ не ткуть онѣ, не сѣютъ,
Но цари одѣтыя не умѣютъ,
Какъ одѣта каждая изъ нихъ.
Въ Божьемъ мѣрѣ—людямъ мѣста много.
Что жъ вы спорите—«мое», «твое»?
Не тому училъ Спаситель: все,
Что прекрасно, намъ дано отъ Бога.
Не одна ли общая земля,
Какъ одинъ небесный сводъ надъ нами?
Для чего-жъ вы дѣлите межами
Господа цвѣтуція поля?
Кто-же въ тѣни путнику откажетъ,
На чужую ниву не прикажетъ
Падать росамъ, кто про золотой
Солнца лучъ дерзнетъ сказать: «онъ мой»?
У тебя Создатель твой на лозахъ
Наливныя грозды позлатилъ,
У тебя Онъ въ благодатныхъ гроздахъ
Твой поникшій колосъ напоилъ;
Онъ скорбитъ о бѣдномъ и богатомъ,
Воздастъ за зло тебѣ добромъ.

Отчего-жъ и ты не хочешь съ братомъ
Подѣлиться хлѣбомъ и виномъ?
О, помиримся, окончимъ битву,
Пусть навѣки общимъ будетъ все,
И сольемъ сердца въ одну молитву:
Да придетъ царствіе Твое!»

VIII.

Жилъ Сильвестръ въ горахъ, на дикой кручѣ,
Словно звѣрь, въ расщелинѣ скалы.
Вкругъ него ходили только тучи,
Да летали съ клекотомъ орлы.
На полу пергаментныя книги,
Бичъ желѣзный, цѣпи и вериги.
Вдоль стѣны уступъ гранитныхъ скалъ
По ночамъ подушку замѣнялъ.
Не согнувшись, встать нельзя, такъ низко
Въ тѣсной кельѣ... Въ безднѣ, глубоко
Лишь потокъ гремитъ, и далеко
Все земное, только небо близко.

IX.

И Францискъ мечтаетъ: «Не уйти ли
Отъ людей, отъ шумныхъ городовъ,
Отъ тревоги, суеты и пыли
Въ свѣжесть и безмолвіе лѣсовъ?
Тамъ, въ горахъ, гдѣ не было донынѣ
И слѣда людского,—въ тишинѣ
Жить и умереть наединѣ
Съ Господомъ, лицомъ къ лицу въ пустынѣ».
Говорилъ Сильвестръ Франциску: «Плоть,
Плоть проклятую смири цѣпами
И бичемъ желѣзнымъ, и постами,
Чтобъ простилъ грѣхи твои Господь.
У тебя, мой сынъ, въ умѣ лишь радость,
Пѣсенки веселенькія, смѣхъ?..
Словно пчелки на цвѣты—на грѣхъ
Мы летимъ и пьемъ мірскую сладость!..

Смѣхомъ люди бѣсовъ лишь зовутъ.
И внимая радостному кличу,
Дьяволы ва грѣшника бѣгутъ,
Какъ борзые въ полѣ на добычу...
А потомъ, когда умереть онъ—въ адъ
Крючьями да вилами влачатъ
Господомъ отринутую душу,
И коптятъ, и жарятъ надъ огнемъ,
Какъ на святкахъ мы свиную тушу
На желѣзномъ вертелѣ печемъ:
Вельзевулъ углей обложить грудой,
Уксусомъ и желчью обольетъ,
И на столъ онъ лакомое блюдо
Самодержцу ада подаетъ.
Люциферъ на тронѣ лучезаренъ
За роскошной трапезой сидитъ,
И, отвѣдавъ грѣшника, кричитъ
Повару сердито: «недожаренъ!»
Бѣсы вновь въ огонь его влекутъ
И, крутя на вертелѣ, пекутъ.
Прежде радость ты любилъ земную,
Прежде пѣсни пѣлъ ты на пирахъ,
Погоди-жь—у дьявола въ когтяхъ
Запоешь ты пѣсенку другую!»
И умолкъ отшельникъ. Замиралъ
На устахъ его зловѣщій хохотъ,
Въ тишинѣ пустыни отвѣчалъ
Лишь потока дальній, вѣчный грохотъ...

X.

Отъ него Францискъ въ раздумьи шелъ:
Онъ жалѣлъ монаха всей душою.
Темный, свѣжій боръ и ясный доль
Манять къ счастью, миру и покою.
Понималъ онъ все, о чемъ въ листвѣ
Радостныя птицы щебетали,
Понималъ, о чемъ въ сырой травѣ
Мошки въ солнечномъ лучѣ жужжали,
Все, что ключъ шепталъ на ложѣ мха;

Сердце чисто, духъ его свободенъ,
Нѣтъ! не вѣрять онъ во власть грѣха,
Въ смерть, и въ адъ, и вѣчный гнѣвъ Господень.
Ликованья больше въ Небесахъ
Объ единомъ грѣшникѣ спасенномъ,
Чѣмъ о многихъ праведныхъ мужахъ.
Только въ сердцѣ, злобой омраченномъ—
Скорбь и ужасъ, только лица злыхъ
Полны грустныхъ думъ въ молчаньи строгомъ,
А въ душѣ у добрыхъ и простыхъ—
Радость безконечная предъ Богомъ!

XI.

Папа Иннокентій утвердилъ
Орденъ нищихъ братьевъ. Мало вѣрилъ
Онъ во все, чему Францискъ училъ,
Но умомъ расчетливымъ измѣрилъ
Выгоду возможную для папъ:
«Пусть,—онъ думалъ,—мысль невыполнима,
Жить нельзя безъ денегъ, но для Рима
Во Францискѣ будетъ вѣрный рабъ!...»
Проповѣдывать по всей вселенной
Миноритамъ папа разрѣшилъ.
Десять лѣтъ съ тѣхъ поръ Францискъ смиренный,
Нищій, по Италиі ходилъ
И когда родныя Аппенины
Скрылись за далекій горизонтъ,
Обошелъ Испанію, Пьемонтъ,
Францію, Савойскія долины.
Тотъ, кто видѣлъ разъ его, не могъ
Позабыть: идутъ къ нему крестьяне,
Женщины, сеньоры, горожане
И разбойники съ большихъ дорогъ.
Всѣ они въ одно сливались братство
И въ одну великую семью,
Покидали родину свою,
Домъ, дѣтей, и славу, и богатство.

ХІІ.

Было разъ великое собранье
 Нищихъ братьевъ. Сотнями пришли
 Воины Христа на совѣщанье,
 Босоногіе, со всей земли.
 Въ Умбріи, въ благословенномъ краѣ,
 Собрались толпы учениковъ
 На равнинѣ у Сполетто, въ маѣ,
 Межъ зеленыхъ сосенъ и цвѣтовъ.
 Тамъ, въ поляхъ—не гнѣзда птицъ небесныхъ,
 Это—кельи иноковъ святыхъ,
 Это—кущи изъ вѣтвей древесныхъ
 И зеленыхъ листьевъ молодыхъ.
 Все кругомъ объято тишиною,—
 Только гулъ божественныхъ псалмовъ
 Издали сливается порою
 Съ пѣньемъ птицъ и шелестомъ дубровъ.
 Тамъ, подъ кровлей изъ вѣтвей душистыхъ,
 Пахнетъ влажной зеленью въ тѣни,
 Тамъ въ молитвахъ и бесѣдахъ чистыхъ
 Протекаютъ сладостные дни.
 Ни о чемъ не споря, не жалѣя,
 На землѣ свободны лишь они—
 Межъ царей и межъ рабовъ—одни,
 Ничего земного не имѣя.
 И въ волненьи весь окрестный край,
 Къ нимъ народъ собрался отовсюду,
 Хвалять Бога и дивятся чуду,
 Говорятъ: «сошелъ на землю рай».
 Тамъ, въ поляхъ, за трапезой въ смиреньи
 Гордые бароны и князья
 Служать нищимъ. Люди на мгновенье
 Во Христѣ—единая семья.
 Въ небѣ солнце грѣетъ и сіяетъ,—
 На землѣ Блаженный, простъ и тихъ,
 Ходить, смотреть на дѣтей своихъ,
 Любить всѣхъ и всѣхъ благословляеть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Онъ скорбѣлъ и думалъ: «Льется кровь
 Вотъ ужъ третій вѣкъ за гробъ Господень.
 Братъ на брата возстаетъ, любовь
 Угасаетъ, и раздоръ безплоденъ.
 Неужель не кончится вѣкъ
 Брань народовъ, стоны жертвъ и крики?
 Не пойметъ безумный человѣкъ,
 Что война—предъ Богомъ грѣхъ великій?..»
 Онъ садится на корабль, спѣшитъ
 Въ лагерь крестоносцевъ, къ Діаметтѣ,
 И мечтаетъ, сердцемъ простъ, какъ дѣти,
 Что людей словами убѣдитъ
 Кончить брань. А въ лагерьъ солдаты
 И вожди веселіемъ объяты:
 Оттого у добрыхъ христіанъ—
 Праздникъ, что вчера, во славу Бога
 И Святой Пречистой Дѣвы,—много
 Перебили плѣнныхъ мусульманъ.
 Со словами мира и съ молитвой
 Онъ идетъ къ невѣрнымъ въ грозный станъ.
 Межъ двумя войсками передъ битвой
 По дорогѣ встрѣтился отрядъ
 Сарацынъ, и въ плѣнъ святой былъ взятъ.
 За шпіона приняли, схватили,
 Безоружнаго, связавъ, избили,

Къ полководцу привели въ шатеръ.
 Предъ вождемъ довѣрчивый, спокойный,
 Онъ, поднявъ свой дѣтски-ясный взоръ,
 Говорилъ, что надо кончить войны,
 Что у всѣхъ народовъ Богъ одинъ.
 Этой рѣчью доброй и простою
 Тронуть былъ суровый Мелединъ.
 Онъ поникъ въ раздумьи головою
 И сказалъ: «Кто-бъ ни былъ ты, монахъ,—
 Я тебя обидѣть не позволю:
 Мудрость Господа—въ твоихъ рѣчахъ.
 Съ миромъ отпущу тебя на волю!
 Все, что хочешь, у меня возьми...
 Ты гяуръ или нѣтъ, но межъ людьми
 Больше всѣхъ ты истиннаго Бога
 Сердцемъ чтишь!» Францискъ не уходилъ.
 Онъ владыку робко спросилъ,
 И мольба во взорѣ, и тревога:
 «Кончить ли султанъ войну?» Въ отвѣтъ
 Грозный вождь съ улыбкой молвилъ: «Нѣтъ».
 Но въ подарокъ, пожалѣвъ о гостѣ,
 Предложилъ онъ изъ казны своей
 Много золота, слоновой кости
 И парчи, и дорогихъ камней.
 На сокровища не бросивъ взгляда,
 Ницй отвернулся и молчалъ,
 Головой лишь грустно покачалъ
 И шепнулъ: «Мнѣ ничего не надо».
 Но готовы слезы изъ очей
 Хлынуть, губы у него дрожали,
 Какъ порой у маленькихъ дѣтей
 Отъ обиды жгучей и печали...
 Онъ въ послѣдній разъ съ мольбой взглянулъ
 И тихонько вышелъ отъ султана...
 Трубный звукъ и топотъ, громъ и гулъ,
 Ужъ готовы къ битвѣ оба стана.
 «Богъ и Магометъ Его пророкъ!»
 Мусульмане съ вѣрой восклицали,
 И съ такой же вѣрой: «Съ нами Богъ!»
 Паладины грозно отвѣчали.

Въ жизни первый разъ онъ одинокъ
 Межъ людьми. И скорбный, и безмолвный
 Онъ уходитъ на морской песокъ,
 Гдѣ шумять въ пустынѣ только волны.
 Паль на землю, волю давъ слезамъ,
 Поднялъ взоръ къ далекимъ небесамъ:
 «Господи, они не понимаютъ!»
 Шепчетъ, жгучей жалостью объять:
 Но ему лишь волны отвѣчаютъ,
 Только волны синія шумять...

II.

Возвратясь изъ Африки далекой
 Къ берегамъ Италіи родной,
 Шелъ Францискъ въ печали одинокой
 Межъ скалами горною тропой.
 Тамъ въ лазури утренней сіяя,
 Ярче снѣга,—посреди камней
 Обнаженныхъ, ворковала стая
 Бѣлокрылыхъ, нѣжныхъ голубей.
 И сказалъ онъ, подойдя къ подножью
 Этихъ горъ, раздуміемъ объять:
 «Если люди слушать не хотятъ,
 Пусть же внимлютъ птицы слову Божью!»
 И межъ нихъ онъ радостный стоялъ:
 Всѣхъ животныхъ въ простотѣ сердечной,
 Какъ дѣтей одной природы вѣчной,
 Братями и сестрами онъ звалъ.
 «Сестры-птицы, миръ да будетъ съ вами!»
 Такъ онъ началъ проповѣдь, и вдругъ
 Все затихло. На землѣ рядами,
 Слушая, сидятъ онѣ вокругъ.
 «Сестры-птицы, громкими хвалами
 Вы должны съ любовью безъ конца
 Каждый день благодарить Творца,—
 Потому что радостно живете,
 Не собирая въ житницы плодовъ,
 Вы въ поляхъ ни сѣете, ни жнете,

А Господь подъ зеленю дубровъ
Васъ укрылъ, заботится о пищѣ,
Онъ вамъ далъ прекраснѣйшій удѣлъ—
Свѣтлый, чистый воздухъ, какъ жилище,
Перьями, какъ ризою, одѣлъ!
Вотъ за что весь день, лишь лучъ денницы
Заблеститъ сквозь утреннюю мглу—
И до звѣздъ вечернихъ,—пойте, птицы,
Пойте Богу вѣчную хвалу!»
Онъ умолкъ,—и голуби ликуютъ,
И къ нему головки протянувъ,
Крыльями трепещутъ и воркуютъ,
Смотрятъ въ очи, открывая клювъ,
И одинъ въ лазури необъятной
Съ этой стаей бѣлыхъ голубей,
Онъ межъ ними ходитъ, благодатный,
Какъ отецъ—среди своихъ дѣтей.
Ризою касается смиренной
Ихъ головокъ ласковыхъ. Потомъ,
Отпуская Божьихъ птицъ, Блаженный
Осѣнилъ съ любовью ихъ крестомъ.
И взвилась ликующая стая,
И слѣдилъ онъ съ радостнымъ лицомъ
Долго, долго, какъ она, блистая,
Словно бѣлый снѣгъ, подъ солнцемъ тая,
Исчезала въ небѣ голубомъ.

III.

Такъ Францискъ ни отъ кого на свѣтѣ
Съ гордостью не отвращалъ лица:
Божьи твари—все равны, какъ дѣти
Одного Небеснаго Отца.
И онъ къ нему приходятъ сами,
Къ людямъ позабывъ вражду свою.
Сердцемъ чистъ, онъ въ дружбѣ со звѣрями
Жилъ, какъ первый человекъ въ раю.

IV.

Разъ въ пещерѣ, въ зимній холодъ, поздно
Ночью, съ молодымъ ученикомъ,
Въ Риво-Торто, надъ стремниной грозной
Онъ сидѣлъ за тлѣющимъ огнемъ.
Все мертво. Надъ пеленою снѣжной
Только звѣзды блѣдныя дрожатъ.
Отрока спросилъ учитель нѣжный:
«Отчего ты грустенъ, милый братъ?»
— «О, прости мнѣ, отче! Я горюю
О семьѣ. Я вспомнилъ мать родную,
Братевъ, маленькихъ сестеръ моихъ.
Скучно мнѣ, душа болитъ о нихъ...»
И Францискъ съ улыбкой состраданья,
Не сказавъ ни слова, но спѣша,
Вышелъ поскорѣй изъ шалаша,
Сталъ лѣпить изъ снѣга изваянья.
Кончивъ, съ торжествующимъ лицомъ,
Онъ, смѣясь, ихъ обошелъ кругомъ
И воскликнулъ: «Гдѣ же ты, Руффино,
Братецъ, люди снѣжные!.. взгляни,
Какъ блестятъ надъ бѣлою равниной,
Какъ тебя привѣтствуютъ они!»
И Руффино вышелъ, грусти полный;
Искрылся при свѣтѣ звѣздъ ночныхъ
Изваянья, блѣдны и безмолвны;
И Францискъ указывалъ на нихъ:
«Вотъ—отецъ твой, мать, вотъ—сестры, братья...
Что-жъ ты медлишь? Подойди скорѣй!
Видишь, какъ имъ холодно, согрѣй,
Пощади ихъ, заключи въ объятя!
Но когда къ груди прижмешь—въ теплѣ
Изваянья снѣжныя растаютъ
И умрутъ они, какъ умираютъ
Все, кого мы любимъ на землѣ.
Не помогутъ ласки и лобзанья!
И уйдутъ, уйдутъ они отъ насъ,

Исчезая каждый день и часть,
Словно снѣгъ отъ теплаго дыханья!»

V.

Сорокъ дней былъ постъ въ монастырѣ.
По обѣту братья не вкушали
Ни плодовъ, ни рыбы. На зарѣ
Всталъ Францискъ. Еще монахи спали.
Рядомъ съ нимъ былъ въ кельѣ братъ больной:
Долгими постами изнуренный,
Жаждою томясь, во снѣ порой
Онъ шепталъ, видѣніемъ смущенный:
«Если-бъ могъ я жажду утолить,
Подъ зеленой, свѣжей тѣнью сада,
Отъ янтарныхъ гроздій винограда,
Сокомъ переполненныхъ, вкусить!..»
Бредъ его послушавъ, къ изголовью
Подошелъ Францискъ: «Проснись, мой братъ».
И заботливѣй, чѣмъ мать, съ любовью,
Онъ ведетъ его тихонько въ садъ,
Прямо къ спѣлымъ гроздьямъ винограда.
Но больной поднять не смѣетъ взгляда:
Ягоды подъ розовымъ лучемъ,
Налитыя сокомъ золотистымъ,
Подъ листомъ широкимъ и росистымъ
Свѣтятся прозрачнымъ янтареиъ.
И Блаженный первый къ нимъ склонился,
Немощъ плоти съ братомъ раздѣливъ,
Вмѣстѣ съ нимъ онъ отъ плода вкусилъ,
Чтобъ монахъ нарушить не стыдился
Свой обѣтъ. «Не бойся прогнѣвить
Господа,—сказалъ Францискъ,—чтобъ душу
Брата отъ страданій облегчить
Тысячи обѣтовъ я нарушу!
На себя беру твой грѣхъ. Готовъ
Дать отвѣтъ во всемъ: я знаю, Боже,
Милосердье—для Тебя дороже
Всѣхъ молитвъ, обрядовъ и постовъ!»

VI.

Отъ служенья въ мрачномъ, душномъ храмѣ
Въ садъ порой Блаженный уходилъ.
Тамъ, подъ голубыми небесами,
Цѣлый день съ улыбкой онъ слѣдилъ,
Какъ изъ сердца розы темно-алой,
Изъ тюльпановъ огненныхъ—пчела
Сладкій, ароматный сокъ пила,
И какъ солнце въ уляхъ озаряло
Восковыя грани нѣжныхъ сотъ,
Гдѣ струился теплый, свѣтлый медъ.
Въ ихъ строеніи мудрости такъ много,
Что Францискъ у пчелокъ золотыхъ,
Умныхъ, маленькихъ сестеръ своихъ,
Познавать учился благодать Бога.
И когда въ стыдливой красотѣ
Лилии порой предъ нимъ блистали,
Дольніе цвѣты напоминали
О Цвѣткѣ Небесномъ, о Христѣ—
Этой блѣдной, сладостной Лилеѣ,
Выросшей въ долинахъ Галилеи
И цвѣтущей нынѣ въ небесахъ.
Тотъ цвѣтокъ наполнилъ, умирая,
Міръ такимъ благоуханьемъ рая,
Что проснулись мертвые въ гробахъ.
Такъ вселенная душъ святого
Кажется въ гармоніи своей
Символомъ Единаго, Благого,
Вѣчнаго таящагося въ ней.
И зоветъ, зоветъ онъ всю природу,
Бездны, горы, тучи, небеса,
Землю, воздухъ и огонь, и воду—
Слить въ одну молитву голоса.
Чувствуя душой прикосновенье
Безконечнаго, онъ весь горѣлъ
И любилъ, и полный вдохновенья,
Свой великій гимнъ передъ Богомъ пѣлъ:

VII.

«Тебѣ—хвала, Тебѣ—благодаренье,
Тебя Единого мы будемъ прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!

Хвалите Вѣчнаго за всѣ Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сіянье,
Рождающее день—
Одна лишь тѣнь,
О, Солнце солнць, о, мой Владыка,
Одна лишь тѣнь—
Отъ Твоего невидимаго лика!

Да хвалить Господа сестра моя Луна,—
И звѣзды, полныя таинственной отрады,
Твои небесныя лампы,
И благодатная ночная тишина!
Да хвалить Господа и братъ мой Вѣтръ летучій,
Не знающій оковъ, и грозовыя тучи,
И каждое дыханье черныхъ бурь,
И утренняя, нѣжная лазурь!

Да хвалить Господа сестра моя Вода:
Она—тиха, она—смиренна,
И цѣломудренно-чиста, и драгоценна

Да хвалить Господа мой братъ Огонь—всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищъ мирнаго досуга и труда,
Непобѣдимый и прекрасный!

Да хвалить Господа и наша мать Земля:
Въ ея родную грудь, во влажныя поля
Бразды глубокия желѣзный плугъ врѣзаетъ,
А между тѣмъ она съ любовью осыпаетъ

Своихъ дѣтей кошницами плодовъ,
Колосевъ золотыхъ и радужныхъ цвѣтовъ!

Да хвалить Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тѣхъ, кто шель стезей добра,
Кто умеръ, радостно враговъ своихъ прощая,
Для тѣхъ ужъ смерти больше нѣтъ,
И смерть—имъ жизнь, и тѣма могилы—свѣтъ!

Да хвалить Господа вселенная въ смиреньѣ:
Тебѣ, о, Солнце солнць,—хвала и пѣснопѣнье!»

VIII.

Надъ горами тихо пролетая,
Въ красотѣ торжественной своей
Вся дрожитъ и блещетъ ночь нѣмая
Миріадами живыхъ огней.
Въ полуснѣ, недвижимый надъ бездною,
На горахъ Альверно онъ стоялъ,
Окруженный небомъ ночи звѣздной,
Одинокій на вершинѣ скаль,
И молился горячо. Свѣтлѣло
Предъ нимъ въ полночной темнотѣ,
Словно въ блескѣ солнца на Крестѣ,
Блѣдное, страдальческое тѣло.
Каплями изъ ранъ сочилась кровь,
Алая, во мракѣ черной ночи.
Долу ликъ склоненъ, закрыты очи,
А въ улыбкѣ—все еще любовь.
Онъ покорно, тихо умираетъ.
И Блаженный къ Богу своему
Поднялъ взоръ. Отъ жалости къ Нему,
Отъ любви душа изнемогаетъ:
«О какъ мало я Тебя любилъ,
Какъ обидѣлъ! это я, гвоздями
Члены жалкіе пронзивъ, убилъ
Моего Спасителя грѣхами.

Господи, я не могу смотрѣть
 На Твои мученья! Дай мнѣ то же,
 Дай страдать съ Тобою вмѣстѣ, Боже,
 И съ Тобою вмѣстѣ умереть.
 Лучше пусть Христосъ меня осудитъ,
 Пусть отвергнетъ,—сердцу легче будетъ,
 Только бы не умеръ Онъ, храня
 Кроткій видъ, исполненный смиренья...
 Боже, я не вынесу прощенья,
 Нѣтъ, не надо, не прощай меня!»
 Но Спаситель открываетъ очи,
 На Франциска Онъ взглянулъ: въ тотъ мигъ
 Взоръ такой любви изъ мрака ночи
 Въ глубину души его проникъ,
 Что какъ будто въ первый разъ Блаженный
 Понялъ, какъ Господь его любилъ.
 Понялъ, что, за всѣ грѣхи вселенной
 Умирая, Онъ людей простилъ.
 И Христосъ къ нему все ближе, ближе,
 Онъ—казалось—обнималъ его,
 И Францискъ шепталъ съ мольбой: «Возьми же,
 Господи, возьми меня всего!»
 И почувствовалъ онъ тѣ же муки,
 Какъ Распятый, боль онъ ощутилъ,
 Словно кто-нибудь гвоздями руки
 И ступени ногъ ему пронзилъ.
 Во Христа душой преобразившись,
 Вмѣстѣ съ Нимъ былъ распятъ на Крестѣ,
 Вмѣстѣ съ Нимъ страдалъ и, съ Богомъ слившись,
 За людей онъ умеръ во Христѣ.
 Къ Небу громкимъ голосомъ взывая,
 Онъ упалъ: «Тебѣ я жизнь мою,
 Отче, нынѣ въ руки предаю!»
 А надъ нимъ, попрежнему блистая,
 Въ непонятной красотѣ своей,
 Вся дрожить и блещетъ ночь нѣмая
 Мириадами живыхъ огней. . .

Рано утромъ изъ окрестныхъ келій
 Братья иноки пришли за нимъ.

Онъ лежалъ на скалахъ недвижимъ,
 И какъ будто отъ гвоздей алѣли
 Язвы на ногахъ, ладоняхъ рукъ,
 На худомъ, прозрачно-блѣдномъ тѣлѣ.
 Въ ужасѣ стояли всѣ вокругъ...

Но потомъ открылъ онъ очи вновь.
 Взоръ его былъ полонъ тайнъ небесныхъ,
 Несказанныхъ, и сочилась кровь
 Каплями изъ ранъ глубокихъ, крестныхъ...

IX.

Съ этихъ поръ страданья начались
 Тяжкого, смертельнаго недуга.
 Разъ отъ всеобщей, полны испуга,
 Блѣдные монахи собрались
 И смотрѣли на его мученья.
 И не въ силахъ боли превозмочь,
 Полумертвый, истощивъ терпѣнье,
 Онъ метался и стоналъ всю ночь.
 Юный братъ въ порывѣ состраданья,
 Слыша безконечныя стenanья,
 Видя, что ничѣмъ нельзя помочь—
 «Господи,—воскликнулъ,—неужели
 Такъ несправедливо и безъ цѣли
 Ты казнишь избранниковъ Твоихъ?»
 Услыхалъ больной и вдругъ затихъ,
 На монаха поглядѣлъ онъ строго,
 И отвѣтъ раздался въ тишинѣ:
 «Братъ, какъ смѣешь ты судить во мнѣ
 Милосердье праведнаго Бога?»
 Всталъ Францискъ отъ ложа, и съ трудомъ
 Опустившись, ницъ упалъ челомъ,
 Крѣпко всѣми членами своими,
 Трепетными, слабыми, нагими,
 Онъ къ землѣ припалъ и цѣловалъ
 Землю, руки къ персямъ прижималъ,
 Полный безконечнаго смиренья:

«О, Создатель мой, благодарю
Я за всё, за всё мои мученья!
Объ одномъ еще Тебя молю:
Боль сильнѣе сдѣлай, если надо,
Я перенесу ее, любя,—
Потому что все, что отъ Тебя,
Даже муки—для меня отрада!
Развѣ не у Господа въ рукахъ—
Жизнь и смерть, и вся земная доля?
О, Твоя, Твоя да будетъ воля,
Отче, на землѣ и въ небесахъ!»

X.

Такъ великій духъ въ страданьяхъ росъ.
И огнемъ любви неуголимой
Сердце чистое зажегъ Христосъ.
Между тѣмъ, какъ духъ неугасимо
Предъ лицомъ Твоимъ горѣлъ, Господь,—
Какъ свѣча предъ образомъ,—сгорала
Отъ болѣзни немощная плоть,
Таяла, какъ воскъ, и умирала.

XI.

Передъ смертью онъ ослѣпъ. Мученье
Каждый день росло. Когда порой
Становилось легче, въ садъ больной
Выходилъ: одно лишь утѣшенье—
На крыльцѣ у двери посидѣть,
И на мигъ измученное тѣло,
Что теряя силы холодѣло,—
Въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ согрѣть.
Разъ, когда въ вечернемъ, кроткомъ свѣтѣ
Онъ дремалъ, монахи принесли
Пару дикихъ горлицъ. Ихъ нашли
Въ полѣ. Бѣдныя попались въ сѣти.
Чтобъ вскормить могли онѣ птенцовъ,

Гнѣздышко подъ кровлей, надъ дверями
Онъ слѣпилъ изъ глины и сучковъ
Слабыми, дрожащими руками.
И веселью не было конца,
Только что изъ перваго яйца
Вылупился птенчикъ и неловкой
Обнаженной маленькой головкой
Скорлупу пробилъ... Раздался пискъ
Жалобный... Благословилъ Францискъ
Господа за то, что, умирая,
Видѣлъ, какъ рождалась молодая
Жизнь, и свѣтъ еще сильнѣй любя,
Окруженный мракомъ вѣчной ночи,
Къ солнцу поднималъ онъ слѣпыя очи:
«Господи, благодарю Тебя!..»

XII.

Только плоти слабою преградой
Духъ его, какъ тонкою стѣной,
Отдѣленъ отъ Бога. Онъ порой
Говорилъ: «Мнѣ ничего не надо,
Хорошо и умереть, и жить!»
Такъ Блаженный, землю покидая,
Счастье высшее позналъ—любить,
На любовь въ отвѣтъ любовь встрѣчая.
Чтобы къ Богу въ миръ отойти,
Въ темную часовню подъ землю
Онъ велѣлъ себя перенести.
Утѣшаясь бѣдностью святою,
Ризы снялъ и легъ на голый полъ,
И, какъ въ юности, когда одежды
Снявъ съ себя, отъ міра онъ ушелъ,—
Такъ теперь, исполненный надежды,
Онъ съ печатью смерти на челѣ
Все земное отдаетъ землѣ
И свободѣ радуется: «Братья,
Я хочу быть бѣднымъ, и такимъ
Какъ родился—слабымъ и нагимъ,—

Кинутся Спасителю въ объятья!..»
 Со свѣчами иноки стоятъ,
 И одинъ открылъ на аналоѣ
 И читалъ Евангеліе святое;
 Въ тишинѣ слова любви звучать.
 «Дѣти, Я недолго съ вами буду.
 Нынѣ вамъ Я новую Мою
 Заповѣдь великую даю,
 И за то Я вѣчно въ васъ пребуду.
 Миръ вамъ, дѣти! Какъ Я васъ люблю,
 Такъ и вы другъ друга возлюбите,
 Чтобъ узнали всѣ по той любви,
 Что вы заповѣдь Мою храните
 И что вы—ученики Мои.
 Я приду къ вамъ вновь и успокою.
 Вы—во Мнѣ, какъ Я—въ Отцѣ Моемъ,
 И вы будете одно со Мною,
 Какъ и Я—одно съ Моимъ отцомъ».
 Онъ вздохнулъ—и кончилось мученье:
 И, какъ будто задремавъ, поникъ
 Головой на грудь въ изнеможеніи,
 И закрылись очи. Блѣдный ликъ—
 Все свѣтлѣй, спокойнѣй и прелестнѣй...
 Какъ дитя—у матери въ рукахъ,
 Убаюканное тихой пѣсней,—
 Онъ почилъ съ улыбкой на устахъ.
 Незакатный свѣтъ предъ нимъ сіяетъ,
 Въ лонѣ Бога духъ его исчезъ,—
 Такъ въ лазури утреннихъ небесъ
 Бѣлокрылый лебедь утопаетъ.

СТАРИННЫЯ ОКТАВЫ.

(Octaves du passé).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Хотѣлъ бы я начать безъ предисловья,
Но критики на полѣ брани ждутъ,
Какъ вороны, добычи для злословья,
Слетаются на каждый новый трудъ
И каркають. Пошли имъ Богъ здоровья.
Я ихъ люблю, хотя въ ихъ толкъ и судъ
Не вѣрю: все имъ только брани поводъ...
Пусть вьется надъ Пегасомъ жадный оводъ.

II.

Оболъ—Харону: сразу данъ плачу
Врагамъ моимъ.—Въ отвагѣ безразсудной
Писать романъ октавами хочу.
Отъ стройности, отъ музыки ихъ чудной
Я безъ ума; поэму заключу
Въ стѣсненныя границы мѣры трудной.
Попробуемъ,—хоть вольный нашъ языкъ
Къ тройнымъ цѣпямъ октавы не привыкъ.

III.

Чѣмъ цѣль труднѣй—тѣмъ больше намъ отрады:
Коль женщина сама желаетъ пасть,
Побѣдѣ слишкомъ легкой мы не рады.

Зато надъ сердцемъ непокорнымъ власть,
Сопротивленье, холодъ и преграды
Рождаютъ въ насъ мучительную страсть:
Такъ не для всѣхъ доступна, величава,
Подобно гордой женщинѣ,—октава.

IV.

Ужъ я давно мечталъ о ней: рѣзецъ
Ваятеля плѣняетъ мраморъ твердый.
Поборемся же съ риемой, наконецъ,
Чтобъ побѣдить языкъ простой и гордый.
Твою печаль баюкають, пѣвецъ,
Тройныхъ созвучій полные аккорды,
И мысль они, какъ волны въ даль несутъ,
Одна другой, звуча, передають.

V.

Но чтобъ трудъ былъ легокъ и пріятенъ,
Я долженъ знать, что есть въ толпѣ людей
Душа, которой близокъ и понятенъ
Я съ Музою отвергнутой моей.
Да будетъ же союзъ нашъ благодатенъ,
Читатель мой: для двухъ иль трехъ друзей
Безхитростный дневникъ пишу, не повѣсть.
Зову на судъ я жизнь мою и совѣсть.

VI.

И не боюсь оружье дать врагу:
Не всѣ ли мы у смерти,—у преддверья
Верховнаго Суда?—я не солгу,
Въ словахъ моихъ не будетъ лицемерья:
Что видѣлъ я, что знаю, какъ могу,
Безъ гордости, стыда иль недовѣрья,
Тому, кто хочетъ слышать, расскажу,—
Живымъ—живое сердце обнажу.

VII.

Тревоги страстной, бурной и весенней
Я не люблю: душа моя полна
И ясностью, и тишиной осенней...
О, вѣчная, святая тишина:
Часъ отъ часу свѣтлѣй и вдохновеннѣй
Мнѣ прошлой темной жизни глубина:
Тамъ, въ сумеркахъ горитъ воспоминанье,
Какъ тихое, вечернее сиянье.

VIII.

Отъ шума дня, отъ клеветы людской,
Отъ глупыхъ ссоръ полемики журнальной
Я уношусь къ младенчеству душой—
Туда, туда къ зарѣ первоначальной.
Ужъ кроткая Богиня надо мной
Поникла вновь съ улыбкою печальной,
И я, какъ въ небо, въ очи ей смотрю,
О чистыхъ дняхъ, о дѣтствѣ говорю.

IX.

Отъ Невского съ его толпою чинной
Я ухожу къ Невѣ, прозрачнымъ льдомъ
Окованной: люблю гранить пустынный
И Лѣтній Садъ въ безмолвіи ночномъ.
Мнѣ памятенъ печальный и старинный,
Тамъ, рядомъ съ мостомъ двухъэтажный домъ:
Во дни Петра вельможею построенъ,
Онъ—неуклюжъ, и мраченъ, и спокоенъ.

X.

Свидѣтель грустный кныхъ лѣтъ моихъ,
Вдали отъ жизни, суеты и грома

Столичнаго, попрежнему онъ тихъ.
Тамъ сердцу мелочъ каждая знакома:
Узоръ обоевъ въ комнатахъ большихъ,
Подъѣздъ стеклянный, дворъ и окна дома.
Не радостный, но милый мнѣ пріютъ,
Гдѣ блѣдныя видѣнія встаютъ.

XI.

Забытыя молитвы, сказки няни,
Съ улыбкою твержу я наизусть,
Родныя лица вижу, какъ въ туманѣ...
Тамъ, въ дѣтствѣ счастья было мало,—пусть!
Какъ сумракъ, лунный, далъ воспоминаній
Въ поэзію, въ плѣнительную грусть
Все обращаетъ—радость и мученье:
Въ душѣ моей—великое прощенье.

XII.

Чиновникомъ усерднымъ былъ отецъ,
Въ дѣлахъ, въ бумагахъ канцелярскихъ мѣру
Земныхъ трудовъ свершилъ и наконецъ,
Чрезъ всѣ ступени, трудную карьеру
Пройдя, упорной воли образецъ,
Былъ опытенъ, зналъ жизнь, людей и вѣру,
Ничѣмъ не сокрушимую, питалъ
Въ практическій суровый идеалъ.

XIII.

Любилъ семью,—для насъ онъ жилъ на свѣтѣ;
Былъ сердцемъ добръ, но дѣловитъ и строгъ.
Когда порой къ нему являлись дѣти,
Онъ съ ними быть какъ съ равными не могъ.
Я помню дымъ сигары въ кабинетѣ,
Прикосновенье желтыхъ бритыхъ щекъ,

Холодный поцѣлуй,—вся нѣжность наша—
Въ словахъ «bonjour» иль «bonne nuit, папаша».

XIV.

И скукою томительной царилъ
Въ семьѣ казенный духъ, порядокъ вѣчный.
Онъ все копилъ, онъ все для насъ копилъ,
Но нашихъ игръ и болтовни безпечной,
И хохота, и шума не любилъ,
Подозрѣвая въ нѣжности сердечной
Лишь баловства избытокъ иль причудъ,
Смотря на жизнь, какъ на печальный трудъ.

XV.

Не тратилось на насъ копейки лишней.
Коль дѣти мимо кабинета шли,
Какъ можно незамѣтнѣй и неслышнѣй
Старались проскользнуть; отъ всѣхъ вдали,
Хранимые лишь волею Всевышней,
Мы въ кучѣ десять человѣкъ росли,
Покинутые нѣмкѣ и природѣ,
Какъ овощи въ забытомъ огородѣ.

XVI.

Володя, Саша, Надя... безъ конца,—
И въ этомъ мертвомъ домѣ мы другъ друга
Любили мало; чтобъ звонкомъ отца
Не потревожить, такъ же какъ прислуга,
Мы приходили съ черного крыльца.
А между тѣмъ, не вѣдая досуга,
Здоровья не щадя, отецъ служилъ
И все копилъ, онъ все для насъ копилъ.

XVII.

Подъ бременемъ запасовъ гнулись полки
Въ березовыхъ шкапахъ—мѣха, фарфоръ,
Бѣлье, игрушки, лакомства для Елки.
Зайдешь, бывало, въ пыльный коридоръ,
Во внутренность шкаповъ глядишь сквозь щелки,
И то, чего не видишь, манить взоръ,
И чувствуешь въ восторгѣ молчаливомъ,
То миндалемъ пахнетъ, то черносливомъ.

XVIII.

Я съ ключницей всегда ходить былъ радъ
Въ таинственный подвалъ, гдѣ кладовая.
Здѣсь тоже длинные шкапы стоятъ;
На мрачныхъ сводахъ—плѣсень вѣковая,
Мѣшковъ съ картофелемъ и банокъ радъ...
Трещить тихонько свѣчка, догорая,
И мышь изъ-подъ огромнаго куля
На насъ глядитъ, усами шевеля.

XIX.

И только разъ въ году на именинахъ
Вся роскошь вдругъ являлась на столѣ.
Сидѣли дамы въ пышныхъ кринолинахъ
И старички—рядъ лицъ, какъ въ полумгнѣ
На старомодныхъ, выцвѣтшихъ картинахъ...
И въ мараскинномъ трепетномъ желѣ
Свѣча, пріятнымъ пламенемъ краснѣя,
Мерцала—тонкихъ поваровъ затѣя.

XX.

Но важный видъ гостей пугалъ меня...
Холодныхъ блюдъ—остатковъ именинной

Трапезы намъ хватало на три дня.
Все приходило вновь въ порядокъ чинный:
Сестра сидѣла, скучный видъ храня,
Съ учительницей музыки въ гостиной,—
Навстрѣчу раннимъ пасмурнымъ лучамъ
Былъ слышенъ звукъ однообразныхъ гаммъ.

XXI.

Унылый знакъ привычекъ экономныхъ,—
Торжественная мебель—вся въ чехлахъ.
Но чудилась мнѣ тайна въ нишахъ темныхъ,
Въ двухъ гипсовыхъ амурахъ, въ зеркалахъ,
Въ чуланахъ низкихъ, въ комнатахъ огромныхъ,—
Все навѣвало непонятный страхъ;
И скучную казенную квартиру
Уподоблялъ я сказочному міру.

XXII.

Мнѣ житія угодниковъ святыхъ
Разсказывала няня, какъ съ бѣсами
Они боролись въ пѣстыняхъ глухихъ.
Почтенная старушка въ бѣдномъ хламѣ
Межъ душегрѣекъ въ сундукахъ своихъ
Хранила четки, ладонку съ мощами
И крестика Аѳонскаго янтаря.
Я узнавалъ, какъ люди жили встарь;

XXIII.

Какъ нѣкое заклятіе трикраты
Монахъ надъ чернымъ камнемъ произнесъ
И въ воздухѣ разсыпался проклятый,
Подобно стаѣ вороновъ, утесъ:
Я слушалъ няню, трепетомъ обѣятый
И любопытствомъ, полный чудныхъ грѣзъ,

Отъ ужаса я Отче нашъ въ кроваткѣ
Твердилъ всю ночь въ мерцаніи лампадки.

XXIV.

Позналъ я нѣгу безотчетныхъ грезъ,
Позналъ я грусть, — чуть вышелъ изъ пеленокъ.
Рождало все мучительный вопросъ
Въ душѣ моей; запуганный ребенокъ,
Всегда одинъ, въ холодномъ домѣ росъ
Я безъ любви, угрюмый, какъ волченокъ,
Боясь лица и голоса людей,
Дичился братьевъ, бѣгалъ отъ гостей

XXV.

И ждалъ чудесъ въ тревогѣ непрестанной:
Порой не могъ заснуть и весь дрожалъ,
Все кто-то длинный, длинный и туманный,
Чернѣе мрака въ комнатѣ стоялъ...
Мнѣ ужасъ вѣялъ въ душу несказанный,
И громко звалъ я няню и кричалъ
И старшіе, вокругъ моей постели,
То на меня сердились, то жалѣли.

XXVI.

И лакомствъ мнѣ давала мать, отецъ
Шутиль; его насмѣшливыя рѣчи
Я слушалъ молча, блѣдный, какъ мертвецъ.
И приносили въ спальню лампы, свѣчи:
— «Вонъ тамъ, въ углу... смотрите!..» — Наконецъ
Онъ исчезалъ; но жду я новой встрѣчи
Съ Невѣдомымъ и знаю, что опять
Его предъ смертью долженъ увидетьъ.

XXVII.

Съ тѣхъ поръ донинѣ въ буряхъ и въ покоѣ,
Бѣгу ли я въ толпу или подъ сѣнь
Дубравъ пустынныхъ, — чую роковое
Всегда, вездѣ, — и въ самый свѣтлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствуетъ въ душѣ моей, какъ тѣнь,
Какъ ужаса непобѣдимый трепетъ,
Какъ вѣщей Парки неотвязный лепетъ.

XXVIII.

Но на прогулку съ нянею спѣша,
Въ знакомой лавкѣ у Цѣпного моста
Я покупалъ себѣ на два гроша
Коврижки бѣлой, твердой, какъ береста,
И утреннюю свѣжестью дыша,
Опять на міръ смотрѣлъ легко и просто
И для меня былъ счастья вѣнецъ
Малиновый прозрачный леденецъ.

XXIX.

Въ суровомъ домѣ, мрачномъ, какъ могила,
Во мнѣ лишь ты, родимая, спасла
Живую душу, и святая сила
Твоей любви отъ холода и зла,
Отъ гибели ребенка защитила;
Ты ангеломъ хранителемъ была,
Многострадальной нѣжностью твоею
Мнѣ все дано, что въ жизни я имѣю.

XXX.

Отецъ сердился, вреднымъ баловствомъ
Считалъ любовь; бывало, ты украдкой

Меня спѣшила осѣнить крестомъ,
Склонясь въ лампадномъ свѣтѣ надъ кроватью,
И засыпалъ я безмятежнымъ сномъ
При шопотѣ твоей молитвы сладкой,
Но чувствовалъ сквозь поцѣлуй любви
Я жалобы безмолвныя твои.

XXXI.

Однажды денегъ взявъ Богъ вѣсть откуда,
Она тайкомъ осмѣлилась купить
Игрушку мнѣ, чудеснаго верблюда;
Отецъ увидѣлъ, сталъ ее бранить.
Внутри была бисквитовъ сладкихъ грудъ:
И жадности не могъ я побѣдить,—
За мать страдаю, молча,—какъ убитый,—
Я съ горькими слезами ѣлъ бисквиты.

XXXII.

Когда на службѣ былъ отецъ съ утра,
Мать въ кабинетъ за столъ меня пускала,
Я помню дѣлъ казенныхъ нумера,
Сургучъ, портретъ старинный генерала,
Изъ хризолита ручку для пера,
Изъ камня цвѣта млечнаго опала
Коробочку для марокъ, ножъ, биваръ,
Карандаши и ящикъ для сигаръ:

XXXIII.

Предметы жадныхъ, робкихъ наслаждений!..
Но какъ-то разъ я рукавомъ свалилъ
Чернильницу съ головкою оленьей:
Ни живъ, ни мертвъ, смотрю, какъ потопилъ
(Что мнѣ казалось верхомъ преступлений)
Зеленое сукно потокъ чернилъ.

Вдругъ—голоса, шаги отца въ передней;
Вотъ, думаю, пришелъ мой часъ послѣдній.

XXXIV.

Я убѣждалъ, чтобъ грознаго лица
Не увидать: и начались упреки,
Неумолимый гнѣвный крикъ отца,
На трату денегъ вѣчные намеки,
И оправданья мамы безъ конца.
Я понималъ, что грубы и жестоки
Его слова, и слышалъ я мольбы,
Усилія безпомощной борьбы...

XXXV.

Въ нихъ—долгихъ лѣтъ покорная усталость.—
Хотя бы могъ я розогъ ожидать,—
Лишь простоялъ въ углу за эту шалость:
Спасла меня заступничествомъ мать.
Я чувствовалъ мучительную жалость,
Семейныхъ драмъ не въ силахъ угадать,—
За маму, тихій и покорный съ виду,
Я затаилъ въ душѣ моей обиду.

XXXVI.

И съ нею вмѣстѣ я жалѣлъ себя:
Подъ одеяломъ спрятавшись въ кровать,
Молился я, родная, за тебя,
Твой поцѣлуй въ бреду и лихорадкѣ,
Твое дыханье чувствовалъ, любя:
Такъ жгучія тѣ слезы были сладки,
Что, все прощая, думалъ объ отцѣ
Я съ радостной улыбкой на лицѣ.

XXXVII.

Онъ не чины, не ордена, не ленты
Наградю трудовъ своихъ считаль:
Въ невидимо растущіе проценты,
Въ незыблемый и вѣчный капиталъ,
Въ святыню денежныхъ бумагъ и ренты,
Какъ въ добродѣтель, вѣру онъ питаль,
Хотя и не былъ скупъ, но слишкомъ долго
Для денегъ портилъ жизнь изъ чувства долга.

XXXVIII.

Чиновникъ съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ,
Житейскій умъ, суровый и негибкій,
Не думая о счастья, молча несъ
Онъ бремя скучной жизни безъ улыбки,
Безъ малодушья, ропота и слезъ,
Не вѣдая ни страсти, ни ошибки.
И добродѣтельная жизнь была—
Какъ въ сѣрыхъ мутныхъ окнахъ—дождь и мгла.

XXXIX.

Кругомъ въ семьѣ царила безмятежность:
Дѣтей обилье—Божья благодать,—
Приличная супружеская нѣжность.
За насъ отецъ готовъ былъ жизнь отдать...
Но вѣчныхъ мукъ предвидя неизбежность,
Уже давно имъ покорилась мать:
Въ хозяйствѣ, въ кухнѣ, въ дѣтской мелочами
Ее онъ мучилъ цѣлыми годами.

XL.

Безъ горечи не проходило дня.
Но съ мужествомъ отчаянья, ревниво,

Послѣдній въ жизни уголокъ храня,
То хитростью, то лаской боязливой,
Она съ отцомъ боролась за меня.
Онъ уступалъ съ враждою молчаливой,
Но дружба наша крѣпла, и вдвоемъ
Мы жили въ тихомъ уголкѣ своемъ.

XLI.

Съ нимъ долгій путь она прошла не даромъ:
Я помню мамы вѣчную мигрень,
Въ лицѣ уже больномъ, хотя не старомъ,
Унылую, страдальческую тѣнь...
Я цѣловалъ ей руки съ дѣтскимъ жаромъ,—
Духи я помню,—бѣлую сирень...
И пальцы были тонкимъ цвѣтомъ кожи
На руки дѣвственныхъ Мадоннъ похожи...

XLII.

О, только бы опять увидѣть васъ
И послѣ долгихъ, долгихъ дней разлуки
Поцѣловать еще единый разъ,
Давно въ могилѣ сложенные руки!
Когда придетъ и мой послѣдній часъ,—
Ужели тамъ, гдѣ нѣтъ ни зла, ни муки,—
Ужель напрасно я горяю жду,—
Что къ вамъ опять устами припаду?

XLIII.

Отецъ по службѣ ѣздилъ за границу,
На попеченье старой нѣмки домъ
Съ дѣтьми покинувъ; и старушка въ Ниццу
Писала аккуратно обо всемъ.
Порой отъ мамы нѣжную страницу

Съ отцовскимъ краткимъ дѣловымъ письмомъ
И съ ящикомъ конфетъ мы получали,
И забывалъ я о моей печали.

XLIV.

Бывало, съ горстью лакомыхъ конфетъ,
Съ растрепаннымъ Арабскихъ сказокъ томомъ
Садился я туда, гдѣ ярче свѣтъ
Знакомой лампы на столѣ знакомомъ,
И большего, казалось, счастья нѣтъ,
Чѣмъ шоколадъ съ благоуханнымъ ромомъ.
Быль сумерекъ уютный тихій часъ;
Въ стеклѣ шумѣлъ голубоватый газъ.

XLV.

Я до сихъ поръ люблю, Шехеразада,
Твоихъ султановъ, евнуховъ и женъ,
Скитаньями волшебными Синдбада
И лампой Алладиновой плѣненъ.—
Порой—увы!—среди чудесъ Багдада
Я, лакомствомъ и книгой увлеченъ,
Мать забывалъ, какъ забываютъ дѣти,—
Какъ будто не было ея на свѣтѣ,

XLVI.

И только въ горѣ вспоминалъ опять.—
Изъ Ревеля почтенная старушка
Умѣла такъ хозяйствомъ управлять,
Чтобъ лишняя не тратилась полушка:
Случится ль дѣтямъ что-нибудь сломать,
Въ буфетѣ ль чая пропадетъ осмушка,—
Она весь домъ бранила безъ конца,
Предвидя строгій выговоръ отца.

XLVII.

Я помню туфли, темные капоты,
Сѣдые букли, круглые очки,
Чепецъ, морщины, полныя заботы,
И ночью трепеть старческой руки,
Когда она записывала счета
И все твердила: «Рубль за башмаки...
Картофель десять, масло три копейки»...
И цифру къ цифрѣ ставила въ линейки.

XLVIII.

Старушки тѣнь я видѣлъ на стѣнѣ
Огромную, поднять не смѣя взгляда:
И магіей порой казались мнѣ
Всѣ эти банки, шпильки и помада,
Щипцы на свѣчкѣ въ трепетномъ огнѣ,—
Отъ нихъ знакомый ѣдкій запахъ чада:
Она сѣдую жиденькую прядь
Привыкла на ночь въ букли завивать.

XLIX.

До старости была она кокеткой:
И сморщившись давно, и пожелтѣвъ,—
Хотя у насъ бывали гости рѣдко,—
Съ лукавствомъ трогательнымъ старыхъ дѣвъ
Шиньонъ свой древній, съ новой черной сѣткой,
На голову дрожащую надѣвъ,
Еще пришпилить красненькую ленту,
И какъ бѣдняжка рада комплименту!

L.

Душа моя печальна и свѣтла,
И жалко мнѣ моей старушки дряхлой.

Священна жизнь, хотя бы то была
Невидимая жизнь былинки чахлой.
Мы любимъ, слава громкія дѣла,
Чтобъ отъ людей великихъ кровью пахло,—
Но подвигъ есть и въ сѣрыхъ скучныхъ дняхъ,
Въ невидимыхъ презрѣнныхъ мелочахъ.

LI.

Старушки взглядъ всегда былъ живъ и зорокъ:
Къ намъ дѣвушкой молоденькой вошла
И посѣдѣла, сгорбилась, лѣтъ сорокъ
Съ дѣтьми возилась, жизнь имъ отдала.
Ей каждый грошъ чужой былъ святъ и дорогъ...
Амалии Христьяновнѣ—хвала:
Она свершила подвигъ безъ награды.
Какъ мало въ жизни было ей отрады!

LII.

Какъ много скуки, горестныхъ минутъ,
Людскихъ обидъ, и холода, и злости!
И вотъ она забыта, и гниютъ
Въ невѣдомой могилѣ на погостѣ,
Найдя послѣдній отдыхъ и пріютъ,
Измученныя старческія кости...
Какъ по землѣ—тѣней людскихъ тьмы темъ,—
И ты прошла,—Богъ вѣсть куда, зачѣмъ...

LIII.

Увы, что значитъ эта жизнь? Надъ нею,
Какъ надъ загадкой темною, стою,
Мучительный, чѣмъ надъ судьбой твоею,
Герой безсмертный,—душу предаю
Вопросамъ горькимъ, отвѣчать не смѣю...
Невѣдомыхъ героевъ я пою.

Простыхъ людей, о, Муза, помоги мнѣ
Возславить міру въ сладкозвучномъ гимнѣ.

LIV.

Да будутъ же стихи мои полны
Гармоніей спокойной и унылой.
Ничтожество могильной тишины
Мгновенный шумъ великихъ дѣлъ покрыло:
Послѣдній будетъ первымъ,—всѣ равны.
Какъ то поютъ, что въ древнемъ Римѣ было —
Въ торжественныхъ октавахъ я пою
Амалию Христьяновну мою.

LV.

Старушка Эмма у нея гостила
Въ очкахъ и тоже въ букляхъ, какъ сестра.—
Я помню всѣхъ, кого взяла могила,
Какъ будто видѣла лица ихъ вчера.—
Амалия Христьяновна любила,
Съ ней наслаждаясь кофею съ утра
И ревельскими кильками въ жестянкахъ,—
Посплетничать о кухнѣ и служанкахъ.

LVI.

Былъ мужъ ея предобрый старичокъ
Въ ермолкѣ съ трубкой; кофту, вмѣсто шубы,
Онъ надѣвалъ и длинный сюртучокъ,
Съ улыбкой дѣтской морщилъ ротъ беззубый.
Пусть мелочи ненужныхъ этихъ строкъ
Осудитъ вѣкъ нашъ дѣловой и грубой,—
Но я люблю на прозѣ давнихъ лѣтъ
Поэзіи вечерній полусвѣтъ...

LVI.

На Островахъ мы лѣто проводили:
Вокругъ дворца я помню древній садъ,
Куда гулять мы съ нянею ходили,—
Оранжереи, клумбы и фасады
Двухъ флигелей въ казенномъ важномъ стилѣ,
Дорическихъ колоннъ высокій рядъ,
Террасу, дворъ и палисадникъ тощій,
И жидкія Елагинскія рощи.

LVII.

Тамъ дѣтскую почувствовалъ любовь
Я къ нашей бѣдной сѣверной природѣ.
Я съ прошлогодней ласточкою вновь
Здоровался и бѣгалъ на свободѣ,
И съ радостнымъ волненіемъ морковъ
И огурцы сажалъ на огородѣ,
Ходилъ съ тяжелой лейкою на прудъ:
Блаженствомъ новымъ мнѣ казался трудъ.

LIX.

Въ двухъ грядкахъ всѣ работы земледѣля
Я находилъ, про цѣлый міръ забывъ...
О, гдѣ же ты, безумнаго веселья
Давно уже невѣдомый порывъ,
И суета, и хохотъ новоселья.
«Milch trinken, Kinder!» форточку открывъ,
За шалость дѣтямъ погрозивъ сначала,
Амалия Христьяновна кричала.

LX.

И ласточекъ, летѣвшихъ черезъ дворъ,
Былъ вешній крикъ пронзительнъ и молодъ...

— EX LIBRIS
Biblioteki Kuratorium O.S.B.
w Warszawie

Я помню первый чай на дачѣ, соръ
Раскупоренныхъ ящиковъ и холодъ
Сквозного вѣтра, длинный коридоръ
И послѣ игръ счастливый, дѣтскій голодъ
И теплый хлѣбъ съ холоднымъ молокомъ
Въ зеленыхъ чашкахъ съ тонкимъ ободкомъ—

LXI.

Позолоченымъ: ихъ любили дѣти,—
Особенная прелесть въ нихъ была.
Въ сосновомъ, пахнущемъ смолой, буфетѣ
Стоялъ сервизъ для дачнаго стола.
Съ тѣхъ поръ забылъ я многое на свѣтѣ—
Любовь, обиды, важныя дѣла,
Но, кажется, до смерти помнить буду
Ту милую зеленую посуду.

LXII.

И связанъ съ ней былъ чудный лѣтній сонъ,
Всегда одинъ и тотъ же, мимолетный,
Чѣмъ облачныя тѣни, озаренъ
Таинственнымъ лучемъ,—и беззаботный
Я ничего не знаю: дальній звонъ,
Какъ будто тихій благовѣстъ субботній...
Большая комната,—гдѣ солнца нѣтъ,
Но внутренній, прозрачно-мягкій свѣтъ...

LXIII.

Гляжу на свѣтъ, не удивляясь чуду,
И не могу насытить жадный взоръ...
На длинныхъ полкахъ вижу я посуду,—
Пронизанный сіяніемъ фарфоръ,
И золотой, и разноцвѣтный, всюду—

На чашкахъ бѣлыхъ, тоненькихъ—узоръ...
Я—какъ въ раю,—такая въ сердцѣ сладость
И чистота, и неземная радость.

LXIV.

Той радостью душа еще полна,
Когда проснусь, бывало: я безпечень
И тихъ весь день подъ обаяньемъ сна.
Хотя для сердца памятенъ и вѣченъ,
Какъ молодость, какъ первая весна,—
О, милый сонъ, ты былъ недолговѣченъ
И въ темные порочные года
Уже не повторялся никогда.

LXV.

Я полюбилъ Эмара, Жюля Верна,
И Робинзонъ въ тѣ дни былъ мой кумиръ.
Я темными колодцами—безмѣрна
Ихъ глубина—сходилъ въ подземный міръ,
И быстрота была неимовѣрна,
Когда помчался въ бомбѣ чрезъ эфиръ
Я на луну; мечтой любимой стали
Мнѣ корабли подводные изъ стали.

LXVI.

Я находилъ въ Елагинскихъ поляхъ
Пустынные и дикіе Пампасы;
Блуждалъ—въ пріютѣ воробьевъ—въ кустахъ
Черемухи, какъ Немо, Гаттерасы
Иль Робинзоны въ дѣвственныхъ лѣсахъ.
Я ждалъ порой межъ тощихъ пальмъ террасы
Среди безумныхъ и блаженныхъ игръ,
Что промелькнетъ гиппопостамъ иль тигръ.

LXVII.

Я не забуду въ темномъ переплетѣ
Разорванныхъ библиотечныхъ книгъ.
Фантазія въ младенческомъ полетѣ
Не вѣдала покоя ни на мигъ:
Я жилъ въ волненьи вѣчномъ и заботѣ,—
Мнѣ въ каждой ямѣ чудился тайникъ
И ходъ подземный въ глубинѣ сарая.
Какъ я мечталъ, дрожа и замирая;

LXVIII.

Какъ жаждалъ я открытѣ новыхъ странъ!
Готовъ принять былъ дачниковъ семейныхъ
За краснокожихъ, прудъ—за океанъ,
И часто, полный грезъ благоговѣйныхъ,
Заглядывалъ въ таинственный чуланъ
Съ осколками горшковъ оранжерейныхъ,
И на чердакъ зайдя иль сновалъ,
Америку, казалось, открывалъ.

LXIX.

Я съ братьями ходить любилъ по крышѣ,
Чтобъ сапогами не гремѣть,—въ чулкахъ.
Я въ ужасѣ просилъ ихъ: «тише, тише,—
Амалія Христьяновна!...» Въ ушахъ
Былъ вѣтра свистъ, и мнѣ хотѣлось выше.
У спутниковъ на лицахъ видѣлъ страхъ,—
Но самъ душою, страху недоступной,
Я наслаждался волею преступной.

LXX.

За погребомъ былъ гладкій, какъ стекло,
И сонный прудъ; на немъ плескались утки;

Плакучей ивы старое дупло,
Гдѣ свѣсились корнями незабудки,
Потопленное, мохомъ обросло;
Играють въ тинѣ желтыя малютки—
Семья утятъ, и чертитъ легкій кругъ
По влагъ быстрый водяной паукъ.

LXXI.

Я съ книгой такъ садился межъ вѣтвями,
Чтобъ за спиной конюшни были, домъ
И клумбы мнѣ противныя съ цвѣтами,
И видя только чащу ивъ кругомъ
И дремлющую воду подъ ногами,
Воображалъ себя въ лѣсу глухомъ:
Такъ страстно мнѣ хотѣлось, чтобы дикимъ
Былъ Божій міръ, пустыннымъ и великимъ.

LXXII.

И каждой смѣлой вѣткой дорожа,
Я возмущался, что по глупой модѣ
Акаціи стригутъ, или служба,
Казенному обычаю въ природѣ,—
Метутъ въ лѣсу тропинки сторожа.
Стремясь туда, гдѣ нѣтъ людей, къ свободѣ,—
Прибивъ доску межъ двухъ вѣтвей къ соснѣ,
Я гнѣздышко устроилъ въ вышинѣ,

LXXIII.

И каждый день взлѣзалъ къ нему, какъ бѣлка.
За длинною просьбою вдали
Видѣлася Елагинская Стрѣлка,
На блѣдномъ тихомъ взморьѣ корабли;
Нева желтѣла тамъ, гдѣ было мелко...
Какъ по дорожкамъ дачники ползли,

Я наблюдалъ съ презрѣньемъ, гордъ и веселъ,
И голый сукъ казался мягче кресель.

LXXIV.

Идетъ лакей придворный по пятамъ
Сѣдой и чинной фрейлины-старушки...
Здѣсь модные духи привѣзжихъ дамъ—
И запахъ первыхъ листьевъ на опушкѣ,
И разговоръ французскій—пополамъ
Съ таинственнымъ пророчествомъ кукушки,
И смѣшанное съ дымомъ папиросъ
Вечернее дыханье блѣдныхъ розъ...

LXXV.

Въ оранжереи, къ плотничьей артели
Я уходилъ: тамъ острая пила
Визжала, стружки бѣлыя летѣли,
И съ дерева янтарная смола,
Какъ будто кровь изъ раны въ нѣжномъ тѣлѣ,
Сіяющими каплями текла;
Мнѣ нравился ихъ ярославскій говоръ,
Когда шутилъ съ работниками поваръ,

LXXVI.

Спѣша на ледникъ съ блюдомъ черезъ дворъ;
И бралъ отъ нихъ рукою неискусной
Я долото, рубанокъ или топоръ,
Изъ котелка любилъ я запахъ вкусный,
И щи, и ложекъ липовыхъ узоръ;
При звукахъ пѣсни ихъ живой и грустной
Кого-то вдругъ мнѣ становилось жаль:
Я сердцемъ чуялъ русскую печаль...

LXXVII.

Мы подь дворцомъ Елагинскимъ въ подвалѣ
Однажды дверь открытую нашли:
Мышей летучихъ тѣни ужасали,
Когда мы въ темный коридоръ вошли;
Казалось намъ, что лабиринтъ едва ли
Ведеть не къ сердцу матери-земли.
Затрепетавъ, упалъ отъ спички сѣрной
На плѣсень влажныхъ сводовъ лучъ невѣрный.

LXXVIII.

Не долетаетъ шумъ дневной сюда;
Столѣтнимъ мохомъ кирпичи покрыты,
Сочится съ низкихъ потолковъ вода;
Сквозь щель, сіяньемъ голубымъ облиты,
Роняя на полъ слезы иногда,
Неровные бѣлѣютъ сталактиты
Въ могильномъ снѣ... Какъ солнцу я былъ радъ,
Изъ глубины подземной выйдя въ садъ.

LXXIX.

Вдыхая запахъ влажный и тяжелый
Медовыхъ травъ, черезъ гнилой заборъ
Перескочивъ, отважный и веселый,
Въ кустахъ малины крадусь я, какъ воръ;
Надъ парникомъ съ жужжаньемъ вьются пчелы,
И какъ рубинъ, виситъ, чаруя взоръ,
Подъ свѣжими пахучими листьями
Смородина прозрачными кистями.

LXXX.

Съ младенчества людей плѣняетъ грѣхъ:
Я съ жадностью незрѣлый ѣмъ крыжовникъ,

Затѣмъ, что плодъ запретный слаще всѣхъ
Плодовъ земныхъ; царапаетъ шиповникъ
Лицо мое, и, возбуждая смѣхъ,
Напрасно пугало твое, садовникъ,
Какъ символъ добродѣтели, стоитъ,
Храня торжественный и глупый видъ.

LXXXI.

Елагинъ пусть,—вдали умолкъ коляски
Послѣдній гулъ, и бѣлой ночи свѣтъ
Тамъ, надъ заливомъ полонъ тихой ласки,
Какъ неземной таинственный привѣтъ,—
Все мягкія болѣзненные краски...
Далекой тони черной силуэтъ,
Кой-гдѣ межъ дачъ овесъ и тощій клеверъ...
Тебя я помню, бѣдный, милый Сѣверъ!

LXXXII

Когда сквозь дымъ полуденныхъ лучей
Съ утесовъ Капри вижу даль морскую,
О сумракъ березовыхъ аллей
Я съ нѣжностью задумчивой тоскую:
Люблю унынье сѣверныхъ полей
И блѣдную природу городскую,
И сосенъ тѣнь, и съ милой кашкой лугъ,
Люблю тебя, Елагинъ, старый другъ.

LXXXIII.

Но скоро дни заботъ пришли на смѣну
Веселымъ днямъ, и въ мрачный старый домъ
Вернулся вновь я къ духотѣ и плѣну.
И въ комнатѣ передъ моимъ окномъ
Неумолимую глухую стѣну

Донынѣ помню: видѣ ея знакомѣ
До самыхъ мелкихъ трещинокъ и пятенъ,
Казенный желтый цвѣтъ былъ непріятенъ.

LXXXIV.

Разносчицы вдали я слышать могъ
Пѣвучій голосъ: «ягода морошка».
Небесъ едва былъ виденъ уголокъ
Надъ крышами, гдѣ пробиралась кошка
И трубочистъ; со сливками горшокъ
Кухарка ставить въ ящикъ за окошко;
И какъ воркуетъ пара голубей,
Я слышу въ тихой комнатѣ моей.

LXXXV.

Когда же Лѣтній садъ увидѣлъ снова,
Я оцѣнилъ свободу лѣтнихъ дней.
Съ презрѣніемъ, не говоря ни слова,
Со злобою смотрѣлъ я на дѣтей,
Играющихъ у дѣдушки-Крылова,
И всѣмъ чужой, одинъ въ толпѣ людей
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести къ аллеѣ молчаливой.

LXXXVI.

Въ сквозной тѣни трепещущихъ березъ
На мраморную нимфу или фавна
Смотрѣлъ я, полный нелюдимыхъ грезъ;
И статуя Тиберія забавна,—
Меня смѣшилъ его отбитый носъ,
Замаскою приклеенный недавно.
Сентябрь дубы и клены позлащаль,
Крикъ ворона ненастье предвѣщаль...

LXXXVII.

Стучится дождь однообразно въ стекла.
Къ экзаменамъ готовлюсь я давно,
Зѣвая, годъ рожденія Оемистокла
Твержу уныло и смотрю въ окно:
Въ грязи шагая, охтенка промокла...
И сердце скукой мертвою полно.
Рѣшить не въ силахъ трудную задачу,
Надъ грифельной доской едва не плачу.

LXXXVIII.

Но вотъ пришелъ великій грозный часъ:
Вступая въ храмъ классической науки,
Чтобы держать экзаменъ въ первый классъ,—
Я полонъ дикой робости и муки.
Смотрю въ тетрадь, не подымая глазъ,
Лицо въ чернилахъ у меня и руки,
И подъ диктовку въ словѣ «осѣнять»
Не знаю, что поставить—е иль ѣ.

LXXXIX.

Я помню мѣсто на второй скамейкѣ,
Подъ картою Австраліи, для книгъ
Мой пыльный ящикъ, карандашъ, линейки,
Казенной формы узкій воротничъ,
Мучительный для дѣтской, тонкой шейки.
Спряженіе глаголовъ я постигъ
Съ большимъ трудомъ; и вотъ я—въ новомъ мірѣ,
Гдѣ божество—директоръ въ вицмундирѣ.

XC.

Отъ слезъ дрожалъ невѣрный голосокъ
Когда твердилъ я: *lupus... conspicavit...*

In rupe pascebatur... и не могъ
Припомнить дальше; единицу ставитъ
Мнѣ золотушный нѣмецъ педагогъ.
Томительная скука сердце давить:
Потратили мы чуть не цѣлый годъ,
Чтобы понять отличие quid и quod;

ХСІ.

А говорить по-русски не умѣли.
И въ сокровенный смыслъ частицы ut
Стараясь вникнуть, съ каждымъ днемъ глупѣли.
Гимнастика ума—полезный трудъ,
Направленный къ одной великой цѣли:
Намъ выправку казенную дадутъ
Для русскаго, чиновничьяго строя,
Бумагъ, служебныхъ дѣлъ и геморроя.

ХСІІ.

Такъ укрощали въ молодыхъ сердцахъ
Вольнолюбивыхъ мыслей духъ зловредный;
Теперь уже о дѣвственныхъ лѣсахъ,
О странствіяхъ далекихъ мальчикъ бѣдный
Не помышлялъ: потухла жизнь въ очахъ.
Въ мундиръ затянуть, худенькій и блѣдный,
По петербургской слякоти пѣшкомъ
Я возвращался въ нашъ холодный домъ.

ХСІІІ.

Манить ребенка воля перестала:
Царилъ надъ нами духъ военныхъ ротъ.
Какъ въ тонкихъ стѣнкахъ твоего кристалла,
Гомункулъ, умный маленькій уродъ,
Душа безъ жизни въ дѣтяхъ жить устала...
Болѣзненный и худосочный родъ—

Къ молчанію, къ терпѣнью предназначень,
Чуть не съ пеленокъ дѣловитъ и мраченъ.

ХСІV.

Въ тотъ часъ, какъ темной грифельной доски
И словарей коснулся лучъ послѣдній
Туманнаго заката, и тоски
Напѣвъ былъ полонъ въ комнатѣ сосѣдней
Старухи няни, штопавшей чулки,—
Далекій шумъ слышался въ передней...
Мнѣ было скучно, и на груды книгъ
Я головой усталою поникъ...

ХСV.

Вдругъ голосъ мамы, шорохъ платья милый,
Ея шаговъ знакомый легкій звукъ...
Я поблѣднѣлъ и алгебры постылой
Учебникъ на полъ выронилъ изъ рукъ.
Не отъ любви съ неудержимой силой
Забилось сердце,—это былъ испугъ:
Я въ классицизмѣ, въ мертвомъ книжномъ хламѣ
Такъ одичалъ, что позабылъ о мамѣ

ХСVІ.

За годъ разлуки: какъ угрюмый звѣрь,
Со злобою смотрѣлъ на злыя лица
Учителей; казалась теперь
Мнѣ падежей неправильныхъ таблица
Важнѣй любви... Отъ матери за дверь
Я спрятался; какъ пойманная птица,
Дрожалъ въ углу, безмолвіе храня,—
И вдругъ она увидѣла меня...

ХСVII.

Но я ужъ самъ къ ней бросился въ объятья,
Про все забывъ,—сестеръ не слышалъ крикъ
И не видалъ, какъ приобъжали братья,
Закрывъ глаза, къ ея груди приникъ,
Вдыхая тонкій, нѣжный запахъ платья...
То былъ блаженства незабвенный мигъ.
Она меня ласкала: «мальчикъ бѣдный,
Какой ты худенькій, какой ты блѣдный!»

ХСVIII.

Подъ взорами возлюбленныхъ очей
Я воскресалъ отъ холода и скуки,
Отъ этихъ долгихъ безнадежныхъ дней;
Пугливый, все еще боясь разлуки,
Не вѣря счастью, прижимался къ ней:
Она глаза мнѣ цѣловала, руки
И волосы, и согрѣвала вновь
Меня, какъ солнце, вѣчная любовь.

ХСIX.

И улыбаясь, плакали мы оба,
И все, въ чемъ сердце бѣдное могло
Окаменѣть—ожесточенье, злоба
И мертвенная скука—все прошло:
Такъ не боится зимняго сугроба,
Почуявъ жизни первое тепло,
Когда ручей поетъ и блещетъ звонкій,—
На трепетномъ стеблѣ подснежникъ тонкій.

С.

Не могъ расторгнуть нашихъ вольныхъ узъ
Духъ строгости, порядокъ жизни чинный,

И тайно крѣпъ нашъ дружескій союзъ:
Ловилъ я звукъ шаговъ ея въ гостиной;
Бывало, рода женскаго на us
Она со мной твердила списокъ длинный,
И находилъ поэзію при ней
Я въ правилахъ кубическихъ корней.

СI.

Подъ сладостной защитой и покровомъ,
Когда ласкался къ мамѣ при отцѣ,
Я видѣлъ ревность на его суровомъ
Завистливо нахмуренномъ лицѣ...
Я былъ плѣненъ улыбкой, каждымъ словомъ,
И брилліантомъ на ея кольцѣ,
И шелестомъ одежды, и духами,
И дѣвственными, юными руками.

СII.

На завтракъ бѣлый рябчика кусокъ,
Обсахаренный вкусный померанецъ,
Любимую конфету, пирожокъ
Она тихонько прятала мнѣ въ ранецъ;
Когда я въ классѣ вынималъ платокъ
Съ ея духами, вспыхивалъ румянецъ
Любви стыдливой на моихъ щекахъ,
Сіяла гордость дѣтская въ очахъ.

СIII.

Я чувствовалъ ея очарованье
Среди учебныхъ книгъ и словарей,
Какъ робкое весны благоуханье
Въ холодной мглѣ осеннихъ мрачныхъ дней,—
И по ночамъ любимыхъ устъ дыханье
Надъ дѣтскою кроваткою моею:

Такъ ласкъ ея недремлющая сила
Меня тепломъ и свѣтомъ окружила.

CIV.

Коль въ сердцѣ, полномъ горечи и зла,
Донынѣ есть поэзія живая, —
Твоя любовь во мнѣ ее зажгла.
Ты слышишь ли меня, о, тѣнь родная?
Пусть ненужна тебѣ моя хвала,
Но счастливъ я, о прошломъ вспоминая, —
И вотъ невѣдомую пѣснь мою
Тебѣ, какъ эти слезы, отдаю.

CV.

Когда стремлюсь я къ неземной отчизнѣ,
Слабѣя, грѣшный, на земномъ пути,
Я внемлю тихой нѣжной укоризнѣ...
Не отвергай меня, молю, прости, —
Какъ ты дитя свое хранила въ жизни,
Такъ предъ Судомъ Верховнымъ защити,
Отчаяньемъ и долгою разлукой
Измученное сердце убаюкай.

CVI.

Слетаешь ты, незримая, ко мнѣ,
Какъ сладкаго покоя дуновенье,
Какъ дальній звукъ въ полночной тишинѣ...
Я чувствую твое благословенье
И къ моему лицу, какъ бы во снѣ,
Твоихъ безплотныхъ рукъ прикосновенье...
О, милая, надъ бездною храня,
Любовью вѣчною спаси меня!

CVII.

У волка есть нора, у птицъ жилища, —
Лишь у тебя, служитель красоты, —
Нѣтъ на землѣ родного пенелища:
Одинъ, среди холодной пустоты,
Я собираю съ тихаго кладбища
Воспоминаній блѣдные цвѣты,
И въ душу вѣетъ запахомъ могилы
Сквозь ароматъ ихъ дѣвственный и милый...

CVIII.

Давно привыкъ я будущихъ скорбей
Угадывать нелживыя примѣты;
Жизнь съ каждымъ днемъ становится мрачнѣй...
Ни славою, ни дружбой не согрѣты,
Лишь памятью невозвратимыхъ дней
Питаемся мы, жалкіе поэты,
Какъ собственною лапою медвѣдь,
Чтобъ съ голода зимой не умереть.

CIX.

Пою, свирѣль на тихій ладъ настроя:
До подвиговъ намъ съ Музой дѣла нѣтъ.
Я говорю, увидѣвъ тѣнь героя:
«Не заслоняй мнѣ солнца вѣчный свѣтъ!»
Отъ міровыхъ скорбей ищу покоя
И ухожу я въ прозу давнихъ лѣтъ.
Какъ Діогенъ — въ циническую бочку...
Но здѣсь для рѣшмы я поставлю точку. —

CX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой случайный другъ, —
Студентъ-ли въ кельѣ сумрачной и дымной,

Чиновникъ-ли съ бумагами вокругъ,
Курсистка, баринъ ли гостепріимный,
Питомецъ-ли классическихъ наукъ,—
Не требую любви твоей взаимной,—
Но мнѣ близка теперь душа твоя,
Но ты мнѣ другъ, ты человѣкъ, какъ я.

СХІ.

Ты также горькимъ опытомъ наказанъ...
Минутной благосклонности твоей
Я самой чистой радостью обязанъ:
Ты дальше всѣхъ, ты ближе всѣхъ друзей,
И я съ тобой свободной дружбой связанъ.
Теперь, прощаясь съ Музою моею,
Забудь вражду, прости, читатель, скуку:
Мы—люди, мы несчастны—дай мнѣ руку!

СХІІ.

Тебѣ на судъ я отдаю себя:
Одинъ ли ты иль въ многолюдномъ свѣтѣ,
Хлопочешь ли для славы жизнь губя,
Или для денегъ,—вспомни о завѣтѣ
Того, кто, дѣтство милое любя,
Училъ насъ: «будьте просты вы, какъ дѣти».
Какъ ни былъ бы ты золъ и мудръ, и старъ,—
Подумай, жизнь—прекрасный Божій даръ;

СХІІІ.

Смягчись на мигъ въ борьбѣ ожесточенной,
На прошлое съ улыбкою взгляни:
Не правда ли, тамъ, солнцемъ озаренный,
Есть уголокъ родимый, есть онъ,
Мой братъ, какъ я, познаемъ отягченный,
Невѣдѣнья безоблачные дни!

Отъ суеты и злобы на минуту
Вернись душою къ тихому пріюту,—

СХІV.

И пусть морщины скуки и труда
Разгладятся!.. Какъ сонъ недолговѣчный,
Тѣ дни прошли... Ты лучше былъ тогда,
Довѣрчивый, свободный и безпечный.
Ужели больше нѣтъ отъ нихъ слѣда,
Отъ этихъ думъ, отъ простоты сердечной?..
О, только бы ты пожалѣлъ о нихъ,—
И дѣла нѣтъ мнѣ до враговъ моихъ.

СХV.

Пусть хмурить брови Аристархъ журнальный:
Въ печальномъ сердцѣ—тихо и свѣтло;
Въѣзжаю въ гавань,—конченъ путь мой дальній...
О, другъ, утѣшься, подыми чело
Съ улыбкою спокойной и печальной,
Прощая Богу смерть и людямъ зло:
Въ сіяньи солнца есть еще отрада...
Ты улыбнулся,—вотъ моя награда!

Пѣснь вторая.

I.

Уже никто не вдѣнетъ ногу въ стремя, —
Ты одряхлѣлъ, классическій Пегасъ,
Тебѣ подсѣкло крылья злое Время:
Влачишься ты по улицамъ у насъ,
Гдѣ давить сердце вѣчной скуки бремя,
Гдѣ въ мутной снѣжной тьмѣ чуть брежжитъ газъ,
Гдѣ нѣтъ ни воли, ни любви, ни солнца, —
Хромою клячей бѣднаго чухонца...

II.

Отъ риемы я отвыкъ, и мнѣ начать
Вторую пѣснь труднѣй, чѣмъ сдвинуть гору.
Но если часъ пришелъ — нельзя молчать:
Слетающихъ видѣній внемля хору,
Ихъ голосамъ я долженъ отвѣчать;
И какъ цвѣтникъ въ полуденную пору —
Жужжаньемъ пчель, какъ берегъ — шумомъ волнъ,
Созвучьями не даромъ слухъ мой полнъ.

III.

Ихъ музыка подобна поцѣлюю:
И риема съ риемой — нѣжная чета —

Сливаются въ гармонию живую;
Тамъ ищутъ устъ влюбленные уста.
Я близость бога сладостнаго чую:
Когда душа уныла и пуста, —
Поэзія — отъ всѣхъ скорбей лѣкарство.
Уйдемъ же къ ней мы въ призрачное царство!

IV.

Тамъ нѣтъ ни зла людского, ни добра,
Тамъ даже смерти не страшна угроза.
Луна порой въ нѣмые вечера
На стеклахъ блѣдные цвѣты мороза
Вдругъ оживить: что значить ихъ игра
Безцѣльная?.. Холодной жизни проза,
Гори, гори и ты въ стихѣ моемъ,
Какъ этотъ ледъ, таинственнымъ огнемъ!

V.

О, юность бѣдная моя, какъ мало
Ты вольныхъ игръ и счастья мнѣ дала:
Классической премудрости начало,
Словарь латинскій, холодъ, скука, мгла...
Какъ часто я бранилъ тебя, бывало;
Но все прошло, — теперь не помню зла:
Не до конца сумѣли въ пыльной грудѣ
Нелѣпныхъ книгъ тебя испортить люди.

VI.

За сладостный, невинный жаръ въ крови,
За первыя неопытныя грезы,
За дѣтское предчувствіе любви
Среди унынья, холода и прозы,
За маленькія радости твои,
За одинокія, нѣмые слезы,

О, молодость, за красоту твою
Тебя люблю, тебѣ я гимнъ пою!

VII.

Врата несуществующаго рая,
Ненаступившихъ радостей залогъ,
Благословлю обманъ твой умирая.
Я никогда проклясть тебя не могъ,
О горькая, о жалкая, святая,
Тебя непобѣдимой создалъ Богъ:
Въ тебѣ есть холодъ, дѣвственная нѣга
И чистота нетронутаго снѣга...

VIII.

Однажды мы весною въ первый разъ
Открыли окна слишкомъ рано, въ мартѣ:
Пахнулъ къ намъ свѣжій воздухъ въ душный классъ;
На стѣнахъ съ пятнами чернилъ, на партѣ,
Изрѣзанной ножами въ скучный часъ
Закона Божьяго, на пестрой картѣ
Америки лучъ солнечный блестяль,
Въ листахъ грамматикъ вѣтеръ шелестѣль.

IX.

Я думаю, Армининъ садъ, и ты бы
Намъ болѣе счастливыхъ не далъ грезъ,
Чѣмъ грязный дворъ, гдѣ льда сѣдого глыбы
Кололи дворники; не запахъ розъ,
А москательныхъ лавокъ, мяса, рыбы—
Зефиръ весенній съ рынка намъ принесть...
А воробьи на крышахъ стаямъ шумной
Чирикали отъ радости безумной.

X.

Смотрѣли жадно мы на красный домъ,
Влюбившись сразу въ барышню-сосѣдку.
Къ окну подходитъ—видно за стекломъ,—
Чтобы крупы насыпать птицѣ въ клѣтку.
Тетради, книги наши подъ столомъ:
Какъ мотылекъ, попавшій дѣтямъ въ сѣтку,
Трепещетъ сердце, и волнуется кровь
Мнѣ глупая и милая любовь.

XI.

Пусть наглухо опять окно закрыли:
Проснувшись вдругъ отъ мертвеннаго сна,
Сквозь мутное стекло подъ слоемъ пыли,
Глядимъ,—душа надеждою полна,
Мгновенно всю грамматику забыли.
Ты побѣдила, вѣчная весна!
Такъ молодость въ тюрьмѣ находитъ радость
И горечь жизни превращаетъ въ сладость...

XII.

Мнѣ эта улица мила съ тѣхъ поръ:
Въ галантерейной маленькой лавчонкѣ
Донинѣ все еще плѣняютъ взоръ
И тѣ же чувства будятъ, какъ въ ребенкѣ,—
Знакомыхъ ситцевъ пестреный узоръ,
Духи, помада, зеркальца, гребенки
И волны подвѣчной кисей—
Соблазны юной прачки и швеи.

XIII.

Душа волненьемъ сладкимъ вновь объята,
Когда по тѣмъ мѣстамъ я прохожу;

Какъ тихій свѣтъ унылаго заката,
Я въ улицѣ безмолвной нахожу
Слѣды тѣхъ дней, которымъ нѣтъ возврата...
И самъ не знаю, чѣмъ въ нихъ дорожу;
Но жизнь кругомъ—холодная пустыня,
Лишь въ прошломъ все—отрада и святыня.

XIV.

Люблю я запахъ Елки въ Рождество,
Когда она таинственно и жарко
Горитъ и всѣ мы ждемъ Богъ вѣсть чего...
Пускай бѣду пророчить злая Парка,—
Я вѣрю въ Елку, вѣрю въ торжество.
Попрежнему отъ Бога жду подарка.
Какъ Елка, ты—въ огняхъ ночная твердь.
Ужель подарокъ Бога—только смерть?

XV.

Все мимолетно—радости и мука,
Но вѣчное проклятіе боговъ—
Не смерть, не старость, не болѣзнь, а скука,
Нѣмая скука долгихъ вечеровъ.
Скучать съ приличнымъ видомъ есть наука
Важнѣйшая для умныхъ и глупцовъ:
Подруги наши—страсть, любовь иль злора,
А Скука—вѣчная жена до гроба.

XVI.

О, темная владычица людей,
Какъ рано я узналъ твои морщины,
Недвижный взоръ твоихъ слѣпыхъ очей,
Лицо мертвѣе сѣрой паутины
И тихій лепетъ злыхъ твоихъ рѣчей!..
Но оживлять унылыя картины

Не буду вновь: ужъ я сказалъ о томъ,
Чѣмъ былъ нашъ мрачный и холодный домъ.

XVII.

Все важно въ немъ и сонно, и прилично.
Отецъ любилъ дѣтей, но издали:
Онъ каждую субботу педантично,
Просматривая баллы, за нули
Нотаціи читать умѣлъ отлично.
Безъ дружбы, вѣчно ссорясь, мы росли
Всѣ вмѣстѣ, кучей, какъ въ тѣни древесной
Семья грибовъ: намъ было слишкомъ тѣсно...

XVIII.

Съ Сергѣемъ мы ходили въ тотъ же классъ.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватыхъ быстрыхъ глазъ
Лукаво щурить онъ имѣлъ привычку;
Лицо въ веснушкахъ помню какъ сейчасъ,
Пронырливый и острый носикъ, клочку
Всему давалъ онъ мѣтко: былъ актеръ
И дипломатъ, насмѣшливъ и хитеръ.

XIX.

А неуклюжій Саша, молчаливый,
Съ лицомъ румянымъ и тупымъ, въ очкахъ,—
Какъ медвѣженокъ, дикій и лѣнивый;
Въ монахи собирался онъ, въ дѣлахъ
Земныхъ не видя толку; горделивый
Тотъ замыселъ погибъ и сталъ монахъ—
Немало въ жизни всякихъ превращеній—
Чиновникомъ особыхъ порученій.

XX.

Благоразуменъ, важенъ, какъ старикъ,
Быль Коля гимназистомъ идеальнымъ;
Премудрость всѣхъ учебниковъ постигъ.
Съ лицомъ худымъ, безкровнымъ и печальнымъ,
Питая страсть, какъ первый ученикъ,
Къ пятеркамъ съ плюсомъ и листамъ похвальнымъ,
Смиряться онъ умѣлъ, терпѣть и ждать
И всякому начальству угождать.

XXI.

Но иногда, романтикъ добродушный,
Про все забывъ, какихъ-то вѣдьмъ и фей,
И рыцарей, и замокъ ихъ воздушный
Чертилъ перомъ въ тиши воскресныхъ дней,
Воображенью странному послушный,
Онъ на поляхъ латинскихъ словарей,
Влюбленный въ этотъ мѣръ необычайный:
Онъ вѣрилъ въ сны, пророчества и тайны...

XXII.

У насъ въ крови—неугасимый жаръ
Мистическаго бреда; это—сходство
Семейное, опасный людямъ даръ,
Наслѣдственный недугъ иль превосходство,
Подъ непломъ жизни тлѣющей пожаръ,—
Не вѣдаю—талантъ или уродство...
Вольнолюбивый, непокорный духъ,
Донинѣ въ насъ огонь твой не потухъ.

XXIII.

Обычный въ жизни путь ему невѣдомъ,
Противень будничный и тѣсный кругъ.

Быль Костя старшій братъ мой правовѣдомъ;
Но поступилъ онъ, возмущившись вдругъ,
И полный нигилизма моднымъ бредомъ,
На факультетъ естественныхъ наукъ:
Не слѣдуя отцовскому примѣру,
Онъ погубилъ блестящую карьеру.

XXIV.

Самонадѣянъ и уменъ, и гордъ,
Нашъ мертвый домъ чиновничій и сѣрый
Онъ презиралъ: настойчивъ, волей твердъ,
Въ добрѣ и злѣ безъ удержу, безъ мѣры,
Отъ микроскоповъ ждалъ онъ и ретортъ
Невѣдомыхъ чудесъ и новой вѣры.
Любила мать его; съ отцомъ всегда
Была у Кости тайная вражда

XXV.

Мнѣ помнится подъ колбою стеклянной
Спиртовой лампочки дрожащій блескъ
И жидкости опаловой, туманной
Въ прозрачныхъ стѣнахъ легкій звонъ и плескъ,
Волшебной искры голубой и странной
На гальванической машинѣ трескъ...
Въ густой тѣни большого кабинета
Желтѣли кости пыльного скелета.

XXVI.

Мнѣ объяснялъ фанатикъ молодой
Открытѣя, чудеса лабораторій,
Неясныя мелькали предо мной
Отрывки дерзновеннѣйшихъ теорій;
Показывалъ онъ въ капль водяной
Другъ друга пожиравшихъ инфузорій,
Д. С. Мережковский. Т. XV.

И слушалъ я, потупивъ робкій взоръ,
Про Дарвиновъ естественный подборъ.

XXVII.

Я чувствовалъ, что онъ неправъ во многомъ:
Краснѣя, запинался я, дрожалъ,
Ребяческимъ и неумѣлымъ слогомъ
На доводы науки возражалъ,
Когда, смѣясь надъ чортомъ и надъ Богомъ,
Онъ все, во что я вѣрилъ, разрушалъ...
Хотя и страшно было мнѣ и больно,—
Запретный плодъ прельщалъ меня невольно.

XXVIII.

И любопытство жадное влекло
Къ опасности на крайнія ступени,
И въ первый разъ на дѣтское чело
Уже недѣтскихъ думъ ложились тѣни:
Плѣняетъ душу челоуѣка зло.
Какъ нѣкогда Адаму въ райской сѣни—
«Вкуси и будешь богомъ»—мудрый Змѣй,
Коварный далъ совѣтъ душѣ моей.

XXIX.

Въ столовой разъ за чаемъ мы сидѣли;
Здѣсь маятникъ медлительныхъ часовъ,
Влачившихся безъ отдыха, безъ цѣли,
Вкусъ тѣхъ же булокъ, звуки тѣхъ же словъ
И тусклые обои надоѣли
Знакомымъ видомъ желтенькихъ цвѣтовъ.
На ужинъ экономно разогрѣты
Унылыя вчерашнія котлеты.

XXX.

Изъ всѣхъ угловъ ползеть ночная тѣнь,
Цѣдится струйка жиденькаго чая
Сквозь ситечко; смотрѣть и думать—лѣнь,
Царить безмолвье, мысли удручая..
У матери—всегдашняя мигрень..
И лампа блѣдная горитъ, скучая,
И силы нѣтъ дремоты превозмочь,—
Скорѣй бы сонъ безчувственный и ночь.

XXXI.

Вдругъ настезь дверь,—и дрогнулъ воздухъ сонный,
И старшій братъ съ улыбкой на устахъ
Вошелъ, и нашей скукой изумленный,
Тотчасъ притихъ; румянецъ на щекахъ
Еще горитъ, морозомъ оживленный,
Пылинки снѣга таютъ въ волосахъ:
Онъ съ улицы принесъ душистый холодъ,
Глаза блестятъ,—онъ радостенъ и молодъ.

XXXII.

Отецъ спросилъ: «Откуда?»—«Изъ суда,—
Присяжные Засуличъ оправдали!»
«Какъ? ту, что въ Трепова стрѣляла?»—«Да».—
«Не можетъ быть!..»—«Такой восторгъ былъ въ залѣ,
Какого не бывало никогда:
Мы полную побѣду одержали!»
Отецъ сердито молвилъ: «Что за вздоръ!»
И вспыхнулъ вдругъ ожесточенный споръ.

XXXIII.

И шопотомъ беспомощныхъ моленій
Напрасно мама хочетъ ихъ унять:

То споръ былъ вѣчный, распря поколѣній,—
Не уступаютъ оба ни на пядь,
Не слушаютъ другъ друга: «Убѣжденій
Вы права не имѣете стѣснять!»
Кричитъ студентъ; они вскочили оба,—
Въ очахъ старинная слѣпая злоба.

XXXIV.

«Наука доказала»...—«Чушь и гиль—
Твоя наука... Вѣчныя основы
Религіи...»—«Основы ваши—гниль!»
Предъ истиною всѣ онѣ готовы
Разсыпаться, какъ мертвый прахъ и пыль...
Намъ Спенсеръ далъ для жизни принципъ новый!»
«А Богъ?...» — «Нѣтъ Бога!» — «Спенсеръ твой—
дуракъ!»

Дошли до Бога,—это скверный знакъ.

XXXV.

Теперь конецъ ужъ ясенъ бѣдной мамѣ,—
Ей скажетъ мужъ: «Во всемъ—твоя вина.
Дѣтей избаловала!» Въ этой драмѣ
Нѣмою жертвой быть обречена,
Печальными и кроткими глазами,
Безпомощнаго ужаса полна,
Глядитъ на нихъ и вся мольбою дышитъ:
Никто ее не видитъ и не слышитъ.

XXXVI.

«Прочь, негодяй, изъ дома моего!...»
Кричитъ отецъ, блѣднѣя. «Ради Бога,
Не будь къ нему жестокъ, прости его,—
Ну, хоть меня ты пожалѣй немного!»

—«Нѣтъ, не просите, мама,—ничего—
Не надо!—Костя ей кричитъ съ порога,—
Я радъ уйти: мнѣ воля дорога,—
Не будетъ больше здѣсь моя нога!»

XXXVII.

Вамъ оскорблять себя я не позволю...»
И онъ дверями хлопнулъ. Мать жалѣлъ,
Но думалъ я, что Костя выбралъ долю
Завидную: какъ былъ онъ гордъ и смѣлъ!
И за героемъ я рвался на волю,
Я самъ дрожалъ отъ злобы и горѣлъ:
Душа была смятеніемъ объята;
Я раздѣлить хотѣлъ бы участь брата.

XXXVIII.

И долго я въ ту ночь не могъ уснуть:
Все чудились мнѣ тихія рыданья;
Предчувствіемъ бѣды сжималась грудь.
Я всталъ; лишь уличныхъ огней мерцанье
По комнатѣ мнѣ озаряло путь,
Когда среди глубокаго молчанья,
Какъ воръ, прокравшись въ темный длинный залъ,
Я разговоръ изъ спальни услышалъ:

XXXIX.

«Онъ можетъ повредить моей карьерѣ...
Каковъ щенокъ, мальчишка, нигилистъ!»
—«Ну, денегъ дай ему по крайней мѣрѣ:
Онъ вспыльчивъ, сердцемъ же онъ добръ и чистъ...»
Я ухо приложилъ къ закрытой двери
И въ темнотѣ внималъ, дрожа, какъ листъ,
И страшно было мнѣ, стучали зубы:
Слова отца безжалостны и грубы.

XL.

Съ тѣхъ поръ прошли года, но помню то,
 Что слышалъ тамъ: осталось въ сердцѣ жало.
 «Онъ—сынъ твой, не губи его,—за что?..»
 —«Вѣдь я сказалъ: дамъ сорокъ въ мѣсяцъ». — «Мало».
 —«А сколько жъ?» — «Сто». — «Ну, пятьдесятъ...»
 —«Нѣтъ, сто...»

Мольбою долгой, долгой и усталой
 Упрямой силою любви своей
 Она боролась съ нимъ изъ-за грошей.

XLI.

Я словъ уже не слышалъ,—только звуки
 Все тѣхъ же просьбъ: такъ падаетъ вода
 И точитъ твердый камень; лишь отъ скуки
 Онъ дѣлалъ ей уступку иногда.
 Она ему въ слезахъ цѣлуетъ руки,
 Терпѣньемъ побѣждаетъ, какъ всегда,
 Смирениемъ глубокимъ и притворствомъ
 И жертвъ незримыхъ медленнымъ упорствомъ.

XLII.

Мы грѣшны всѣ: я не сужу отца.
 Но ужаса я полнъ и отвращенья
 Къ семейной пыткѣ, къ битвѣ безъ конца,
 Безъ отдыха, гдѣ нѣтъ врагу прощенья,
 Гдѣ только блѣдность кроткаго лица
 Иль вздохъ невольный выдаетъ мученья:
 Внутри—убійство, а извнѣ хранить
 Законный бракъ благопристойный видъ.

XLIII.

Когда же утромъ мы при лампѣ встали
 И за окномъ, сквозь мокрый снѣгъ и тѣнь,

Съ предчувствіемъ заботы и печали
 Рождался вновь ненужный сѣрый день,
 За кофею отъ няни мы узнали,
 Что мать больна, что у нея мигрень:
 И вѣщая тоска мнѣ сердце сжала.
 Три дня она въ постели пролежала.

XLIV.

И можетъ быть, то первый приступъ былъ
 Болѣзни тяжелой, длившейся годами,
 Неисцѣлимой; все же гнѣвный пылъ
 Отца смягченъ былъ долгими мольбами.
 Хотя онъ ссоры съ Костей не забылъ,
 Но поневолѣ, уступая мамѣ,
 Не одобряя баловства дѣтей,—
 Не сорокъ далъ ему, а сто рублей.

XLV.

И жизнь пошла чредой однообразной:
 Зазубрины и пятнышки чернилъ
 Все тѣ же на моей скамейкѣ грязной,
 Родной языкъ коверкая, долбилъ
 Я тотъ же вздоръ латыни безобразной,
 И года три подъ мышками тѣснилъ
 Все въ томъ же мѣстѣ мнѣ мундирчикъ узкій,
 На завтракъ тотъ же сыръ и хлѣбъ французскій.

XLVI.

Лимоніусъ директоръ, глухъ и старъ,
 Софокла намъ читалъ и Одиссею,
 Насъ усыплять имѣя рѣдкій даръ;
 Но до сихъ поръ предъ нимъ благоговѣю,
 Лишь вспомню, съ крѣпкимъ запахомъ сигаръ,
 Я вицмундиръ передъ скамьей моею

И тонкій пухъ сѣдыхъ его волосъ
И въ голубыхъ очкахъ багровый носъ.

XLVII.

Урокъ по спрятанной въ рукавъ бумажкѣ,
Бывало, всякій бойко отвѣчалъ.
При немъ играли въ карты мы и въ пашки:
Намъ добродушный нѣмецъ все прощалъ;
Но вдругъ за бѣлый воротникъ рубашки
Неформенной, за галстухъ онъ кричалъ
Съ неожиданнымъ пыломъ ярости безмѣрной
И тѣмъ внушалъ намъ трепетъ суевѣрный.

XLVIII.

Честнѣйшій нѣмецъ Кесслеръ—латинистъ,
Заросшій волосами, бородатый,
На видъ угрюмъ, но сердцемъ добръ и чистъ,—
Какъ древніе Катоны, Цинцинаты
И Сцевола; большой идеалистъ,
Изъ года въ годъ, отчаяньемъ объятый,
Всѣмъ существомъ грамматику любя,
Онъ насъ терзалъ и не жалѣлъ себя.

XLIX.

Отвѣтовъ ждалъ со страхомъ и томленьемъ,
Краснѣя самъ, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личнымъ оскорбленьемъ
Неправильная форма падежа,
Ему глаголь съ невѣрнымъ удареньемъ
Изъ нашихъ устъ былъ какъ ударъ ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатикъ,
Писалъ онъ рядъ ученѣйшихъ грамматикъ.

L.

Читалъ Платона Бюрикъ—не педантъ,
Напротивъ, весельчакъ, но злѣйшій въ мірѣ,
Весь бѣлый, бритый, выхоленный франтъ,
Въ обрызганномъ духами вицмундирѣ;
Къ жестокимъ шуткамъ онъ имѣлъ талантъ.
Того, кто зналъ урокъ, оставивъ въ мирѣ,
Онъ робкаго лѣнтяя выбиралъ
И долго съ нимъ какъ съ мышью котъ игралъ.

LI.

Несчастный мальчикъ, съ мнимою отвагой,
Къ доскѣ уже блѣднѣя подходилъ;
Тотъ ободрялъ его, шутилъ съ бѣднягой
И понемногу въ дебри заводилъ,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, онъ медленно цѣдилъ
Слова сквозь зубы и въ дремотѣ сладкой
Ласкалъ тихонько подбородокъ гладкій.

LII.

Какъ выступалъ на лбу ученика
Холодный потъ, съ улыбкой сладострастной
Слѣдилъ, и мухой въ лапахъ паука
Тотъ бился все еще въ борьбѣ напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
«Скорѣй бы нуль!» мечталъ уже несчастный,
Въ схоластикѣ блуждая безъ руля,
А смерти нѣтъ, и нѣтъ ему нуля!

LIII.

Но въ старшихъ классахъ алгебры учитель
Былъ хуже нѣмцевъ—русскій буквоѣдъ,

Поповъ, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завѣтъ,
Незловивый старательный мучитель,
Онъ страшенъ былъ душѣ моей, какъ бредъ...
Въ лицѣ—подобѣ блѣдной мертвой маски—
Мерцали хитрые свиные глазки.

LV.

Въ немъ было все противно: глупый носъ
И на челѣ торжественномъ и плоскомъ
Начальственная важность, цвѣтъ волосъ
Прилизанныхъ и рѣдкихъ съ желтымъ лоскомъ;
Онъ—неуклюжъ, горбатъ и хромъ, и косъ,—
Казался жалкимъ, страннымъ недоноскомъ.—
Всегда покоренъ и застѣнчивъ, разъ
Я дерзкимъ бунтомъ удивилъ нашъ классъ.

LV.

Мнѣ отъ Попова слушать надоѣло—
«Ровнѣй держитесь, выпрямите грудь!»—
Я на скамью—неслыханное дѣло—
Сѣлъ, опершись локтемъ, чтобъ отдохнуть
И пуговицъ, ему отвѣтивъ смѣло,
На скрутокъ дерзнулъ не застегнуть;
Онъ закричалъ, но я рѣшилъ упрямо:
Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI.

Лимоніусъ съ инспекторомъ пришли,
И сторожа меня на новоселье
Въ сырой, холодный карцеръ повели
И заперли на ключъ въ позорной кельѣ,—
Жилищѣ крысъ, но тамъ, во тьмѣ, въ пыли,
Я чувствовалъ неожиданное веселье:

Подвижникомъ себя воображалъ
И въ лихорадкѣ сладостной дрожалъ.

LVII.

Какъ жаждалъ сердцемъ правды я и мщенья!
Не все ль равно, за что возстать—за міръ
И всѣ его обиды и мученья,
Или за право разстегнуть мундиръ?
Тебя позналъ я, демонъ возмущенья:
Утративъ сердца прежній дѣтскій миръ,
Я чувствовалъ,—хотя былъ бунтъ напрасенъ,
Что ты, Злой Духъ, мой темный Богъ—прекрасенъ!

LVIII.

Тебѣ остался вѣренъ я съ тѣхъ поръ
И, соблазненный Ангеломъ суровымъ,
Не покорясь, всю жизнь веду я споръ,
Изъ-за несчастныхъ пуговицъ съ Поповымъ:
Душа безумно рвется на просторъ.
За то, что я къ мірамъ стремился новымъ,
За то, что рабства я терпѣть не могъ,—
Меня казнилъ Лимоніусъ и Богъ.

LIX.

Въ тѣ дни ужъ я томился у преддверья
Сомнѣній горькихъ, и когда нашъ попъ,
Находчивый и полный лицемѣрья,
Доказывалъ, наморщивъ умный лобъ,
Чтобъ истребить въ насъ плеве́лы невѣрья,
Научною теоріей потопъ,
Иль логикой—существованье Бога,—
Рождалась въ сердцѣ вѣщая тревога.

LX.

И бѣсъ меня смущалъ: насъ каждый день
Водили въ церковь на Страстной недѣлѣ;
Напѣвъ дьячка внушалъ мнѣ сонъ и лѣнь:
Мы по казеннымъ правиламъ говѣли;
И неуютною казалась тѣнь,
Недружески огни лампадъ блестяли;
Рука творила знаменье креста,
Но мертвая душа была пуста.

LXI.

Кошунственная мысль была упряма;
И чистая святая бѣлизна
Просвирки нѣжной, запахъ ѳиміама,
Вкусъ теплаго церковнаго вина,
И голубь, Духъ Святой, на сводѣ храма,
За царскими вратами глубина,
Не вѣютъ въ душу прежней сладкой тайной:
Рождаетъ все лишь страхъ необычайный.

LXII.

Но по привычкѣ давней передъ сномъ
Я начиналъ молитву, умиленный:
Съ подаркомъ няни—сахарнымъ яйцомъ
На алой лентѣ, съ вербой запыленной,
Былъ образокъ такъ родственъ и знакомъ...
Когда же вновь опомнюсь, пробужденный,—
Какъ будто вдругъ въ душѣ потухнетъ свѣтъ,
И ужасаетъ мысль, что Бога нѣтъ.

LXIII.

Скребется мышь, страшатъ ночные звуки,
На улицѣ умолкъ послѣдній шумъ.

А я сижу во тьмѣ, ломая руки,
И отогнать не въ силахъ грѣшныхъ думъ:
Съ мятежнымъ духомъ, дьяволомъ науки,
Изнемогая борется мой умъ,
И ангела хранителя напрасно
На помощь я зову съ надеждой страстной.

LXIV.

Что избавление должно придти,
Я чувствую, не вѣдая, откуда.
Цѣлуя образъ, я молилъ: «прости!
Не вѣрю я и знаю — это худо,
Но вѣдь Тебѣ легко меня спасти:
О, дай мнѣ знакъ, о, только сдѣлай чудо,
Теперь, сейчасъ, до наступленья дня,—
Хоть маленькое чудо для меня!»

LXV.

Миссіонеръ для обращенья Кости,
Ученый попъ, былъ приглашенъ отцомъ:
Онъ приходилъ къ намъ по субботамъ въ гости;
Въ лиловой рясѣ съ золотымъ крестомъ.
Пить чай умѣлъ, въ бесѣдахъ, чуждыхъ злости,
Лобъ вытирая шелковымъ платкомъ,
Съ баранками и сливками такъ вкусно
И Дарвина опровергалъ искусно.

LXVI.

И спорамъ ихъ о Богѣ безъ конца
Я съ жадностью внималъ, дохнуть не смѣя:
Доказывалъ онъ Промыселъ Творца,
И, объясняя книги Моисея,
Съ пріятной тихой важностью лица
Цитатами изъ книгъ ученыхъ сѣя,

По поводу Адама говорилъ
Онъ о строеньи черепа горилль.

LXVII.

Но дерзкаго невѣрья злое сѣмя
Въ душѣ моей росло: я помню, разъ
Нашъ батюшка въ гимназiи, въ то время
Къ принятю Тайнъ Святыхъ готова классъ,
Моихъ сомнѣнiй увеличилъ бремя:
Смутилъ меня о грѣшникѣ рассказъ,
Вкусившемъ недостойно отъ Причастья:
Я слушалъ, полонъ жаднаго участья.

LXVIII.

Какъ Тайнами Христовыми сожженъ,
Языкъ его лукавый былъ раздвоенъ
И въ трепетное жало превращенъ...
Я былъ, какъ этотъ грѣшникъ, недостойнъ;
Въ кощунственные мысли погруженъ,
Я ждалъ бѣды, угрюмъ и безпокоенъ,
И, вѣря, что меня накажетъ Богъ,
Раскаяться хотѣлъ я и не могъ.

LXIX.

Съ непобѣдимымъ трепетомъ боязни
Объ исповѣди думалъ, и тоска
Мнѣ грызла сердце, холодъ непріязни
Внушалъ одинъ лишь видъ духовника:
Я представлялъ весь ужасъ этой казни
И чувствовалъ, какъ вмѣсто языка
Во рту моемъ шипѣло и дрожало
Змѣиное раздвоенное жало.

LXX.

Но вышло все такъ просто, безъ чудесъ,
Что я почти жалѣлъ о томъ, и съ шумомъ
Весеннихъ водъ напѣвъ «Христосъ воскресъ»
Теперь въ молчаньи слушалъ я угрюмомъ:
Веселый праздникъ для меня исчезъ,—
Уже ни Пасха бѣлая съ изюмомъ,
Ни съ розаномъ, нѣжны и горячи,
Не радовали сердца куличи.

LXXI.

Я съ нянею пошелъ на балаганы:
Здѣсь ныла Флейта, и пицалъ фаготъ,
И съ бубнами гудѣли барабаны.
До тошноты мнѣ гадокъ былъ народъ:
Фабричные съ гармониками, пьяный
Ихъ смѣхъ, яйцомъ пасхальнымъ полный ротъ,
Самодовольство праздничнаго вида,—
Все для меня уродство и обида.

LXXII.

А въ тучкахъ—нѣженъ золотой апрѣль.
Царицынъ Лугъ ужъ пыленъ былъ и жарокъ;
Скрипя колеса вертятъ карусель,
И къ облакамъ ликующихъ кухарокъ
Возносить въ небо пестрая качель:
Въ лазури цвѣтъ платковъ ихъ желтыхъ ярокъ...
И безобразье вѣчное людей
Рождаетъ скорбь и злость въ душѣ моей.

LXXIII.

И благовѣсть колоколовъ побѣдный,
Какъ приговоръ таинственный, гудѣлъ...

Я въ эти дни, къ прискорбью мамы бѣдной,
Какъ будто въ злой болѣзни, похудѣлъ:
По комнатамъ, какъ тѣнь, слонялся, блѣдный
И нелюдимый, плохо спалъ и ѣлъ,
И спрашивала мать меня порою
Въ отчаяннѣ: «Мой мальчикъ, что съ тобою?..»

LXXIV.

Но я молчалъ, стыдился думъ моихъ,
Лишь изрѣдка, не говоря ни слова,
Къ ней подходилъ, безпомощенъ и тихъ,
И маленькимъ, не думающимъ снова
Я дѣлался отъ ласкъ ея простыхъ,
Когда она, жалѣя, какъ больного,
И мудрое безмолвіе храня,
Съ улыбкою баюкала меня.

LXXV.

Спасителемъ моимъ Елагинъ милый
Былъ, какъ всегда: экзамены прошли,
И, какъ покойникъ, вставшій изъ могилы,
Я свѣжестью дышалъ сырой земли,
Отъ солнца щурился, больной и хилый,
Но радовали въ морѣ корабли,
Знакомый прудъ, и ледникъ, и дорожка
Межъ грядками душистаго горошка.

LXXVI.

Все трогало меня почти до слезъ—
Съ полупрозрачной зеленью опушка
И первый шелестъ молодыхъ березъ,
И вѣщая, унылая кукушка,
И дряхлая подружка дѣтскихъ грезъ—
Родная ива, милая старушка,

И дачный вкусъ парного молока,
И теплыя живыя облака.

LXXVII.

Катались мы на лодкѣ съ братомъ Сашей:
Покинувъ весла, зонтикъ дождевой
Мы ставили, какъ парусъ, въ лодкѣ нашей;
Казался куполъ неба надъ водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
Съ гніющимъ остовомъ ладьи рыбацкей
Картофель мы пекли въ золѣ горячей.

LXXVIII.

Закусывая парой огурцовъ
И слушая великое молчанье
Зеркальныхъ водъ и медленныхъ коровъ
Протяжное унылое мычанье
И въ стебляхъ желтыхъ водяныхъ цвѣтовъ
Лѣнивыхъ струекъ слабое журчанье,—
Я всѣ мои грамматики забылъ,
Не думалъ, есть ли Богъ, и счастливъ былъ.

LXXIX.

Скучать въ домашней церкви за обѣдней
По праздникамъ въ Елагинскій дворецъ
Водили насъ; я помню, въ аркѣ средней
Межъ ангелами рѣялъ Богъ Отецъ.
Но суетныхъ мой умъ былъ полонъ бредней,
Я думалъ: службѣ скоро ли конецъ?
Смотрѣлъ, какъ небо въ перистыхъ волокнахъ
Высокихъ тучъ блестить въ открытыхъ окнахъ.

LXXX.

Крикъ ласточекъ сквозь пѣніе псалмовъ,
Шумящіе подъ свѣжимъ вѣтромъ клены,
Дыханіе сиреневыхъ кустовъ,
Все манитъ прочь изъ церкви въ садъ зеленый,
И кажется мнѣ страшнымъ ликъ Христовъ
Сквозь зарево свѣчей во мглѣ иконы:
Любовью, чуждой Богу, міръ любя,
Язычникомъ я чувствовалъ себя.

LXXXI.

И въ этой церкви разъ въ толпѣ воскресной,
Среди дѣвицъ уродливыхъ и дамъ,
Увидѣлъ профиль дѣвушки прелестной,
Смотрѣлъ я жадно, волю давъ очамъ:
Мнѣ было все въ ней тайною чудесной,
Подобной райскимъ непонятнымъ снамъ,
И я въ благоговѣнны не замѣтилъ,
Цвѣтъ глазъ ея былъ темень или свѣтель.

LXXXII.

Лишь смутно помню, что она была
Вся въ бѣломъ кружевѣ; глубокой тѣнью
Рѣсницъ и томной блѣдностью чела
Я изумленъ и преданъ былъ смятеню:
Казалась мнѣ, воздушна и бѣла,
Она принцессой Бѣлою Сиреню,
Окутанною въ сказочный туманъ.
Тайкомъ невинный начался романъ.

LXXXIII.

И образъ твой, Елагинская фея,
Донинѣ сердцу памятенъ и милъ;

Тамъ, гдѣ къ пруду спускается аллея,
За бѣлымъ платьемъ иногда слѣдилъ
И прятался я, подойти не смѣя;
Ни разу въ жизни съ ней не говорилъ,
Любви неопытную душу предаль,
Хоть имени возлюбленной не вѣдалъ.

LXXXIV.

Когда въ затишьи знойныхъ вечеровъ
Гармоника кухарокъ собирала
Въ конюшню—царство важныхъ кучеровъ,
И въ облакахъ былъ нѣжный цвѣтъ коралла,
Съ толпою неуклюжихъ юнкеровъ
Въ крокетъ моя владычица играла
И бѣгала, смѣялась громче всѣхъ:
Донинѣ въ сердцѣ—этотъ милый смѣхъ.

LXXXV.

И, крадучись, какъ воръ, къ рѣшеткѣ сада
За дачей, гдѣ она жила, тайкомъ
Я подходилъ, и было мнѣ отрада
Смотрѣть на ветхій деревянный домъ,
Хотя мѣшала пыльная ограда
Кустовъ колючихъ; къ тѣмъ, кто съ ней знакомъ,
Я завистью былъ жгучей пожираемъ,
И садикъ бѣдный мнѣ казался раемъ.

LXXXVI.

Но холодъ жизни ранній цвѣтъ убилъ,
И все, что было мнѣ еще неясно,
Что я въ душѣ лелѣялъ и хранилъ,
Едва родившись, умерло безгласно,—
И никогда я больше не любилъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно и напрасно,

Какъ въ тѣхъ мечтахъ, погибшихъ навсегда
Безъ имени, безъ звука, безъ слѣда...

LXXXVII.

Мы въ сердцѣ вѣчную таимъ измѣну:
Ужъ привлекалъ вниманіе мое
Иной предметъ: однажды прачку Лену
Я увидалъ, стиравшую бѣлье:
Я помню мыла тающую пѣну,
Когда сквозь паръ смотрѣлъ я на нее,
Румяную, съ веснушками, съ глазами
Почти безъ мысли, съ голыми руками.

LXXXVIII.

А въ прачешной и въ кухнѣ былъ пожаръ
Сіянія вечерняго: блеснули
Ведро, кофейникъ, яркій самоваръ,
Зрачки кота, дремавшего на стулѣ,
И полымемъ объята, какъ жаръ,
Кругомъ на полкахъ мѣдныя кастрюли;
И Лена, вся здоровіемъ дыша,
Была въ огнѣ заката хороша.

LXXXIX.

И весело мнѣ было рядомъ съ нею:
Подъ нѣжнымъ солнцемъ въ тонкихъ завиткахъ
Коротенькихъ волосъ я видѣлъ шею
И ямочки на розовыхъ локтяхъ.
Хотя любилъ я сказочную фею,
Но эта баба съ утюгомъ въ рукахъ,
Богиня синьки, мыла и крахмала,
Мое воображеніе занимала.

XC.

Зачѣмъ ты далъ намъ двѣ души, Господь?
Другъ друга ненавида и страдая,
Напрасно въ людяхъ спорятъ духъ и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не можетъ побороть.
Съ Владыкой Тьмы враждуетъ Ангелъ рая:
Кому изъ нихъ я первенство отдамъ,
Кто побѣдитъ меня,—не знаю самъ.

XCI.

Не смѣйся же, читатель благосклонный,
Что мы съ тобой неожиданно перешли
Отъ прачки Лены съ барышней Мадонной
Къ противорѣчьямъ неба и земли:
Одинъ законъ владѣтъ непреклонный
Созвѣздыями, горящими вдали,
Съ ихъ правильнымъ восходомъ и закатомъ,
И силой, движущей незримый атомъ.

XCII.

Такъ сразу я въ двухъ женщинъ былъ влюбленъ:
Мнѣ самому казалось это дикимъ...
Уже тогда съ младенческихъ временъ
Лукавымъ духомъ, Янусомъ двуликимъ,
Неопытный мой умъ былъ соблазненъ,
И съ этихъ поръ я съ ужасомъ великимъ
Всю жизнь внималъ, какъ съ Богомъ спорить бѣсъ,
Духъ грѣшной плоти съ ангеломъ небесъ.

XCIII.

Тотъ узелъ Гордіевъ чей мечъ разрубить?
О, если бы рѣшить я только могъ,

Кого душа моя сильнѣе любить,
Кто сердцу ближе: Демонъ или Богъ!
Ихъ двойственный соблазнъ меня погубить:
Я все еще стою межъ двухъ дорогъ,
И съ прачкой Леной борется богиня—
Съ кощунствомъ вѣчнымъ—вѣчная святиня.

XCIV.

Я осенью въ тотъ годъ увидѣлъ Крымъ:
Казался край далекій сномъ волшебнымъ.
Я не изъ тѣхъ, кому приятенъ дымъ
Отечества, и былъ всегда цѣлебнымъ
Мнѣ путь далекій къ небесамъ инымъ.
Отецъ мой вѣхалъ по дѣламъ служебнымъ;
Его давно уже молила мать
Меня съ собой на южный берегъ взять.

XCV.

Изъ царства моха, кочекъ и рябины
Перелетѣлъ я въ дремлющій аулъ
Въ уютной нѣгѣ солнечной долины;
Мнѣ яркій мѣсяцъ въ очи заглянулъ;
Въ тиши ночной таинственной пучины
Я полюбилъ многоголосый гулъ,
Смотрѣлъ, какъ въ небѣ серебрится тополь
И при лунѣ бѣлѣтъ Севастополь.

XCVI.

Тамъ, гдѣ шумятъ немолчные валы,
Гдѣ вознеслись надъ моремъ великаны—
Изъ черного базальта двѣ скалы,
И стелются надъ пропастью туманы,
Гдѣ рѣютъ съ хищнымъ клетотомъ орлы,
Былъ нѣкогда великій храмъ Діаны,—

Тамъ нынѣ мрачный и глухой пустырь,
А рядомъ—крестъ и бѣдный монастырь.

XCVII.

Въ обители Георгія Святого
Здѣсь иноки нашли себѣ приютъ,
Но по ночамъ на мысѣ дикомъ снова
Колонны храма блага встаютъ—
Языческіе призраки былого,
И волны гимнъ торжественный поютъ...
Тамъ я бродилъ, и сердце грустью ныло,
А колоколъ вдали звучалъ уныло.

XCVIII.

О, боги древности, я чуюль васъ,
Когда въ безмолвной и печальной тризнѣ
Сюда вашъ рой слеталъ въ предвѣздный часъ:
Казалось мнѣ,—въ иной далекой жизни
Я съ вами здѣсь бывалъ уже не разъ
И нынѣ вновь пришелъ къ моей отчизнѣ;
Съ видѣньями боговъ наединѣ
И сладостно, и страшно было мнѣ...

XCIX.

Обвѣянъ прелестью твоей, Эллада,
Въ какія былъ я думы погруженъ,
Чему душа была безумно рада,
Когда горѣлъ полдневный небосклонъ
И волнѣ дышала вѣчная прохлада
На высотѣ межъ греческихъ колоннъ
Той полукруглой маленькой веранды
Надъ рощами тѣнистой Ореанды.

C.

Тамъ я любилъ по цѣлымъ днямъ мечтать:
Въ благоуханьи мяты и шафрана
И въ яркости твоей, морская гладь,
И въ блѣдной дымкѣ знойнаго тумана—
Во всей природѣ южной—благодать
Великаго языческаго Пана.
О, древній богъ, подъ сѣною рощъ твоихъ
Сложилъ я первый неумѣлый стихъ.

CI.

Но долго я скрывалъ подруги тайной,
Стыдливой Музы, нѣжные грѣхи:
Хромой сонетъ о блѣдной розѣ чайной
Восторженной былъ полонъ чепухи.
Но музыкаю риѣмъ необычайной
Я упивался: глупые стихи
Казались мнѣ предѣломъ совершенства,
И я надъ ними плакалъ отъ блаженства.

CII.

Я Пушкину безстыдно подражалъ,
Но ослѣпленъ туманомъ романтизма,
Въ Онѣгинѣ я только риѣмъ искалъ:
Нужна была мнѣ сказочная призма—
Луна и пурпуръ зорь, и груды скалъ;
Мятежный Пушкинъ, полный байронизма
И пышныхъ грезъ, мнѣ нравился тогда,
Какимъ онъ былъ въ двадцатые года.

CIII.

Я пѣлъ коварныхъ дѣвъ, красы Эдема
И соловья надъ розой при лунѣ,

И лучшую изъ тайныхъ розъ гарема,
Тебя, которой бредилъ я во снѣ
И наяву, о, милая Зарема.
Стихи журчали, и казалось мнѣ,
Что мой напѣвъ былъ полонъ нѣги райской,
Какъ лепетъ твой, фонтанъ Бахчисарайскій!

CIV.

Я не люблю родныхъ моихъ, друзья
Мнѣ чужды, бракъ—тяжелая обуза.
Въ томительной пустынѣ бытія
Гонимая отверженная Муза—
Единственная спутница моя.
И болѣе надежнаго союза
Нѣтъ на землѣ: съ младенчества храня,
Она, какъ мать, лелѣяла меня.

CV.

Не вѣдали мы съ нею шумной славы,
Но въ дни унынья ты была со мной,
Богиня кроткая, въ тѣни дубравы,
Или у водъ, объятыхъ тишиной,
Гдѣ сонныя благоухаютъ травы,
Ждала меня съ улыбкой неземной,
Таинственною прелестью дышала
И ласкою невинной утѣшала.

CVI.

И былъ въ чертахъ прекраснаго лица
Глубокій слѣдъ божественной печали.
Лавровой тѣнью гордаго вѣнца
Твоей главы друзья не увѣнчали.
Ты слышала и брань и судъ глупца,
Сообщниковъ немногихъ мы встрѣчали.

Но, совершая долгъ своимъ путемъ,
Всегда мы шли и до конца пойдемъ,

CVII.

Съ тобой нестрашенъ ночи мракъ безвѣздный:
Направь мои невѣрные стопы.
Надъ пропастью цвѣты тебѣ любезны,
Растущіе не на путяхъ толпы,
И ты ведешь меня по краю бездны
На узкія необщія тропы,
Откуда виденъ отблескъ на вершинахъ
Зари, еще невѣдомой въ долинахъ.

CVIII.

Пусть годы память обо мнѣ сотрутъ,
Слезой умильной юноши и дѣвы
Не освѣтятъ мой незамѣтный трудъ,
Пусть не дано взошедшіе посѣвы
Очамъ моимъ увидѣть, и замрутъ
Безъ отклика негромкіе напѣвы:
Я сердцемъ чистъ, я дѣлалъ все, что могъ,—
Тебя, о, Муза, оправдаетъ Богъ.

CIX.

Мы не нашли въ сердцахъ людей отвѣта,
Но только бы онъ до конца горѣлъ,
Огонь, которымъ жизнь моя согрѣта,—
Не даромъ я любилъ, страдалъ и пѣлъ.
Благословенъ святой удѣлъ поэта,
Благословенъ изгнанниковъ удѣлъ,
Мой уголь бѣдный, тихая лампада
Моихъ ночей и тайныхъ слезъ отрада.

CX.

Когда я съ Музой начиналъ мой путь
И ждалъ побѣды, дерзостенъ и молодъ,
Какъ страшно было въ Леты потонуть,
Какъ мучилъ славы ненасытный голодъ!
Но въ тридцать лѣтъ равнѣ дышитъ грудь,
Сулитъ покой намъ Леты вѣчный холодъ:
Отрада есть въ ея ночной волнѣ,—
Въ молчаніи, въ забвеньи, въ тишинѣ...

CXI.

А можетъ быть и то: подъ слоемъ пыли
Межъ тѣхъ, чьи книги только мышь грызетъ,
Кого давно на чердакѣ забыли,
Историкъ важный и меня найдетъ
И пѣснь мою о стародавней были
Съ улыбкою внимательной прочтетъ,
И гордую въ изгнаніи суровомъ
Помянетъ Музу нашу добрымъ словомъ.

CXII.

Теперь съ тобой прощаясь, мы почтимъ,
Богиня, ту, что тихо спитъ во гробѣ,
Кто ангеломъ хранителемъ твоимъ
Была во мракѣ, холодѣ и злобѣ.
Возлюбленную тѣнь благословимъ:
Вы были мнѣ заступницами обѣ,
И вѣрую, что въ часъ послѣдній вновь
Меня спасетъ великая любовь.

CXIII.

Ты въ горестный и страшный часъ, родная,
Придешь ко мнѣ не съ горестнымъ лицомъ,

Не слабая, не жалкая, больная,
Такой, какъ ты была передъ концомъ,
Но съ дѣвственной улыбкой, молодая,
Съ торжественно сіяющимъ вѣнцомъ,
Меня въ преддверьи новой жизни встрѣтишь
И радостно на мой призывъ отвѣтишь.

CXIV.

Сотрешь съ чела въ предсмертной тишинѣ
Холодный потъ моей послѣдней муки.
Чтобъ слаще мнѣ спалось въ могильномъ снѣ,
Баюкая, на любящія руки
Возьмешь меня и тихо скажешь мнѣ:
«Не бойся же, — нѣтъ смерти, нѣтъ разлуки.
Тебѣ я пѣсню прежнюю спою, —
Усни, мой мальчикъ, баюшки-баю».

CXV.

Великаго обѣта не нарушу:
О, мама, скоро я къ тебѣ приду!
Какъ погибающій пловецъ — на сушу,
Стремлюсь къ тебѣ и радуюсь, и жду:
Душа обниметъ родственную душу,
Въ твоихъ чертахъ любимыхъ я найду, —
Какъ разрѣшишь ты всѣ земныя узы, —
Черты моей богини, вѣчной Музы.

Возвращеніе.

ГЛЯДИМЪ, глядимъ все въ ту же сторону,
За мшистый долъ, за топкій лѣсъ.
Во слѣдъ прокаркавшему ворону,
На край темнѣющихъ небесъ.
Давно-ли ты, громада косная,
Въ освобождающей войнѣ,
Какъ Божья туча громоносная,
Вставала въ бурѣ и въ огнѣ?
О, Русь! И вотъ опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Какимъ проклятьемъ проклята?
А все-жъ тоска неодолимая
Къ тебѣ влечетъ: прими, прости.
Не ты ль одна у насъ родимая?
Намъ больше некуда идти
Такъ, во грѣхъ тобой зачатые,
Должны съ тобою погибать
Мы, дѣти, матерью проклятыя
И проклинаящая мать.

**О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА И О НОВЫХЪ
ТЕЧЕНІЯХЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ.**

I.

Русская поэзія и русская культура.

ТУРГЕНЕВЪ и Толстой—враги. Это вражда стихійная, безсознательная и глубокая. Конечно, оба писателя могли стать выше случайныхъ обстоятельствъ, благодаря которымъ вражда выяснилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба чувствовали, что они враги не по своей волѣ, а по своей природѣ. Оба въ своемъ различіи столь близкіе и дружественные нашему сердцу, они стояли непримиримые другъ противъ друга, какъ великіе представители двухъ первоначальныхъ, вѣчно борющихся человѣческихъ типовъ. Изъ писемъ Толстого къ Фету видно, что ссора едва не кончилась дуэлью. Толстой, что можно заключить изъ тѣхъ же писемъ, часто отзывался о произведеніяхъ Тургенева съ глубокой неприязнью. Тургеневъ объ этомъ зналъ.

И вотъ передъ самой смертью онъ пишетъ слѣдующее письмо:

«Буживаль, 27 или 28 іюня 1883 г.

Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есть, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу.

Друзъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Видь этотъ даръ вамъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ подумать, что

просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ! Я же человѣкъ конченный... Ни ходить, ни ѣсть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ!—Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ!»

Таковы послѣднія слова Тургенева. На краю гроба онъ понималъ, что сердцу его старинный врагъ—ближе всѣхъ друзей, что даже на землѣ, быть можетъ, онъ его единственный другъ. Онъ завѣщаетъ своему врагу, своему брату «великому писателю русской земли» то, что для него было самага дорогого въ жизни, — будущность русской литературы.

Тѣмъ пророческимъ взглядомъ, который бываетъ у людей передъ смертью, онъ предвидитъ грядущее бѣдствіе, паденіе русской литературы. А для Тургенева это было однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, которыя могутъ постигнуть русскую землю.

Онъ былъ правъ: языкъ—воплощеніе народнаго духа: вотъ почему паденіе русскаго языка и литературы есть въ то же время паденіе русскаго духа. Это воистину самое тяжкое бѣдствіе, какое можетъ поразить великую страну. Я употребляю слово *бѣдствіе* вовсе не для метафоры, а вполне искренне и точно. Въ самомъ дѣлѣ, отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, для всѣхъ насъ паденіе русскаго сознанія, русской литературы, можетъ быть, и менѣе замѣтное, но нисколько не менѣе дѣйствительное и страшное бѣдствіе, чѣмъ война, болѣзни и голодъ.

Я хорошо знаю, что тема эта составляетъ еще съ незапамятныхъ временъ излюбленное общее мѣсто рецензентовъ, не притупляющееся оружіе всѣхъ литературныхъ лагерей, всѣхъ обиженныхъ самолюбій. Во времена Пушкина критики такъ же краснорѣчиво оплакивали безнадѣжное паденіе русской литературы, какъ во времена Тургенева, Достоевскаго и Толстого. Старики любятъ употреблять это оружіе противъ молодыхъ. Отживающіе искренне убѣждены, что во времена ихъ молодости и небо было яснѣе, и земля плодороднѣе, и дѣвушки красивѣе,

и писатели талантливѣе. Но характерная черта такихъ недобросовѣстныхъ и неосновательныхъ жалобъ на паденіе литературы—личная нота, торжествующая насмѣшка и *зло-радство*.

Мнѣ могутъ сдѣлать и другое возраженіе: «только что кончилась великая эпоха Достоевскаго, Гончарова, Толстого, Тургенева, даже не кончилась, потому что послѣднія произведенія Толстого относятся къ послѣднимъ днямъ современной литературы. Собственно и о причинахъ паденія нечего говорить, ибо онѣ сами по себѣ слишкомъ ясны. Наступаетъ вѣкъ литературныхъ эпигоновъ. А талантовъ нѣтъ, потому что ни одна историческая эпоха, какъ бы она ни была плодотворна, ни одинъ народъ не можетъ производить гениевъ непрерывно. Но явись въ наши дни новая сила, равная прежнимъ, и не было бы рѣчи ни о какомъ литературномъ упадкѣ».

Прежде всего, я долженъ разграничить литературу отъ поэзіи. Я заранѣе готовъ согласиться, что въ сущности это вопросъ иногда сливающихся оттѣнковъ и почти неуловимыхъ степеней, но для моей задачи они имѣютъ большое значеніе. Поэзія — сила первобытная и вѣчная, *стихійная*, произвольный и непосредственный даръ Божій. Люди надъ нею почти не властны, какъ надъ безцѣльными и прекрасными явленіями природы, надъ восходомъ и закатомъ свѣтила, надъ затишьемъ и бурями океана. Поэтическія откровенія доступны и ребенку, и дикарю, и Гете, и лодочнику, напѣвающему октавы Тассо, и Гомеру. Поэтъ можетъ быть великимъ въ полномъ одиночествѣ. Сила вдохновенія не должна зависѣть отъ того, — внимаетъ-ли пѣвцу человечество или двое, трое, или даже никто.

Литература зиждется на стихійныхъ силахъ, поэзія такъ же, какъ міровая культура—на первобытныхъ силахъ природы. Пѣсни божественнаго слѣпца старика, который бродилъ по побережьямъ Іоніи, среди воинственныхъ племенъ Эллады, конечно, не могли быть литературной силой. Но вотъ черезъ нѣсколько столѣтій въ Аѳинахъ, въ эпоху Перикла, въ средѣ великихъ греческихъ писателей и философовъ Гомеръ пріобрѣтаетъ совершенно новое, не только поэтическое, но и литературное значеніе. Гомеръ становится родоначальникомъ цѣлой школы ху-

дожниковъ и писателей. Едва-ли не каждая строчка греческой литературы отмѣчена неизгладимой печатью его гения. Выдо сихъ поръ чувствуете духъ Гомера въ какой-нибудь полустертой надписи на могильномъ мраморѣ, какъ и въ діалогахъ Платона, и въ шуткахъ Аристофана, и въ походномъ дневникѣ Ксенофонта, и въ нѣжныхъ, какъ мраморъ Парѳенона, подобныхъ самымъ чистымъ христіанскимъ гимнамъ, лирическихъ хорахъ Софокла. Духъ Гомера — ненарушимая литературная связь между всѣми отдѣльными поэтическими явленіями Греціи, какъ бы они ни были различны по своимъ индивидуальнымъ чертамъ. Много вѣковъ спустя, уже въ окаменѣлой Византіи, въ мрачный полумонашескій вѣкъ Θεодосія Великаго, среди глубокаго литературнаго упадка все еще вѣетъ живучее, ничѣмъ неистребимое благоуханіе древнихъ іоническихъ рапсодій въ любовной идилліи Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя». Великая литература до послѣдняго вздоха осталась вѣрной своему родоначальнику. Въ поэтической прозѣ Лонгуса слышатся иногда какъ будто послѣдніе отзвуки древняго гекзаметра Одиссея, какъ отдаленный гулъ іоническихъ волнъ.

Въ сущности литература та-же поэзія, но только рассматриваемая не съ точки зрѣнія индивидуальнаго творчества отдѣльныхъ художниковъ, а какъ сила движущая цѣлыя поколѣнія, цѣлые народы по извѣстному культурному пути, какъ преемственность поэтическихъ явленій, передаваемыхъ изъ вѣка въ вѣкъ и объединенныхъ великимъ историческимъ началомъ.

Всякое литературное теченіе такъ же порождается поэзіей, какъ извѣстная школа живописи, извѣстный стиль архитектурой.

Подобные таланты, какъ, напр., Гирландайо или Вероккіо — художники, подготовившіе расцвѣтъ Флорентійской живописи, могли возникнуть и въ другой странѣ и въ другую эпоху. Но нигдѣ въ мірѣ они не имѣли бы того поразительнаго значенія, какъ именно на этомъ маленькомъ клочкѣ земли, у подошвы Санъ-Миньято на берегахъ мутно-зеленаго Арно. Здѣсь, и только здѣсь у Гирландайо могъ явиться такой ученикъ, какъ Буонаротти, у Вероккіо — Леонардо-да-Винчи. Нужна была именно эта

атмосфера флорентинскихъ мастерскихъ, воздухъ, насыщенный запахомъ красокъ и мраморной пыли, для того, чтобы распустились рѣдкіе, дотоле невиданные цвѣты человѣческаго гения. Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, свободный, мрачный и пламенный духъ неукротимаго народа долго томился въ своей нѣмотѣ, бродилъ, искалъ воплощенія и не могъ найти. Онъ едва-едва брезжитъ, какъ мысль сквозь тяжелый полусонъ, какъ блѣдная полоска въ утреннихъ тучахъ, — въ задумчивыхъ, большихъ глазахъ еще иконописныхъ, полувизантійскихъ мадоннъ Чимабуэ, онъ проявляется въ мощномъ реализмѣ Джіотто, сіяетъ уже яркимъ свѣтомъ у Гирландайо, у Вероккіо, на время отклоняется въ религиозной живописи Фра Анжелико, чтобы вдругъ, наконецъ, какъ молнія изъ тучи, — вырваться съ ослѣпительнымъ блескомъ и все озарить въ титаническомъ Микель-Анжело и загадочномъ Леонардо-да-Винчи. Какое торжество для народа! Отнынѣ флорентинскій духъ нашелъ себѣ полное выраженіе, неистребимую форму. Вокругъ него могутъ происходить всевозможные перевороты, все можетъ рушиться: Флоренція Возрожденія сама себя нашла, она есть, она — безсмертна, какъ Аѳины Перикла, какъ Римъ Августа. Я узнаю мощный рѣзецъ Донателло въ отчеканенныхъ съ ихъ металлическимъ звукомъ терцинахъ Аллигieri. На всемъ печать мрачнаго, свободного и неукротимаго духа флорентинскаго. Онъ чувствуется въ самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ архитектуры, вотъ въ этихъ несравненно прекрасныхъ чугунныхъ грифонахъ, которые вбиты въ камень на уличныхъ перекресткахъ по угламъ палаццо, чтобы поддерживать факелы ночью. Такъ въ двустипіи греческой эпиграммы я узнаю духъ Гомера, въ ничтожномъ обломкѣ мрамора, на половину скрытомъ мохомъ и землею — стиль іонической колонны.

На всѣхъ созданіяхъ истинно-великихъ культуръ, какъ на монетахъ, отчеканенъ ликъ одного властелина. Этотъ властелинъ — гений народа.

Въ наши дни нѣчто подобное, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, повторяется въ преемственности литературныхъ школъ Франціи. Въ эпоху романтизма, въ атмосферѣ всеобщаго экстаза, въ ожесточенныхъ спорахъ, въ оригинальныхъ кружкахъ Латинскаго квартала — былъ какой-

то трепетъ жизни, какое-то творческое дуновение, несомненно плодотворное для всей послѣдующей культурной жизни Франціи. Впослѣдствіи реакція противъ романтической лжи довела литературу до нелѣпыхъ крайностей грубаго, жестокаго и теперь въ свою очередь мертвѣющаго натурализма. И вотъ мы уже присутствуемъ при первыхъ неясныхъ усилахъ народнаго генія найти новые творческіе пути, новыя сочетанія жизненной правды съ величайшимъ идеализмомъ. Теперь на берегахъ Сены тотъ же воздухъ, какой былъ за пятьсотъ лѣтъ на берегахъ Арно. Стихійныя разрозненныя явленія поэзіи вотъ уже три вѣка превратились здѣсь въ стройную, могучую систему, какъ нѣкогда въ Греціи, какъ живопись во Флоренціи, благодаря преемственности цѣлыхъ литературныхъ поколѣній, объединенныхъ всемірно-историческимъ началомъ.

Мы видимъ повсюду и во всѣхъ вѣкахъ—въ современномъ Парижѣ, какъ во Флоренціи XV вѣка и въ Афинахъ Перикла, и въ Веймарскомъ кружкѣ Гете, и въ Англіи въ эпоху Елизаветы, мы видимъ, что нужна извѣстная атмосфера для того, чтобы глубочайшія стороны генія могли вполне проявиться. Между писателями съ различными, иногда противоположными темпераментами устанавливаются, какъ между противоположными полюсами, особыя умственные теченія, особый воздухъ, насыщенный творческими вѣяніями, и только въ этой грозовой, благодатной атмосферѣ генія вспыхиваетъ та внезапная искра, та всеозаряющая молнія народнаго сознанія, которой люди ждутъ и не могутъ иногда дожидаться въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Литература—своего рода церковь. Геній народа говоритъ вѣрующимъ въ него: «гдѣ двое или трое собрались во имя мое, тамъ я среди нихъ». Человѣкъ только среди подобныхъ себѣ становится воистину человѣкомъ. Помните наивный символическій рассказъ изъ «Дѣяній Апостоловъ»:

«... Всѣ они были *единодушно* *вмѣстѣ*. И внезапно сдѣлался шумъ съ неба, какъ бы отъ несущагося сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились.

И явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почли по одному на каждомъ изъ нихъ» (гл. II, 1—3).

Несомненно, что въ Россіи были истинно-великія поэтическія явленія. Но вотъ вопросъ: была-ли въ Россіи истинно-великая литература, достойная стать на ряду съ другими всемірными литературами?

Иногда у самого Пушкина вырываются жалобы на одиночество. Въ письмахъ онъ признается, что русскій поэтъ ровно ничего не знаетъ о судьбѣ своихъ произведеній: онъ работаетъ въ пустынѣ. Великій писатель доходитъ до такого отчаянія, что готовъ проклясть землю, въ которой родился: «*чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ!*» (1836 г. 18 мая, изъ Москвы въ Петербургъ—женѣ). Онъ былъ такъ же одинокъ въ цыганскомъ таборѣ, въ глубинѣ бессарабскихъ степей, какъ и въ ледяныхъ кружкахъ великосвѣтскаго Петербурга, какъ и въ литературной атмосферѣ Греча и Булгарина. Такое же одиночество—судьба Гоголя. Всю жизнь сатирикъ боролся за право смѣяться. Изнуряющее, губительное чувство *напрасной любви* къ родинѣ было у Гоголя еще сильнѣе, чѣмъ у Пушкина. Оно нарушило равновѣсіе, довело до безумія. Лермонтовъ—уже вполне стихійное явленіе. Этотъ сильный человѣкъ, въ которомъ было столько напоминающаго истинныхъ героевъ, избранниковъ судьбы, стыдился названія русскаго литератора, какъ чего-то унижительнаго и карикатурнаго. Онъ вспыхнулъ и погасъ неожиданнѣйшимъ, таинственнымъ метеоромъ, прилетѣвшимъ изъ неведомой первобытной глубины народнаго духа и почти мгновенно въ ней потонувшимъ.

Во второмъ поколѣніи русскихъ писателей чувство безпомощнаго одиночества не только не уменьшается, а скорѣе возрастаетъ. Творецъ Обломова всю жизнь оставался какимъ-то литературнымъ отшельникомъ, нелюдимымъ и недоступнымъ. Достоевскій, произносящій пламенную рѣчь о всечеловѣческой примиряющей терпимости русскаго народа на пушкинскихъ празднествахъ, пишетъ на одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ и самыхъ законныхъ наслѣдниковъ Пушкина, вдохновляемый ненавистью къ западникамъ, карикатуру Кармазинова въ «*Бѣсахъ*». Некрасовъ, Щедринъ и весь собранный ими кружокъ питаетъ непримиримую и—замѣтьте—опять-таки

не личную, а безкорыстную гражданскую ненависть къ «жестокому таланту», къ Достоевскому. Тургеневъ по собственному признанію чувствуетъ инстинктивное, даже фізіологическое отвращеніе къ поэзіи Некрасова. О печальной и столь характерной для русской литературы враждѣ Толстого и Тургенева я говорилъ уже въ началѣ статьи.

Можетъ быть, разъ въ сорокъ лѣтъ сходятся два, три русскихъ писателя, но не предъ лицомъ всего народа, а гдѣ-то въ уголку, въ тайнѣ, во мракѣ, на одно мгновеніе, чтобы потомъ разойтись навѣки. Такъ сошлись Пушкинъ и Гоголь. Мимолетная случайная встрѣча въ пустынѣ! Потомъ былъ кружокъ Бѣлинскаго. Тамъ впервые начали понимать Пушкина, тамъ привѣтствовали Тургенева, Гончарова и Достоевскаго. Но одно враждебное дуновение,—и все распадается, и остается только полузабытая легенда. Нѣтъ, никогда еще, въ продолженіе цѣлаго столѣтія русскіе писатели не *«пробывали единодушно-вмѣстѣ»*. Священный огонь народнаго сознанія, тотъ раздѣляющійся пламенный языкъ, о которомъ сказано въ «Дѣянїяхъ», ищетъ избранниковъ, даже на одно мгновеніе вспыхиваетъ, но тотчасъ же потухаетъ. Русская жизнь не бережетъ его. Всѣ эти эфемерные кружки были слишкомъ непрочны, чтобы въ нихъ произошло то великое историческое чудо, которое можно назвать сошествіемъ народнаго духа на литературу. Повидному, русскій писатель примирился со своей участью: до сихъ поръ онъ живетъ и умираетъ въ полномъ одиночествѣ.

Я понимаю связь между Некрасовымъ и Щедринымъ. Но какая связь между Майковымъ и Некрасовымъ? Критика объ этомъ безмолвствуетъ, или же увѣряетъ съ нетерпимостью, что связи никакой нѣтъ и быть не можетъ, что Некрасовъ и Майковъ взаимно другъ друга отрицаютъ. Бокъ о бокъ, въ одномъ городѣ, среди тѣхъ же внѣшнихъ условій, съ почти одинаковымъ кругомъ читателей—каждая литературная группа живетъ особою жизнью, какъ будто на отдѣльномъ островѣ. Есть островъ гражданскій—Некрасова и «Отечественныхъ Записокъ». Отъ него отдѣленъ непроходимыми безднами, яростными литературными пучинами поэтическій островъ независимыхъ

эстетиковъ—Майкова, Фета, Полонскаго. Между островами—изъ рода въ родъ—вражда убійственная, доходящая до кровомщенія. Горе несчастному поэту-мечтателю, если онъ попадетъ на побережье гражданскаго острова! У нашихъ критиковъ царствуютъ нравы настоящихъ людоедовъ. Русскіе рецензенты шестидесятыхъ годовъ, какъ дикари-островитяне, о которыхъ рассказываютъ путешественники, пожирали ни въ чемъ въ сущности неповиннаго Фета или Полонскаго на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ». Но не такой же ли кровавой мстью отплатили въ послѣдствіи гражданскимъ поэтамъ и безпечные обитатели поэтическаго острова? Между Некрасовымъ и Майковымъ такъ же, какъ между западникомъ Тургеневымъ и народнымъ мистикомъ Достоевскимъ, между Тургеневымъ и Толстымъ, не было той живой, терпимой и всепримиряющей среды, того культурнаго воздуха, гдѣ противоположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливаютъ другъ друга и возбуждаютъ къ дѣятельности.

Такъ называемые русскіе кружки—еще хуже русскаго одиночества: второе горше перваго. Тургеневъ недаромъ ненавидѣлъ ихъ. Для примѣра стоитъ указать на славянофильство. Это настоящій московскій приходъ, не живое, свободное взаимодействіе искреннихъ и талантливыхъ людей, а какой-то литературный *уголъ*, гдѣ, какъ во всѣхъ подобныхъ углахъ, тѣсно, душно и темно.

Соединеніе оригинальныхъ и глубокихъ талантовъ въ Россіи за послѣдніе полвѣка дѣлаетъ еще болѣе поразительнымъ отсутствіе русской литературы, достойной великой русской поэзіи. До сихъ поръ, съ чисто національной славянской ироніей, русскіе писатели имѣютъ право сказать другъ другу: поэзія наша велика и могуча, но ни литературной преемственности, ни свободнаго взаимодействия въ ней нѣтъ. Вотъ почему завтра же у насъ можетъ явиться новый романистъ, равный Тургеневу, новый поэтъ, равный Лермонтову, и написать геніальное произведеніе,—все-таки великой, имѣющей всемірное значеніе, русской литературы онъ не создастъ. И тотчасъ же, послѣ его смерти, наступитъ такой же упадокъ, такое же варварское и непонятное одичаніе, какое мы теперь

переживаемъ. Дальше идти некуда. Напрасно близорукіе рецензенты такъ горько плачутъ объ отсутствіи талантовъ. Во всякомъ случаѣ это явленіе—стихійное и временное. Повидимому, стоило бы только подождать и съ первымъ талантомъ литература возродилась бы. Но горе въ томъ, что кризисъ, переживаемый нами, неизмѣримо глубже и болѣзненнѣе. Онъ сводится къ вопросу: быть или не быть въ Россіи великой литературѣ, т.-е. воплощенію великаго народнаго сознанія.

Будущій историкъ русской культуры, минуя многое, что теперь волнуетъ и плѣняетъ умы, остановится съ немалымъ удивленіемъ передъ многозначительнымъ образомъ одного изъ царей поэзии, увѣнчанныхъ всемірною славой, Л. Толстого, въ крестьянской одеждѣ идущаго за сохой, какъ онъ изображенъ на извѣстной картинѣ Рѣпина. Что бы тамъ ни говорили о тщеславіи, какъ бы ни смѣялись и ни спорили, фигура эта возвышается въ XIX вѣкѣ и невольно приковываетъ вниманіе. Мнѣ кажется, что въ мятежномъ возстаніи русскаго поэта противъ того, передъ чѣмъ лучшіе люди Европы,—олимпіецъ Гете такъ же, какъ демоническій Байронъ,—преклонялись съ трепетомъ и благоговѣніемъ, много искренняго, къ сожалѣнію, можетъ быть, *слишкомъ много* искренняго. Толстой обнаружилъ въ рѣзкой наготѣ то, что и прежде сквозило въ жизни и произведеніяхъ нашихъ писателей. Это ихъ сила, оригинальность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабость.

Въ Пушкинѣ, почерпнувшемъ, быть можетъ, самое смѣлое изъ своихъ вдохновеній въ дикомъ цыганскомъ таборѣ, въ Гоголѣ съ его мистическимъ бредомъ, въ презрѣннѣи Лермонтова къ людямъ, къ современной цивилизаціи, въ его всепоглощающей буддійской любви къ природѣ, въ болѣзненно-гордой мечтѣ Достоевскаго о роли *Мессіи*, назначенной Богомъ русскому смиренному народу, грядущему исправить все, что сдѣлала Европа, во всѣхъ этихъ писателяхъ то же стихійное начало, какъ у Толстого: *блгство отъ культуры*.

Теперь сравните съ Толстымъ, идущимъ въ лаптяхъ за сохой, образъ представителя всемірно-исторической культуры—Гете. Въ Веймарскомъ домѣ, похожемъ на

дворецъ или музей, среди сокровищъ искусства и науки—божественный старецъ, тотъ, предъ кѣмъ создатель Манфреда склонялся, какъ ученикъ, какъ «ленный вассаль!» Развѣ Гете не былъ удрученъ тою-же самою міровою скорбью, которая въ тридцать лѣтъ сожгла титана Байрона, довела его до отчаянія и самоубійства развратомъ? И все же Гете среди такой скорби умѣлъ жить и радоваться жизни! Какимъ юношескимъ восторгомъ вспыхивалъ въ 80 лѣтъ орлиный взглядъ его, когда онъ слышалъ о новомъ открытіи, подтверждавшемъ теорію цвѣтовъ или біологическую эволюцію. Не было такого культурнаго явленія во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ, съ которымъ не пришелъ бы въ соприкосновеніе его всеобъемлющій умъ, на которое не отвѣтило бы его многозвучное сердце.

И замѣьте, что *стихійной* творческой силы у Гете во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у стихійныхъ поэтовъ Россіи. Этотъ Олимпіецъ самъ часто говорилъ о томъ темномъ, ночномъ, недоступномъ разуму, «*демоническомъ*», какъ онъ любилъ выражаться (отъ слова *δαιμον*—божество), съ чѣмъ онъ боролся и что управляло всей его жизнью. Представителя культуры, разума Гете, пишущаго тихіе лукреціевы гекзаметры о подборѣ животныхъ и растений, вы не узнаете, читая проклятія Фауста. Ничего подобного по *стихійной* силѣ нѣтъ у самого разрушителя Байрона. Наука приблизила Гете къ природѣ, еще болѣе обнажила передъ нимъ ея божественную тайну.

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Онъ не боялся, что наука и культура отдалятъ его отъ природы, отъ земли, отъ родины, онъ зналъ, что высшая степень культуры, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшая степень народности.

Гете—лучшій типъ истинно-великаго, не только поэта, но и *литератора*. Толстой, великій поэтъ, никогда не былъ литераторомъ. Въ своихъ автобіографическихъ признаніяхъ Толстой неоднократно высказываетъ, повидимому, искреннее и тѣмъ болѣе плачевное презрѣніе къ

собственнымъ созданіямъ. Это презрѣніе невольно пробуждаетъ горькое раздуміе о судьбѣ русской литературы. Если ужъ одинъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ такъ мало признаетъ культурное значеніе поэзіи, чего же ждать отъ другихъ? Нѣтъ, Гете не презиралъ того, что создалъ. Такое отношеніе, какъ у Толстого, къ собственнымъ твореніямъ—показалось бы ему святотатствомъ. Вотъ бездна, отдѣляющая поэзію отъ литературы. Въ сущности это та же самая бездна, которая отдѣляетъ стихійное отъ человѣческаго. Сколько бы еще у насъ ни было гениальныхъ писателей, но, пока у Россіи не будетъ своей литературы, у нея не будетъ и своего Гете, представителя народнаго духа. Стихійный богатырь, герой древне-русскихъ былинъ не подыметъ маленькой «переметной сумочки», въ которой заключена тяжесть міра, бремя земли.

Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣно Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу—не слезы, а кровь течеть...

Тяжесть міра не можетъ поднять *одинъ* народъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ. Древній богатырь все глубже и глубже будетъ уходить въ землю, удрученный стихійной силой, если, наконецъ, не признаетъ, что есть и другая высшая сила—кромѣ той, въ которую онъ до сихъ поръ вѣрилъ.

II.

Настроеніе публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонораровъ. Издатели. Редакторы.

Когда думаешь о настроеніи тѣхъ, кто теперь читаетъ и пишетъ въ Россіи, передъ глазами невольно встаетъ знакомый, великорусскій пейзажъ. Мѣстность гдѣ-нибудь въ среднихъ губерніяхъ, около полотна желѣзной дороги. Скучная природа, истощенная не менѣе скудной цивилизаціей. Болота съ торфяными кочками и пнями, остат-

ками вырубленнаго лѣса, обмелѣвшая, унылая рѣчонка. На косогорѣ—нѣсколько сѣрыхъ домиковъ; самый большой съ надписью—«Трактиръ». На рельсахъ—пьяные мастеровые въ городскихъ поддевкахъ, съ гармониками и нелѣпыми пѣснями. Вдали фабричная труба. И надо всѣмъ—холодный, рѣзкій, какъ будто мертвый, день, скучное сѣверное небо:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ-ли съ проклятою хандрой.
Взгляни, какой здѣсь видъ...

Откройте наудачу современный «толстый» журналъ или газету, вы встрѣтите то же настроеніе, тотъ же мертвый колоритъ, ту же скуку, ту же печать уродливой, полуварварской цивилизаціи и ту же унылую, безнадежную плоскость.

Помню, я испыталъ съ обидной горечью и ясностью эту въ сущности давнишнюю, родную, уже Пушкинымъ описанную скуку, возвращаясь изъ-за границы, изъ Парижа. Безъ всякихъ политическихъ и философскихъ соображеній, просто въ бульварахъ, въ толпѣ, въ театрахъ, въ рекламахъ, выставкахъ, кафѣ, въ этомъ непрерывномъ ропотѣ человѣческаго океана—чувствуется, что тамъ *есть* жизнь.

Нигдѣ, даже въ Россіи, не царствуетъ такая скука, какъ въ литературныхъ кружкахъ. Опять-таки, безъ всякихъ высшихъ философскихъ и политическихъ соображеній, просто кажется, что здѣсь *нѣтъ* жизни. Когда сразу изъ европейскаго воздуха, изъ атмосферы напряженной дѣятельности и мысли перенесешься въ одинъ изъ этихъ притоновъ скуки, въ одну изъ несчастныхъ петербургскихъ редакцій, съ какимъ горькимъ недоумѣніемъ слушаешь унылые разговоры унылыхъ сотрудниковъ. Если редакція легкомысленная, кажется, что попалъ въ подозрительную справочную контору; если редакція серьезная, чувствуешь себя въ канцеляріи среди чиновниковъ.

Я помню литературный кружокъ одного молодого журнала, подававшего большія надежды. Тамъ собирались

писательницы дамы, и только что прогремѣвшіе беллетристы, и люди почтеннаго стараго времени, талантливые и умные. Тѣмъ не менѣе скука царствовала непреодолимая. Всѣ только притворялись, что дѣлаютъ серьезное, кому-то нужное дѣло, а въ душѣ томились. Однажды принесли въ редакцію простую дѣтскую игрушку, бумажную муху. Надо было заводить пружинку и муха, треща крыльями, летала по комнатѣ. Какъ всѣ были довольны, какъ хохотали и забавлялись!.. Угрюмыя лица просвѣтлѣли, и дамы хлопали въ ладоши. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ шесть, но я помню очень ясно эту маленькую бытовую сценку, не лишенную мѣстнаго колорита.

Въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ Тургеневъ говорить:

«Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома! — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу».

Три главныхъ разлагающихъ силы вызываютъ упадокъ языка. Первая изъ нихъ критика. Еще Писаревъ ввелъ особый ироническій, почти разговорный пріемъ. Надо отдать ему справедливость: этотъ, сжатый, нѣсколько надменный, какъ рѣчи Базарова, но увлекательно сильный языкъ былъ отлично приспособленное разрушительное орудіе въ его рукахъ. Писаревъ ослѣпилъ все поколѣніе русскихъ рецензентовъ 60-хъ годовъ. Въ критическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» считалось принятымъ писать другимъ языкомъ. Но какъ и всегда, подражатели взяли только виѣшнія стороны оригинала. Силу они превратили въ грубость, иронию — въ оскорбительную фамиллярность съ читателемъ, простоту — въ презрѣніе къ самымъ необходимымъ приличіямъ. Ничто такъ не развращаетъ первоначально искреннаго и всегда серьезнаго языка народа, какъ эта литературная бойкость дурного тона.

Другая сила, разрушительно вліяющая на литературную рѣчь, та особенная сатирическая манера, которую

Салтыковъ называлъ «рабымъ эзоповскимъ языкомъ». У него стиль этотъ хорошъ, полонъ смертельнаго яда, тайнаго мщенія и своеобразной, если можно такъ выразиться, злобной красоты. Салтыковъ владѣлъ духомъ народной рѣчи. Но во что превратили эзоповскій языкъ всѣ безчисленные, либеральные и консервативные (ибо и такіе были) подражатели Салтыкова, критики изъ мелкой прессы и «Будильника», фельетонисты, обличительные корреспонденты. Насильственное и тяжелое остроуміе, хитрые намеки, ужимки, сатирическія гримасы — все это вошло въ плоть и кровь газетнаго жаргона. Рабій языкъ можетъ быть оправданъ только высочайшимъ внутреннимъ благородствомъ и отвагою сатиры; иначе онъ безцѣленъ и противенъ. Ясность, простота рѣчи становятся все болѣе и болѣе рѣдкими достоинствами.

Попробуйте отложить наши современные журналы, читайте долгое время только иностранныя книги и русскихъ великихъ писателей прошлаго поколѣнія, потомъ сразу откройте свѣжій номеръ современной газеты, вы будете поражены, какъ захватитъ испорченная атмосфера, уродливые неологизмы, одичаніе и пошлость языка, особенно, въ мелкой прессѣ: какъ будто съ вольнаго воздуха вы войдете въ комнату, гдѣ сильный дурной запахъ. Такъ же, какъ во Франціи XVII в. придворная риторика и напыщенность, въ Германіи XVIII в. передъ появленіемъ Вертера мѣщанская сантиментальность и слащавость, теперь въ Россіи портятъ живую народную рѣчь эта мнимо-сатирическая манера, напряженное остроуміе и распушенность, пренебреженіе къ стилю, литературная развязность дурного тона.

Третья и едва ли не самая главная причина паденія языка — возрастающее невѣжество. Столь часто оплакиваемое вторженіе въ литературу демократической богемы было бы менѣе опаснымъ, если бы у насъ, какъ, напр., во Франціи, существовало крѣпкое зерно литературныхъ традицій. Но такого зерна нѣтъ. Будущій историкъ русской журналистики соберетъ много печальныхъ современныхъ анекдотовъ, рисующихъ это пониженіе уровня образованности. Въ одной большой петербургской газетѣ я прочелъ извѣстіе о томъ, что знаменитая драма Генриха

Ибсена «Нора» въ первый разъ была поставлена съ большимъ успѣхомъ—о ужасъ!—въ Веймарскомъ театрѣ, когда имъ управлялъ Гете! Въ другой газетѣ перевели имя французскаго поэта Леконта дэ-Лиль—графъ дэ-Лиль. Такихъ курьезовъ множество.

Полное незнаніе иногда лучше неполнаго знанія. Пушкинъ увѣрялъ, что можно поучиться хорошему русскому языку у московскихъ просвиренъ. Люди, вполне чуждые образованности, сохранившіе однако связь съ народомъ, владѣютъ чистымъ, даже красивымъ языкомъ. Но въ средѣ полуневѣжественной, полуобразованной, уже оторванной отъ народа и еще не достигшей культуры, именно въ той средѣ, изъ которой выходятъ всѣ литературные ремесленники, вся демократическая газетная богема, языкъ мертвѣетъ и разлагается.

Другая причина упадка литературы — система гонораровъ.

Т. Карлейль говоритъ, что въ современной Европѣ, среди небывалаго торжества денежнаго строя, единственными представителями вѣчнаго протеста противъ силы денегъ, идеальнаго нищенства, по его выраженію, могли бы сдѣлаться только писатели. Нищимъ былъ нѣкогда Данте въ Италіи, потомъ Самуэль Бенъ-Джонсонъ — въ Англіи, Жанъ-Жакъ Руссо — во Франціи, Эдгаръ Поэ — въ Америкѣ. Отчасти такой же типъ былъ и въ Россіи — В. Бѣлинскій. Никакія вознагражденія, никакіе литературные капиталы, миллионныя гонорары порнографическихъ писателей и опереточныхъ либреттистовъ до сихъ поръ не могутъ ни въ толпѣ, ни въ самихъ авторахъ уничтожить благоговѣніе къ безкорыстію литературнаго труда. Въ этомъ глубокий, трогательный смыслъ. Люди простые, совсѣмъ далекіе отъ литературы, еще не узнавшіе продажности вдохновенія, смотрятъ на художника, на журналиста, на поэта, можетъ быть, вовсе и недостойнаго такого уваженія, какъ на избранника, какъ на человѣка, пришедшаго изъ царства идеала. Точно такъ, несмотря на всѣ вопіющія злоупотребленія церкви, простые люди Среднихъ Вѣковъ смотрѣли на священниковъ и монаховъ. Когда вѣра въ безкорыстіе представителей церкви окончательно исчезла, средневѣковое общество рушилось, ибо

только на вѣрѣ въ какой-нибудь безкорыстный принципъ зиждется всякое общество. Когда современная публика вполне проникнетъ въ грубую *симонию* литературнаго рынка и окончательно потеряетъ наивную вѣру въ безкорыстіе своихъ духовныхъ вождей, своихъ писателей, литература потеряетъ нравственный смыслъ, какъ нѣкогда средневѣковая церковь.

Въ сущности каждый писатель отдаетъ свое произведение публикѣ—*даромъ*. Созиданіе на землѣ даже малѣйшей доли красоты — такой нравственный подвигъ, такое благодѣяніе людямъ, что оно несоизмѣримо ни съ какими денежными наградами. И толпа это знаетъ. На землѣ художники, ученые и поэты до сихъ поръ въ слишкомъ практичный вѣкъ — послѣдніе непрактичные люди, послѣдніе мечтатели, несмотря на всѣ гонорары. Среди торжества буржуазно-промышленныхъ и капиталистическихъ идеаловъ живъ суровый идеалъ царственнаго нищаго, какимъ былъ Аллигери, бродившій безъ приюта изъ города въ городъ и признававшійся, что не сладокъ ему хлѣбъ изгнанія, хлѣбъ чужихъ людей. Эдгаръ Поэ умираетъ, какъ послѣдній пьяница, какъ нищій, едва не на большой дорогѣ въ самой богатой странѣ міра, въ странѣ чудовищныхъ гонораровъ и гигантской журналистики.

Когда гонораръ окончательно утрачиваетъ всякій идеальный смыслъ, когда онъ перестаетъ быть символомъ духовнаго нищенства писателей, знакомъ неизмѣримой благодарности толпы, когда онъ превращается въ повседневную официальную *плату* за трудъ, въ матеріальное вознагражденіе наемнику толпы, онъ становится величайшей разрушительной силой, одной изъ главнѣйшихъ причинъ упадка. Система гонораровъ, какъ промышленныхъ сдѣлокъ на литературномъ рынкѣ, — орудіе, посредствомъ котораго публика порабощаетъ своихъ поденщиковъ, своихъ писателей: они же мстятъ ей тѣмъ, что, презирая и угождая, развращаютъ ее.

Есть два средства овладѣть вниманіемъ толпы: во-первыхъ, написать истинно-гениальное произведеніе. Но на это способны одинъ или двое въ цѣломъ поколѣніи, да и тѣ работаютъ почти всегда безкорыстно. Другое, столь же

вѣрное и болѣе легкое: угождать низшимъ потребностямъ толпы. И чѣмъ ниже потребности, удовлетворяемыя книгой, тѣмъ обширнѣе кругъ читателей, тѣмъ быстрѣе почти волшебное обогащеніе людей, продавшихъ толпѣ даже самый крошечный талантъ. Такимъ образомъ гонораръ становится настоящей платой за самый униженный изъ родовъ проституціи, платой, посредствомъ которой публика и авторъ взаимно другъ друга развращаютъ. Газеты и журналы становятся огромными базарами съ торговопромышленными сдѣлками, литературными фабриками и заводами съ бездушною поденною платой. Мы можемъ возразить, что всегда и вездѣ такъ было, что еще въ болѣе рѣзкихъ и унижительныхъ формахъ мы видимъ зависимость литературы отъ капитала въ Западной Европѣ.

Во-первыхъ, въ Россіи ничего подобнаго не было даже лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Пушкинъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Рылѣеву: «у насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными, — вотъ чего Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ».

Пушкинъ правъ. Онъ представляетъ вполнѣ вѣрно словное разграниченіе, которое въ продолженіе долгаго времени защищало русскую литературу отъ вторженія слишкомъ грубыхъ, рыночныхъ нравовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, прошло около семидесяти лѣтъ. Шестисотлѣтнихъ дворянъ въ русской литературѣ становится все меньше и меньше. Аристократическій оплотъ окончательно рушился. И въ самомъ дѣлѣ, никогда еще русская литература, открытая всѣмъ вѣтрамъ, преданная всѣмъ вторженіямъ, затоптанная даже не демократической, а просто *уличной* толпою, не была такъ беззащитна передъ грубымъ насиліемъ новаго, съ каждымъ днемъ возрастающаго *денежнаго сарварства*, передъ властью капитала.

Въ Западной Европѣ есть вѣковая умственная ари-

стократія, и этотъ могущественный культурный оплотъ болѣе незыблемъ и проченъ, нежели аристократія родовая, дворянство, на которыя Пушкинъ возлагалъ, кажется, слишкомъ большія надежды. Но такого умственного аристократическаго оплота, такихъ великихъ, культурно-историческихъ преданій, охраняющихъ Святое-святыхъ литературы отъ вторженія рыночнаго капитала, къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи не было, нѣтъ и, Богъ знаетъ, сколько времени еще не будетъ. Вотъ почему литературное хищничество и продажность болѣе развиты въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Какія лица! Какіе нравы! И ужасно, что эти лица самыя молодыя, бодрія, полныя надеждъ... Страшно становится, когда видишь, что литература, поэзія — самое воздушное и нѣжное изъ всѣхъ созданий человѣческаго духа — все болѣе и болѣе предается во власть этому всепожирающему Молоху, современному капитализму!..

Критики нашихъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ привыкли относиться къ мелкой прессѣ съ высокимъ презрѣніемъ, даже прямо игнорировать ея существованіе. Мы иногда передъ новымъ годомъ съ недоумѣніемъ видимъ на послѣдней страницѣ газеты поларшинныя буквы чудовищной рекламы о новомъ микроскопическомъ журналѣ, который сразу предлагаетъ какую-нибудь поразительную приманку, напр., неизданное произведеніе Гоголя, а рядомъ съ Гоголемъ — новѣйшій стѣнной календарь. Изъ объявленія явствуетъ, что редакторъ возлагаетъ столько же надеждъ на стѣнной календарь, какъ и на Гоголя.

Проходитъ нѣкоторое время. Всѣ забываютъ даже о существованіи новаго журнала. Въ литературныхъ кружкахъ не знаютъ его имени; и вдругъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, оказывается, что онъ обладаетъ двумя, тремястами тысячъ подписчиковъ. Никто не могъ бы объяснить, откуда и на какую приманку они явились. Во всякомъ случаѣ 200, 300 тысячъ русскихъ читающихъ людей, хотя бы изъ самой демократической, даже не интеллигентной среды, — достойны нѣкотораго вниманія и серьезной журнальной критики. Мелкая пресса и журналы съ иллюстраціями, при быстро возрастающей потребности въ чте-

нии, могли бы сдѣлаться огромной и благодатной культурной силой. Высокомѣрное пренебреженіе критиковъ и читателей толстыхъ журналовъ не мѣшаетъ, а, напротивъ, помогаетъ ловкимъ литературнымъ промышленникамъ десятками лѣтъ ежедневно отравлять 200, 300 тысячъ чело-
вѣкъ, хотя бы и «малыхъ сихъ», художественнымъ безвкусіемъ и невѣжествомъ, дешевыми олеографіями и пошлыми бульварными романами. У этихъ маленькихъ, уличныхъ изданій ужасающая плодовитость низшихъ организмовъ. Каждое изъ нихъ отдѣльно—ничто, но всѣ вмѣстѣ—они страшная сила. Уже и теперь иногда слишкомъ трудно провести пограничную черту, ясно опредѣлить, гдѣ кончается мелкая пресса и начинаются «серьезныя» газеты и «толстые» журналы. Въ «мелкой прессѣ», въ этой необъятной литературѣ, какъ въ каплѣ разлагающейся воды подъ сильнымъ микроскопомъ, вы можете найти зародыши всѣхъ болѣзней, всѣхъ пороковъ, всѣхъ нравственныхъ гнѣний.

И какое все это живое, какое быстрое, радостное и до ужаса маленькое: они мгновенно другъ друга проглатываютъ, мгновенно возрождаются. За тысячами—новыя тысячи! Безсознательно, глухо и слѣпо творять они дѣло литературнаго разложенія—безчисленные и неуловимые!

До сихъ поръ въ Россіи книга не имѣла почти никакой самостоятельной жизни, находясь въ полной зависимости отъ періодическихъ изданій. Если у автора нѣтъ привлекательности и славы всепобѣждающей, если онъ хочетъ, чтобы произведеніе замѣтили интеллигентные русскіе люди и литературные кружки, онъ не пойдетъ въ мелкую прессу — и поневолѣ долженъ обратиться къ одному изъ пяти, шести редакторовъ толстыхъ журналовъ. Въ Западной Европѣ книга получила значеніе, равное газетамъ и журналамъ, или даже большее, и это, конечно, ко благу литературы, потому что книга даетъ безпредѣльную свободу оригинальности. Каждый самостоятельный талантъ не можетъ не чувствовать справедливаго негодованія на малѣйшее вмѣшательство своего хозяина, редактора, осторожнаго и разсудительнаго педагога незрелой публики. Каждый оригинальный писатель говорить съ толпою, какъ «власть имѣющій», а ре-

дакторъ, какъ служитель толпы, если только онъ самъ не истинный талантъ, не художникъ, не ученый, хоть разъ въ жизни создавшій что-нибудь новое и живое. Но вотъ бѣда: между пятью, шестью редакторами современныхъ русскихъ журналовъ нѣтъ ни одного литератора или ученаго по призванію, съ прирожденнымъ, а не симулированнымъ художественнымъ или научнымъ пониманіемъ. Все это люди образованные, безкорыстные, достойные глубокаго уваженія, но въ своихъ литературныхъ вкусахъ—неизлѣчимые моралисты и боязливые педагоги незрелой толпы. У нихъ нѣтъ даже той свободы и смѣлости въ границахъ опредѣленной партіи, какая была, напр., у Некрасова или Щедрина. Найдутъ ли они новый талантъ, тотчасъ же ихъ редакторскому, робкому сердцу хочется потихоньку, не суровостью, а, такъ сказать, отеческой лаской, педагогическимъ вліяніемъ втолкнуть живую, непокорную оригинальность въ свои старенькія, излюбленныя рамочки, чтобы было, пожалуй, и оригинально, но главное поприличнѣе, поаккуратнѣе и поблѣднѣе.

Я слышалъ отъ одного литератора слѣдующее, довольно вѣрное, сравненіе: наши писатели еще не рѣшаются выступать передъ публикой въ самостоятельныхъ книгахъ, въ одиночку. Чтобы не погибнуть въ современной литературной пустынѣ, они должны собираться въ журналы, въ караваны и путешествовать вмѣстѣ. Въ такомъ караванѣ есть и вожь, редакторъ, и выючныя животныя, тяжеловѣсные компиляторы, и отважные застрѣльщики, рецензенты. Путешественники рассказываютъ, что караваны въ Сахарѣ обыкновенно берутъ съ собою въ путь трупъ какого-нибудь животнаго, который бросаютъ ночью хищнымъ звѣрямъ, чтобы предупредить ихъ нападеніе. Такой трупъ въ нашихъ современныхъ журналахъ—неизбѣжный, скучнѣйшій и длиннѣйшій романъ.

А русскій читатель въ самомъ дѣлѣ — сила темная, стихійная, неожиданно прихотливая. Редакторъ чувствуетъ подъ собой эту зыбкую некультурную почву и не довѣряетъ ей. Какъ у всѣхъ цѣнителей съ трусливымъ, банальнымъ вкусомъ, поработаннымъ толпѣ, завѣтный идеалъ его — вышняя литературная *благопристойность*.

Пусть холодно, какъ ледъ, но зато строжайшій этикетъ соблюденъ, пусть мертво, но зато въ каждомъ буржуазно-аристократическомъ салонѣ Петербурга можно смѣло читать вслухъ. До какого педантизма иногда доходитъ эта забота о внѣшней корректности при внутреннемъ безвкуси, видно изъ слѣдующаго характернаго анекдота, невѣроятнаго и, однако, вполне достовѣрнаго.

Писатель отдаетъ въ редакцію серьезнаго журнала переводъ одной греческой трагедіи. Послѣ внимательнаго чтенія редакторъ объявляетъ:

— Печатать невозможно.

— Почему же?

— Вотъ видите ли... Трагедія Эсхила—это такъ сказать *слишкомъ яркій классическій цвѣтокъ на тускломъ полѣ современной русской беллетристики.*

— Но тѣмъ лучше, что яркій!..

— Я вѣдь сказалъ—слишкомъ яркій *классическій цвѣтокъ*—переводъ съ греческаго.

— Что же изъ того, что съ греческаго?

— Помилуйте, мы въ общественной хроникѣ все время боремся противъ классической системы воспитанія и вдругъ цѣлая трагедія Эсхила.

Въ сущности—рыночная система гонораровъ, капиталисты издатели, безкорыстные, но лишенные художественнаго чутья редакторы—все это силы только внѣшнія—и какъ ни пагубно ихъ влияние на литературу, оно не можетъ сравниться съ дѣйствіемъ внутреннихъ разрушительныхъ силъ, изъ которыхъ едва ли не главная—критика.

III.

Современные русскіе критики.

И. Тѣнь сдѣлалъ первую попытку примѣненія строгаго научнаго метода къ искусству. Но область эстетической психологіи слишкомъ мало разработана, чтобы считать эту попытку завершенной.

Во всякомъ случаѣ дѣятельность въ томъ же направленіи, т.-е. изслѣдованіе законовъ творчества, его отношеній къ законамъ психологіи и социальныхъ наукъ,

взаимодѣйствія художника и культурно-исторической среды могутъ быть въ будущемъ весьма плодотворны.

Другой, не менѣе значительный и гораздо болѣе разработанный методъ — *субъективно-художественный*. Во всѣхъ лучшихъ критическихъ изслѣдованіяхъ Сень-Бева, Гердера, Брандеса, Лессинга, Карлейля, Бѣлинскаго вы найдете страницы, въ которыхъ критикъ превращается въ самостоятельнаго поэта.

Такимъ образомъ возникъ почти невѣдомый до нашихъ временъ и все болѣе развивающійся родъ художественнаго творчества. Въ своихъ разрозненныхъ замѣткахъ объ искусствѣ и всемирной литературѣ, въ эпиграмахъ и ксеніяхъ Гете, отчасти Шиллеръ дали первые образцы критической поэзіи. Для субъективно-художественнаго критика міръ искусства играетъ ту же роль, какъ для художника—міръ дѣйствительный. Книги — живые люди. Онъ ихъ любитъ и ненавидитъ, ими живетъ и отъ нихъ умираетъ, ими наслаждается и страдаетъ. То, что этотъ родъ поэзіи теряетъ въ яркости и реальной силѣ, онъ выигрываетъ въ безконечномъ благородствѣ и нѣжности оттѣнковъ. Нѣкоторыя страницы Карлейля и Ренана ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ Теннисона или Гюго по глубинѣ и оригинальности вдохновенія.

Поэтъ-критикъ отражаетъ не красоту реальныхъ предметовъ, а красоту поэтическихъ образовъ, отразившихъ эти предметы. Это — поэзія поэзіи, быть можетъ, блѣдная, призрачная, безкровная, но зато неизвѣстная еще ни одному изъ прежнихъ вѣковъ, новая, плоть отъ плоти *наша*—поэзія мысли, порожденіе XIX вѣка съ его безграничной свободой духа и неутолимою скорбью познанія. Въ отраженіи красоты можетъ быть невѣдомое, таинственное обаяніе, котораго вы не найдете даже въ самой красотѣ: такъ въ слабомъ, отраженномъ свѣтѣ лунѣ есть обаяніе, котораго нѣтъ въ источникѣ луннаго свѣта, въ могущественныхъ лучахъ солнца.

Субъективно-художественный методъ критики, кромѣ поэтическаго, можетъ имѣть и большое научное значеніе. Тайна творчества, тайна генія иногда болѣе доступна поэту-критику, чѣмъ объективно-научному изслѣдователю. Случайная замѣтка о прочитанной книгѣ въ письмахъ,

въ дневникахъ Байрона, Стендаля, Флобера, Пушкина однимъ намекомъ обнаруживаетъ большую психологическую глубину и проникновеніе, чѣмъ добросовѣстнѣйшія статьи профессиональных критиковъ. Если художникъ читаетъ произведеніе другого художника, происходитъ психологическій опытъ, который соответствуетъ тому эксперименту въ научныхъ лабораторіяхъ, когда изслѣдуется химическая реакція одного тѣла на другое.

Русская критика, за исключеніемъ лучшихъ статей Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Страхова, отдѣльных очерковъ, Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, гениальныхъ замѣтокъ разбросанныхъ въ письмахъ Пушкина, всегда являлась силой противонаучной и противохудожественной. Горе въ томъ, что наши критики не были ни настоящими учеными, ни настоящими поэтами. Но у [прошлаго] поколѣнія, у Добролюбова и Шисарева, публицистика все-таки еще прикрывалась стремленіями философскими и научными.

Одинъ изъ ихъ воинственныхъ эпигоновъ, современный типъ русскаго журнальнаго рецензента, г. Протопоповъ заявляетъ уже вполне открыто, что критикъ долженъ быть публицистомъ и только публицистомъ.

У г. Протопопова есть такъ называемое «бойкое перо», остроуміе и политическій темпераментъ газетнаго работника по призванію. Если бы онъ родился во Франціи, онъ могъ бы сдѣлаться редакторомъ распространеннаго уличнаго листка для рабочихъ, писать каждый день популярныя передовыя статьи съ громкими заглавіями, какъ Рошфоръ въ «L'Intransigeant» и—кто знаетъ—принимать-бы даже благодарственные депутаціи фабричныхъ пролетаріевъ. Но въ русской современной журналистикѣ ему ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлаться критикомъ-публицистомъ. Мечта такихъ людей—превратить литературу въ комфортабельную маленькую кафедру для газетно-журнальной проповѣди. Когда живая оригинальность таланта не покоряется имъ и не хочетъ служить пьедесталомъ политическаго оратора, г. Протопоповъ негодуетъ и казнить ее. Онъ не объясняетъ, а попираетъ личность автора, какъ ступень, чтобы удобнѣе взобраться на свою кафедру. Конечно, публицистика—почтенное газетное ре-

месло. Для некультурной и невзрослой толпы необходима популяризація даже самыхъ основныхъ нравственныхъ идей. Но сводить ту необъятную силу міровыхъ гениевъ, которая создаетъ «Страшный судъ», «Фауста» или «Тайную Вечерю», на уровень второстепеннаго газетно-журнальнаго ремесла, публицистики — это даже не преступленіе, это наше старинное и—увы!—глубоко-національное, донинѣ, среди массы читателей, популярное невѣжество.

Г. Протопопова такъ же, какъ многихъ его собратьевъ, тревожитъ схоластическій вопросъ: искусство для жизни, или жизнь для искусства? Такой вопросъ для живого человѣка, для искренняго поэта—не существуетъ: кто любить красоту, тотъ знаетъ, что поэзія—не случайная надстройка, не внѣшній придатокъ,—а самое дыханіе, сердце жизни, то, безъ чего жизнь дѣлается страшнѣе смерти. Конечно, искусство—для жизни и, конечно, жизнь—для искусства. Одно безъ другого невозможно. Отнимите у жизни красоту, знаніе, справедливость, — что же останется? Отнимите жизнь у искусства и это будетъ, по евангельскому выраженію, соль, переставшая быть соленой. Непраздные люди, непраздные художники никогда не спорили о такихъ вопросахъ—они всегда другъ друга понимали съ перваго слова, всегда другъ съ другомъ были согласны, въ какихъ бы разныхъ, даже противоположныхъ областяхъ ни работали. То-же самое, великое и несказанное, что Гете называетъ красотой, Маркъ Аврелій называлъ справедливостью, Францискъ Ассизскій и Св. Тереза—любовью къ Богу, Руссо и Байронъ—человѣческой свободой. Для живыхъ людей все это единое, лучи одного солнца, проявленія одного начала, какъ свѣтъ, теплота, движеніе,—въ мірѣ физическомъ видоизмѣненія одной силы. Вопросъ—жизнь для красоты или красота для жизни — существуетъ только для мертвыхъ людей, для газетно-журнальныхъ схоластиковъ, которые не испытывали «живой жизни» и не познали живой красоты.

А между тѣмъ вся ожесточенная полемика, вся многолѣтняя дѣятельность такихъ публицистовъ, какъ г. Протопоповъ, вертится около этого мертваго вопроса. Печальнѣе всего то, что у нихъ до сихъ поръ довольно

обширный круг читателей и поклонниковъ. Длится наше старое плачевное недоразумѣніе, иконоборческое недовѣріе къ свободному чувству красоты, боязливое требованіе отъ искусства подчиненія рамкамъ педагогической морали.

У г. Скабичевского, другого представителя нашей современной критики, меньше полемической бойкости и остроумія, чѣмъ у г. Протопопова, но зато больше искренняго и добросовѣстнаго отношенія къ писателямъ. Онъ собралъ и подготовилъ будущему историку русской литературы много интересныхъ матеріаловъ. Его очерки изъ исторіи русской цензуры многозначительны. Но будучи даровитымъ лѣтописцемъ литературныхъ нравовъ, г. Скабичевскій менѣе всего по своему темпераменту художественный критикъ. Въ его воззрѣніяхъ на искусство есть та черта убійственной банальности, порабощенія общепризнаннымъ вкусамъ толпы, которую легче отмѣтить, чѣмъ выразить и опредѣлить.

Однажды, на Передвижной выставкѣ я видѣлъ картину извѣстнаго русскаго художника, приблизительно слѣдующаго содержанія: пьяница, должно быть, мастеровой, съ угрожающимъ видомъ и поднятыми кулаками стоитъ на порогѣ кабака. Онъ хочетъ войти, но женщина съ растрепанными волосами и неестественно-трагическимъ лицомъ, вѣроятно, жена мастерового, не пускаетъ мужа. Дико забросивъ голову и раскинувъ, какъ непремѣнно сказалъ бы Потапенко или Златовратскій, «блѣдныя, изможденныя руки», она всѣмъ тѣломъ своимъ закрываетъ дверь кабака. Къ довершенію условнаго трагизма за лохмотья несчастной матери цѣпляется испуганный ребенокъ и умоляющимъ взоромъ смотритъ на жестокосердаго отца. Картина была прескверно написана, съ пренебреженіемъ къ техникѣ, какими-то мертвыми, деревянными красками. Но публика передъ нею останавливалась: на лицахъ интеллигентныхъ дамъ было видно сочувствіе. Говорили по-французски о страданіяхъ нашего бѣднаго народа, о пьянствѣ, объясняли тенденцію художника. Общедоступный, *банальный* трагизмъ оказывалъ свое вѣчное дѣйствіе на толпу.

Во всѣхъ обществахъ, во всѣ времена есть люди—ими

имъ легіонъ,—которыхъ модное фальшивое чувство привлекаетъ такъ же неизмѣнно и неотразимо, какъ червякъ на удочкѣ привлекаетъ рыбу. Я увѣренъ, что если бы среди публики, передъ картиной, находился г. Скабичевскій, чувствительное сердце почтеннаго критика такъ же было бы тронутъ банальнымъ, условнымъ трагизмомъ картины, какъ сердце толпы. У добросовѣстнаго и гуманнаго рецензента явилось бы непреодолимое желаніе похвалить художника за теплое отношеніе къ народу, за поразительную искренность непосредственнаго чувства, за трезвость здороваго реализма. Не знаю, какъ у другихъ, но у меня при подобныхъ похвалахъ является непобѣдимое озлобленіе противъ несомнѣнныхъ добродѣтелей. У порока, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что никогда не удручаютъ его такими банальными похвалами, такимъ убійственно-буржуазнымъ сочувствіемъ, такимъ безвкусіемъ и уродствомъ, какъ бѣдную добродѣтель. О, скука большихъ дорогъ! О, вѣчное умиленіе толпы передъ любезною ей пошлостью популярно-великихъ идей!

Развѣ г. Скабичевскій не восторгался этимъ «червякомъ на удочкѣ», банальностью гуманныхъ чувствъ и мнимо-народническимъ реализмомъ въ произведеніяхъ г. Потапенко? Напрасно онъ теперь отрещивается и негодуетъ на своего любимца. Г. Потапенко цѣликомъ вышелъ изъ нѣдръ почтеннаго критика, изъ неисправимодобродѣтельнаго сердца его, какъ Аѳина-Паллада изъ головы Зевса. У злополучнаго беллетриста есть несомнѣнный талантъ, искренній юморъ, нѣкоторое знаніе народа—но тайна его успѣха была не въ нихъ. Я увѣренъ, что многіе добрые люди плакали искренними слезами надъ произведеніями г. Потапенко и вполне сочувствовали похваламъ г. Скабичевского, какъ отцы ихъ плакали надъ чувствительными романами 30-хъ годовъ. Но именно эти искреннія слезы наивныхъ читателей — зловѣщій признакъ всеобщаго паденія вкуса.

Высочайшее *нравственное* значеніе искусства вовсе не въ трогательныхъ нравственныхъ тенденціяхъ, а въ безкорыстной, неподкупной *правдивости* художника, въ его безстрашной искренности. Красота образа не можетъ

быть неправдивой и потому не может быть безнравственной, только уродство, только пошлость въ искусствѣ—безнравственны. Никакая порнографія, никакія соблазнительныя картины пороковъ не развращаютъ такъ сердца человѣческаго, какъ ложь о добрѣ, какъ банальныя гимны добру, какъ эти горячія слезы наивныхъ читателей надъ фальшиво-гуманными чувствами и буржуазной моралью. Кто привыкъ плакать надъ ложью, тотъ проходитъ съ холоднымъ сердцемъ мимо истины, мимо красоты.

Въ Апокалипсисѣ есть одно страшное мѣсто: «...Духъ говоритъ церквамъ:

И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: такъ говоритъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: Знаю твои дѣла; *ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ*, то извергну тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ». Эти великія слова кладутъ неизгладимое клеймо на всякую пошлость, на всякую посредственность чувства, все равно, въ религіи или въ искусствѣ. Любителямъ банальныхъ трагическихъ эффектовъ, подобнымъ г. Скабичевскому и г. Потапенко, проповѣдникамъ общепризнанныхъ гуманныхъ идей, ни холода, ни огня, а такъ называемой «задушевной *теплоты* чувства», этой ненавистой теплой водицы, которая замѣняетъ искренность въ правоучительныхъ романахъ, хочется напомнить страшный приговоръ Апостола: «о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты *теплъ*, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ».

Такіе люди, какъ г. Протопоповъ и г. Скабичевскій, совершенно безсознательно творятъ дѣло разрушенія. Это, въ сущности,—невинныя жертвы всеобщей анархіи, всеобщаго недоразумѣнія. Они продолжаютъ указывать писателямъ спасительныя рамки народническаго реализма также добросовѣстно, какъ учителя каллиграфіи проводятъ косыя и поперечныя линіи, чтобы ученикамъ легче было выводить буквы прописи. Но какъ бы ужаснулись эти

добрые, честные люди, учителя художественнаго чистописанія, если бы вдругъ могли понять, какая бездна, какая тайна—искусство, и какъ смѣшны въ безграничной стихійной свободѣ творчества ихъ маленькія педагогическія линейки. Они будутъ всю жизнь серьезно говорить о вдохновеніи, о поэзіи, хотя никогда не видѣли красоты, и такъ и умрутъ, не увидѣвъ ея. Это, можетъ быть, полезные и остроумные публицисты, но въ искусствѣ—люди безнадежно-непонимающіе, *слѣпороджденные*.

У Гете есть одно прелестное лирическое стихотвореніе — «Капли нектара». Когда Минерва, угождая своему любимцу Прометею, принесла полную чашу нектара, чтобы осчастливить созданныхъ имъ людей и наполнить ихъ сердце любовью къ прекрасному, богиня торопилась, боясь, что Юпитеръ увидитъ ее, и «золотая чаша покачнулась и немного капель упало на зеленую траву». На эти капли набросились насѣкомыя—пчелы, бабочки...

Selbst die ungestalte Spinne
Kroch herbei und sog gewaltig.

Даже безобразный паукъ отвѣдалъ божественнаго напитка.

Когда я думаю о томъ, что природа и такимъ писателямъ, какъ г. Буренинъ, не отказываетъ иногда въ нѣкоторомъ художественномъ дарованіи, мнѣ вспоминается граціозная легенда о насѣкомыхъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ никогда и не вкушалъ отъ капли нектара, но, по крайней мѣрѣ, слышалъ издали ея благоуханіе, онъ все-таки ближе къ поэзіи, чѣмъ добрые, честные и безнадежно слѣпые люди, г. Протопоповъ и г. Скабичевскій.

Вѣроятно, немногіе знаютъ, что у этого, теперь ожесточеннаго газетнаго насмѣшника въ далекой молодости была способность къ почти искреннему лирическому паѳосу. Г. Буренинъ, какъ оно ни дико и ни странно, написалъ нѣсколько поэтическихъ, любовныхъ элегій. Это что-нибудь да значить. Во всякомъ случаѣ г. Протопоповъ удобочитаемой элегіи не напишетъ. Надо быть справедливымъ даже къ г. Буренину. На его остроумныхъ пародіяхъ, на литературныхъ памфлетахъ есть несомнѣнная печать—не скажу, таланта, но того, что въ другомъ че-

ловѣкъ, при другихъ условіяхъ, могло-бы сдѣлаться талантомъ. У него злой, конечно, низменный, грубый и пошлый, но все-таки настоящій злой смѣхъ. И для памфлетовъ нужна нѣкоторая доля творчества, хотя бы то было творчество насѣкомыхъ. Паукъ плететъ свою паутину, потому что онъ отвѣдалъ отъ напитка, предназначеннаго не паукамъ, а дѣтямъ Прометея.

Но всего характернѣе въ многочисленныхъ произведеніяхъ г. Буренина, въ его повѣстяхъ, трагедіяхъ, памфлетахъ, новеллахъ, романахъ, пародіяхъ — одна выдающаяся, типическая черта — поразительный недостатокъ чувства литературной нравственности. Такимъ онъ созданъ, —

Насѣкомымъ — сладострастьемъ...

Ангель — Богу предстоить.

Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Даже и обвинять его не хватаетъ духу. Надо обвинять ту степень всеобщаго литературнаго униженія, когда и Буренины выдвигаются и приобрѣтаютъ значеніе. Рассказываютъ удивительные анекдоты о его недобросовѣстномъ отношеніи къ писателямъ. Всѣ знаютъ, кто онъ. А между тѣмъ о такомъ человѣкѣ приходится говорить почти серьезно, какъ о русскомъ художественномъ критикѣ; это одно уже весьма плачевный признакъ упадка и всеобщаго недоразумѣнія. Зародыши гніенія носятъ всюду, но только тамъ, гдѣ должно совершиться дѣло смерти, они живутъ и приобрѣтаютъ силу. Литературная *безнравственность* г. Буренина, который благополучно справилъ юбилей, чувствуетъ себя на вершинѣ славы, съ которымъ всѣ, мало-по-малу, примирились и котораго многіе даже боятся, явленіе очень знаменательное для нашихъ современныхъ газетно-журнальных нравовъ.

Интересно, что несправедливость г. Буренина въ области поэзіи влечетъ за собою совершенно тѣ же послѣдствія, какъ безвкусіе г. Протопопова или г. Скабичевского. Критика, т.-е. безкорыстная оцѣнка прекраснаго, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ невозможна. Какъ только г. Буренинъ перестаетъ шутить и смѣяться, какъ только хочетъ говорить серьезно, онъ дѣлается убій-

ственно-скученъ, даже скучнѣе и тяжеловѣснѣе г. Скабичевского. Когда покидаетъ его зависть и злоба, онъ становится до жалости безпомощенъ, у него нѣтъ своихъ словъ, своихъ мыслей, и чувствуется, что ему просто нечего сказать.

Мнѣ всегда казалось весьма поучительнымъ, что поэзія одинаково недоступна вполнѣ безвкуснымъ людямъ, какъ и вполнѣ несправедливымъ. Сущность искусства, которую нельзя выразить никакими словами, никакими опредѣленіями, не исчерпывается ни красотой, ни нравственностью, — она выше, чѣмъ красота, и шире, чѣмъ нравственность, она — то начало, изъ котораго равно вытекаетъ и чувство изящнаго и чувство справедливаго, которое объединяетъ ихъ въ живомъ человѣческомъ сердцѣ и дѣлаетъ только справедливое прекраснымъ и только прекрасное — справедливымъ. Ихъ раздѣленіе влечетъ ихъ упадокъ.

Но всего печальнѣе, когда это старческое, преждевременное безсиліе, эта язва литературнаго разложенія касается совсѣмъ молодыхъ, только что начинающихъ писателей, какъ, напр., одного изъ представителей новаго газетно-журнальнаго типа, г. Волинскаго, юнаго и смѣлаго рецензента «Сѣвернаго Вѣстника».

Прежде всего я долженъ признаться, что г. Волинскій для меня двойственъ. Въ первомъ и лучшемъ г. Волинскомъ я ничего не нахожу, кромѣ симпатичнаго. Онъ недавно издалъ драгоценную книгу «Письма Бенедикта Спинозы» въ превосходномъ переводѣ г-жи Л. Гуревичъ. Если бы побольше издавалось въ Россіи такихъ книгъ!.. Наивная біографія Колеруса, страшный актъ отлученія Спинозы отъ синагоги — все это переведено г. Волинскимъ съ удивительной красотой. Въ его объясненіяхъ, замѣткахъ, редакторскихъ выносахъ васъ увлекаетъ не столько научная добросовѣстность, какъ трогательная, благоговѣйная любовь, почти суевѣрная преданность учителю. Да, именно такой суевѣрной, фанатической любовью надо любить великихъ!.. Почти также хороши и добросовѣстны популярныя статьи г. Волинскаго о Кантѣ.

Во всѣхъ трудахъ г. Волинскаго есть одна характер-

ная черта не русская, но глубоко симпатичная. Въ этомъ пламенномъ, нѣсколько сухомъ, но возвышенномъ мистичизмѣ поклонника великаго еврейскаго философа, въ неутолимой ненависти къ пошлой сторонѣ позитивизма, въ этой національной, такъ сказать, прирожденной способности къ тончайшимъ метафизическимъ абстракціямъ— сразу чувствуется нравственный и философскій темпераментъ семита. Болѣе всего меня привлекаетъ къ такимъ семитическимъ темпераментамъ неподдѣльная чистота, наивность философскаго жара, пламенная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣломудренная страстность ума. Недаромъ еврейская національность до сихъ поръ носительница страшнаго и благодатнаго огня, — тысячелѣтней жажды Бога. Сколько разъ, погибая, оплодотворяла она своимъ огнемъ болѣе спокойныя арійскія культуры, которымъ грозили бесплодіемъ научный матеріализмъ и позитивная уравнищенность.

Среди грубаго шутовства г. Буренина, среди банальнаго народническаго реализма г. Протопопова и г. Скабичевскаго, замѣчая въ новомъ типѣ публициста-философа, г. Волинскомъ, искру этого плодотворнаго мистическаго огня, я не могу не приветствовать ее съ величайшей радостью.

Можетъ быть, я отчасти и преувеличиваю значеніе перваго лучшаго г. Волинскаго, но пусть!.. Это—изъ ненависти ко второму г. Волинскому, не имѣющему съ первымъ ничего общаго, къ его злополучному двойнику. Какъ всегда бываетъ, уродливый двойникъ, мучительная карриатура на свой оригиналъ, художественный критикъ Волинскій притворился нѣжнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ философа Волинскаго, чтобы вѣрнѣе погубить его. Национальный темпераментъ, лучшій помощникъ въ искреннемъ дѣлѣ призванія, какъ только человѣкъ берется не за свое дѣло, обращаетъ все свое могущество противъ него, дѣлается непоправимою слабостью. Такъ отвлеченная семитическая метафизика, вполне умѣстная въ статьяхъ философскихъ г. Волинскаго, поражаетъ убійственною сухостью и бесплодіемъ его художественное пониманіе. Вы какъ будто узнаете фанатизмъ и метафизическое раздраженіе черствыхъ серд-

цемъ, узкихъ и озлобленныхъ учителей Талмуда. Какая мелочность! Какое уныніе! Зачѣмъ онъ говоритъ, что любить красоту, любить жизнь?

Критикъ г. Волинскій презираетъ простой, человѣческій языкъ философа г. Волинскаго. Онъ даже притворяется русскимъ патриотомъ, когда ужъ русскаго въ немъ нѣтъ ровно ничего. Онъ откапываетъ какіе-то невѣроятные допотопные цвѣты краснорѣчія, чудовищно-комическіе, отъ которыхъ становится не смѣшно, а жутко на сердца читателей, какъ отъ тѣхъ предметовъ роскоши, нѣкогда веселенькихъ и плѣнительныхъ бездѣлушекъ, которые черезъ тысячелѣтія находятъ среди мертвыхъ костей въ гробахъ. Богъ съ ней, съ легкой ироніей, съ беззаботнымъ юморомъ г. Волинскаго! И эта зловѣщая карриатура на Спинозу своими мертвыми устами, своимъ деревянно-цвѣтистымъ языкомъ проповѣдуетъ деревянно-мертваго талмудическаго Бога. Въ сказочныхъ новеллахъ Эдгара Поэ являются мертвецы ненадолго воскресшіе, одаренные искусственной жизнью. Они дѣйствуютъ, ходятъ, говорятъ, даже смѣются, совсѣмъ, какъ живые. Ничего добраго не предвѣщаютъ ихъ лица безъ кровинки, напряженный, лихорадочный блескъ въ глазахъ. И настоящіе живые люди съ недобримъ предчувствіемъ смотрятъ на нихъ и думаютъ: *быть худу*. Юный рецензентъ «Сѣверн. Вѣстн.» всегда казался мнѣ такимъ мертвецомъ изъ разсказовъ Эдгара Поэ, одареннымъ какою-то противоестественною жизнью. Пишетъ онъ статьи, проповѣдуетъ Бога, громитъ матеріализмъ, даже проявляетъ попытки юмора, совсѣмъ, какъ живой, и все-таки я ничему не довѣряю и думаю: *быть худу*.

Когда вы смотрите на почтенныхъ людей стараго поколѣнія, на окаменѣвшихъ редакторовъ, на критиковъ, подобныхъ г. Протопопову и г. Скабичевскому, и вдругъ чувствуете, что люди эти, въ сущности,—давно уже мертвые, что отъ нихъ даже какъ будто пахнетъ смертью и тѣломъ, такое ощущеніе—надо признаться—довольно страшно. Но, впрочемъ, съ нимъ еще можно примириться: была же и у нихъ своя молодость, своя жизнь. Но когда въ литературѣ начинаютъ появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, какъ г. Волинскій,

когда отъ самыхъ юныхъ, только что начинающихъ, вѣтъ уже холодомъ могилы, страшнымъ запахомъ смерти и тлѣна, это—признакъ послѣднихъ дней цѣлаго поколѣнія: уже тутъ несомнѣнно *быть худу!*

Въ самомъ дѣлѣ, не стоимъ-ли мы передъ бездной? *Caveant consules!* Если современная литературная анархія будетъ прогрессировать по тому же пути, страшно подумать, до чего мы дойдемъ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ.

Едва-ли спасеніе заключается въ проблематической возможности появленія новаго великаго таланта. Геній возродитъ поэзію, но не создастъ литературы, которая невозможна безъ великаго, культурнаго принципа, имѣющаго при томъ общечеловѣческое, а не одно только русское національное значеніе. А такого объединяющаго принципа наша литература, или, лучше сказать, наша стихійная поэзія—еще до сихъ поръ сознательно не работала.

Напрасно, гордясь великимъ прошлымъ, мы стали бы утѣшать себя мыслью, что не можетъ постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкинъ, Тургеневъ и Толстой. Благодатные геніи прошлаго отступаются отъ своего народа, если онъ недостоинъ ихъ. У Англичанъ XVI в. былъ Шекспиръ. Но уже въ XVII в. главное теченіе народной жизни избрало другое русло, и Шекспиръ сдѣлался какъ будто чужимъ на своей родинѣ. Кто знаетъ, и современная литературная Россія можетъ, наконецъ, сдѣлаться недостойной великаго прошлаго, недостойной Пушкина: и Пушкинъ станетъ чужимъ въ одичавшей литературѣ, и геній его,—страшно сказать,—отступится отъ своего народа. *Caveant consules!*

Что тамъ, въ темномъ будущемъ, передъ которымъ мы стоимъ?

Смерть народной литературы—величайшее бѣдствіе—нѣмота цѣлаго народа, безсловесная смерть его творческаго генія!..

Въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь показать новыя созидающія силы, новое литературное теченіе, которое позволяетъ надѣяться, что такое страшное бѣдствіе не постигнетъ русской поэзіи. Это теченіе или, лучше ска-

зать, эта смутная потребность цѣлаго поколѣнія, едва опредѣлившаяся, почти не выраженная словами, возникла не изъ метафизическихъ обобщеній, а прямо изъ живого сердца, изъ глубины современнаго общеевропейскаго и русскаго духа. Я даже не знаю, можно-ли назвать эту потребность—литературнымъ теченіемъ. Это скорѣе только первая подземная струйка вешней воды, слабая и жизненная. Ея характерная черта—соединеніе двухъ глубокихъ контрастовъ—величайшей силы и величайшаго безсилія. Я сказалъ, что она слабая и, въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть легче, какъ осмѣять ее и отвергнуть, презрительно замѣтить, что это старая пѣсня на новый ладъ. Но послѣ смѣха и отрицанія она будетъ существовать попрежнему, даже расти и усиливаться, потому что она—живая, она стремится утолить вѣчную потребность человѣческаго сердца:

Такъ иногда изъ-подъ тяжелаго камня пробиваются побѣги молодого растенія. Кажется, что они неминуемо должны погибнуть, подавленные камнемъ. Но нѣтъ въ мірѣ такой силы, которая могла бы остановить ихъ упорный, непобѣдимый ростъ. Младенчески-слабые и безпомощные, они, рано или поздно, вырвутся и подымутъ, если надо, силою жизни огромную мертвую тяжесть камня.

Я хочу прослѣдить эти первые побѣги молодой литературы, слабые и живые.

IV.

Начала новаго идеализма въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и Л. Толстого.

Въ эпоху наивной теологіи и догматической метафизики область *Непознаваемаго* постоянно смѣшивалась съ областью *непознаннаго*. Люди не умѣли ихъ разграничить и не понимали всей глубины и безнадежности своего не-

знанія. Мистическое чувство вторгалось въ предѣлы точныхъ опытныхъ изслѣдованій и разрушало ихъ. Съ другой стороны, грубый материализмъ догматическихъ формъ порабощалъ религиозное чувство.

Новѣйшая теорія познанія воздвигла несокрушимую плотину, которая навѣки отдѣлила твердую землю, доступную людямъ, отъ безграничнаго и темнаго океана, лежащаго за предѣлами нашего познанія. И волны этого океана уже болѣе не могутъ вторгаться въ обитаемую землю, въ область точной науки. Фундаментъ, первыя гранитныя глыбы циклопической постройки, — великой теоріи познанія XIX вѣка, — заложилъ Кантъ. Съ тѣхъ поръ работа надъ ней идетъ непрерывно, плотина воздвигается все выше и выше.

Никогда еще пограничная черта науки и вѣры не была такой рѣзкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимаго контраста тѣни и свѣта. Между тѣмъ, какъ по сю сторону явленій твердая почва науки залита яркимъ свѣтомъ, область, лежащая по ту сторону плотины, по выраженію Карлейля — «глубина священнаго незнанія», ночь, изъ которой всѣ мы вышли и въ которую должны неминуемо вернуться, болѣе непроницаема, чѣмъ когда-либо. Въ прежнія времена метафизика набрасывала на нее свой блестящій и туманный покровъ. Первобытная легенда хотя немного освѣщала эту бездну своимъ тусклымъ, но утѣшительнымъ свѣтомъ.

Теперь послѣдній догматическій покровъ навѣки сорванъ, послѣдній мистическій лучъ потухаетъ. И вотъ современные люди стоятъ, беззащитные, — лицомъ къ лицу съ несказаннымъ мракомъ, на пограничной чертѣ свѣта и тѣни, и уже болѣе ничто не ограждаетъ ихъ сердца отъ страшнаго холода, вѣющаго изъ бездны.

Куда бы мы ни уходили, какъ бы мы ни прятались за плотину научной критики, всѣмъ существомъ мы чувствуемъ близость тайны, близость океана. Никакихъ преградъ! Мы свободны и одиноки!.. Съ этимъ ужасомъ не можетъ сравниться никакой порабощенный мистицизмъ прошлыхъ вѣковъ. Никогда еще люди такъ не чувствовали сердцемъ необходимости вѣрить и такъ не понимали

разумомъ невозможности вѣрить. Въ этомъ болѣзненномъ неразрѣшимомъ диссонансѣ, этомъ трагическомъ противорѣчьи такъ же, какъ въ небывалой умственной свободѣ, въ смѣлости отрицанія, заключается наиболѣе характерная черта мистической потребности XIX вѣка.

Наше время должно опредѣлить двумя противоположными чертами — это время самаго крайняго *материализма* и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ страстныхъ *идеальныхъ* порывовъ духа. Мы присутствуемъ при великой, многозначительной борьбѣ двухъ взглядовъ на жизнь, двухъ диаметрально-противоположныхъ міросозерцаній. Послѣднія требованія религиознаго чувства сталкиваются съ послѣдними выводами опытныхъ знаній.

Умственная борьба, наполняющая XIX вѣкъ, не могла не отразиться на современной литературѣ.

Преобладающій вкусъ толпы — до сихъ поръ реалистическій. Художественный материализмъ соответствуетъ научному и нравственному материализму. Пошлая сторона отрицанія, отсутствие высшей идеальной культуры, цивилизованное варварство среди грандіозныхъ изобрѣтеній техники — все это наложило своеобразную печать на отношеніе современной толпы къ искусству.

Э. Золя сказалъ слѣдующія, весьма характерныя слова о молодыхъ поэтахъ Франціи, такъ называемыхъ *символистахъ*, нѣкому м. Huret — газетному интервьюисту, написавшему книгу «L'enquête sur l'évolution littéraire en France». Я приведу слова эти буквально, чтобы не ослабить ихъ переводомъ:

«Mais que vient-on offrir pour nous remplacer? Pour faire contre-poids à l'immense labeur positiviste de ces cinquante dernières années, on nous montre une vague étiquette «symboliste», recouvrant quelque vers de pacotille. Pour clore l'étonnante fin de ce siècle énorme, pour formuler cette angoisse universelle du doute, cet ébranlement des esprits assoiffés de certitude, voici le ramage obscur, voici les quatre sous de vers de mirliton de quelques assidus de brasserie... En s'attardant à des bêtises, à des niaiseries pareilles, à ce moment si grave de l'évolution des idées, ils me font l'effet tous ces jeunes gens, qui ont tous

de trente à quarante ans, de coquilles de noisettes qui danseraient sur la chute du Niagara» *).

Авторъ Ругонъ-Макаровъ имѣетъ право торжествовать. Кажется, ни одно изъ гениальнѣйшихъ произведеній прошлаго не пользовалось такимъ матеріальнымъ успѣхомъ, такимъ ореоломъ газетной громоподобной рекламы, какъ позитивный романъ. Журналисты съ благоговѣніемъ и завистью высчитываютъ, какой вышины пирамиду можно бы воздвигнуть изъ желтыхъ томиковъ «Nana» и «Pot-Bouille». На русскій языкъ, на который не переведены удобопонятнымъ образомъ даже величайшія произведенія міровой литературы, послѣдній романъ Золя переводится съ изумительнымъ рвеніемъ по пяти, по шести разъ. Тотъ же самый любознательный Гюрэ отыскалъ главу поэтовъ-символистовъ, Поля Верлена въ его любимомъ, плохонькомъ кафэ на бульварѣ *Saint-Michel*. Передъ репортеромъ былъ человѣкъ уже немолодой, сильно помятый жизнью, съ чувственнымъ «лицомъ фавна», съ мечтательнымъ и нѣжнымъ взоромъ, съ огромнымъ, лысымъ черепомъ. Поль Верленъ бѣденъ. Не безъ гордости, свойственной «униженнымъ и оскорбленнымъ», онъ называетъ своей единственной матерью «l'assistance publique» — общественное призрѣніе. Конечно, такому человѣку далеко до академическихъ креселъ рядомъ съ П. Лоти, о которыхъ пламенно и ревниво мечтаетъ Золя.

Но все-таки авторъ «Débâcle», какъ истинный парижанинъ, слишкомъ увлеченъ современностью, шумомъ и суетой литературнаго мгновенья.

Непростительная ошибка — думать, что художественный идеализмъ какое-то вчерашнее изобрѣтеніе парижской

*) Что они предлагаютъ, чтобы насъ замѣнить? Какъ на противѣсѣ огромной позитивной работѣ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, указываютъ на неопредѣленный этикетикъ «символизмъ», прикрываясь бездарныя вирши. Чтобы завершить изумительный конецъ этого громаднаго вѣка, чтобы выразить всеобщую горечь сомнѣнія, тревогу умовъ, жаждущихъ чего-нибудь незыблемаго, намъ предлагаютъ неясное щебетаніе, грошова вздорныя пѣсенки, сочиненныя трактирными заведателями! Всѣ эти *молодые* люди (которымъ — сквати сказать — за тридцать, за сорокъ лѣтъ), занятые, въ столь важный моментъ исторической эволюціи идей, подобными глупостями, подобнымъ ребячествомъ, кажутся мнѣ орѣховыми скорлупками, пляшущими на водопадѣ Ніагары.

моды. Это возвращеніе къ древнему, вѣчному, никогда не умиравшему.

Вотъ чѣмъ страшны должно быть для Золя эти молодые литературные мятежники. Какое мнѣ дѣло, что одинъ изъ двухъ — нищій, полъ-жизни проведеній въ тюрьмахъ и больницахъ, а другой — литературный владыка — не сегодня, такъ завтра членъ Академіи? Какое мнѣ дѣло, что у одного пирамида желтыхъ томиковъ, а у символистовъ — «*quatre sous de vers de mirliton*»? Да и четыре лирическихъ стиха могутъ быть прекраснѣе и правдивѣе цѣлой серіи грандіозныхъ романовъ. Сила этихъ мечтателей въ ихъ *возмущеніи*.

Въ сущности все поколѣніе конца XIX вѣка носить въ душѣ своей то же возмущеніе противъ удушающаго мертвеннаго позитивизма, который камнемъ лежитъ на нашемъ сердцѣ. Очень можетъ быть, что они погибнутъ, что имъ ничего не удастся сдѣлать. Но придутъ другіе и все-таки будутъ продолжать ихъ дѣло, потому что дѣло — *живое*.

«Да, скоро и съ великой жаждой взыщутся люди за полною изгнаніемъ на время чистымъ и благороднымъ». Вотъ что предрекъ авторъ «Фауста» 60 лѣтъ тому назадъ, и мы теперь замѣчаемъ, что слова его начинаютъ исполняться. «И что такое реальность сама по себѣ? Намъ доставляетъ удовольствіе ея правдивое изображеніе, которое можетъ дать намъ болѣе отчетливое знаніе о нѣкоторыхъ вещахъ; но собственно польза для высшаго, что въ насъ есть, заключается въ идеалѣ, который исходитъ изъ сердца поэта». Потомъ Гете формулировалъ эту мысль еще болѣе сильно: «*чѣмъ несоизмѣримѣе и для ума недостижимѣе данное поэтическое произведеніе, тѣмъ оно прекраснѣе*» *). Золя не мѣшало-бы вспомнить, что эти слова принадлежатъ не своевольнымъ мечтателямъ-символистамъ, жалкимъ орѣховымъ скорлупамъ, пляшущимъ на Ніагарѣ, а величайшему поэту-натуралисту XIX вѣка.

Тотъ же Гете говорилъ, что поэтическое произведеніе должно быть *символично*. Что такое символъ?

*) Изъ «Разговоровъ Гете съ Эккерманомъ». Переводъ Д. П. Аверкіева.

Въ Акрополѣ надъ архитравомъ Пареенона до нашихъ дней сохранились немногіе слѣды барельефа, изображающаго самую обыденную и, повидимому, незначительную сцену: нагіе, стройные юноши ведутъ молодыхъ коней, и спокойно, и радостно мускулистыми руками они укрощаютъ ихъ. Все это исполнено съ большимъ реализмомъ, если хотите, даженатурализмомъ, — знаніемъ человѣческаго тѣла и природы. Но вѣдь едва-ли не болѣе натуризмъ — въ египетскихъ фрескахъ. И однако онѣ совсѣмъ иначе дѣйствуютъ на зрителя. Вы смотрите на нихъ, какъ на любопытный этнографическій документъ, такъ же, какъ на страницу современнаго экспериментальнаго романа. Что-то совсѣмъ другое привлекаетъ васъ къ барельефу Пареенона. Вы чувствуете въ немъ вѣяніе *идеальной* чевовѣческой культуры, *символъ* свободного эллинскаго духа. Человѣкъ укрощаетъ звѣря. Это — не только сцена изъ будничной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ — цѣлое откровеніе божественной стороны нашего духа. Вотъ почему такое неистребимое величіе, такое спокойствіе и полнота жизни въ искалѣченномъ обломкѣ мрамора, надъ которымъ пролетѣли тысячелѣтія. Подобный символизмъ проникаетъ всѣ созданія греческаго искусства. Развѣ Алькестисъ Эврипида, умирающая, чтобы спасти мужа, — не символъ материнской жалости, которая одухотворяетъ любовь мужчины и женщины? Развѣ Антигона Софокла — не символъ религіозно-дѣвственной красоты женскихъ характеровъ, которая впослѣдствіи отразилась въ средне-вѣковыхъ Мадоннахъ?

У Ибсена въ «Норѣ» есть характерная подробность: во время важнаго для всей драмы діалога двухъ дѣйствующихъ лицъ входитъ служанка и вноситъ лампу. Сразу въ освѣщенной комнатѣ тонъ разговора мѣняется. Черта, достойная фізіолога-натуралиста. Смѣна физической темноты и свѣта дѣйствуетъ на нашъ внутренній міръ. Подъ реалистической подробностью скрывается художественный *символъ*. Трудно сказать почему, но вы долго не забудете этого многозначительнаго соотвѣтствія между переменной разговора и лампой, которая озаряетъ туманныя вечернія сумерки.

Символы должны естественно и невольно выливаться изъ

глубины дѣйствительности. Если же авторъ искусственно ихъ придумываетъ, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются въ мертвыя аллегоріи, которыя ничего кромѣ отвращенія, какъ все мертвое; не могутъ возбудить. Послѣднія минуты агоніи m-me Bovary, сопровождаемыя пошленькой пѣсенкой шарманщика о любви, сцена сумасшествія въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца, послѣ трагической ночи въ «*Gespensster*», написаны съ болѣе безпощаднымъ психологическимъ *натурализмомъ*, съ болѣе проникновеніемъ въ реальную дѣйствительность, чѣмъ самыя смѣлые человѣческіе документы позитивнаго романа. Но у Ибсена и Флобера, рядомъ съ теченіемъ выраженныхъ словами мыслей, вы невольно чувствуете другое, болѣе глубокое теченіе.

«*Мысль изреченная есть ложь*». Въ поэзіи то, что не сказано и мерцаетъ сквозь красоту символа, дѣйствуетъ сильнѣе на сердце, чѣмъ то, что выражено словами. Символизмъ дѣлаетъ самый стиль, самое художественное вещество поэзіи одухотвореннымъ, прозрачнымъ, насквозь просвѣчивающимъ, какъ тонкія стѣнки алебастровой амфоры, въ которой зажжено пламя.

Символами могутъ быть и характеры. Санчо-Панса и Фаустъ, Донъ-Кихотъ и Гамлетъ, Донъ Жуанъ и Фальстафъ, по выраженію Гете, — *Schwankende Gestalten*.

Сновидѣнія, которыя преслѣдуютъ человѣчество, иногда повторяются изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію сопутствуютъ ему. Идею такихъ *символическихъ характеровъ* никакими словами нельзя передать, ибо слова только опредѣляютъ, ограничиваютъ мысль, а символы выражаютъ безграничную сторону мысли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ довольствоваться грубоватой фотографической точностью экспериментальныхъ снимковъ. Мы требуемъ и предчувствуемъ, по намекамъ Флобера, Мопассана, Тургенева, Ибсена, новые, еще не открытые міры впечатлительности. Эта жадность къ неиспытанному, погоня за неуловимыми оттѣнками, за темнымъ и безсознательнымъ въ нашей чувствительности — характерная черта грядущей идеальной поэзіи. Еще Бодлеръ и Эдгаръ Поэ говорили, что прекрасное должно нѣсколько *удивлять*, казаться неожиданнымъ и рѣдкимъ.

Французскіе критики болѣе или менѣе удачно назвали эту черту—*импрессионизмъ*.

Таковы три главныхъ элемента новаго искусства: *мистическое содержаніе, символы* и расширеніе художественной впечатлительности.

Великая плеяда русскихъ писателей: Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ съ несравненной силой и полнотой воспроизводятъ всѣ три основы идеальной поэзии.

Начну съ Тургенева. Русскіе рецензенты имѣли безтактность видѣть въ немъ публициста и съ этой точки зрѣнія предъявляли ему требованія. Съ надлежащимъ ли одобреніемъ или порицаніемъ изображенъ человекъ 30 годовъ? Потомъ человекъ 40 годовъ, потомъ нигилистъ 70 годовъ и т. д., и т. д. Одни защищали Тургенева, другіе утверждали, что онъ въ лицѣ Базарова оскорбилъ молодое поколѣніе. Странно теперь читать эти защиты, эти нападки! Подобное недоразумѣніе могло возникнуть только изъ коренного непониманія. Впрочемъ, и самъ Тургеневъ подалъ отчасти поводъ къ недоразумѣнію.

Онъ писалъ свои большіе романы на модныя общественныя темы, на такъ называемые жгучіе вопросы дня. Въ этомъ великомъ человекѣ былъ все-таки литературный модникъ, то, что французы называютъ «модернистъ». Какъ почти всѣ поэты, онъ не сознавалъ, въ чемъ именно его оригинальность и сила.

Характерно письмо Тургенева къ редактору «Вѣстника Европы» при посылкѣ «Стихотвореній въ прозѣ». Великій русскій поэтъ какъ будто проситъ снисхожденія у г. Стасюлевича къ своимъ лучшимъ созданіямъ. Онъ самъ, повидимому, не понимаетъ ихъ цѣны и не безъ нѣкоторой нерѣшимости является передъ русской публикой *только поэтомъ*, извиняясь за отсутствіе обычной реалистической формы и модной темы. Художникъ не подозреваетъ, что въ двадцати строкахъ «Стихотвореній въ прозѣ»—онъ дѣлаетъ цѣлыя поэтическія открытія, что эти «бездѣлушки» едва ли не драгоценнѣе и не безсмертнѣе такихъ серьезныхъ общественныхъ типовъ, какъ Рудинъ, Лаврецкій, Инсаровъ. Разработка политическихъ темъ, жгучіе вопросы дня, улавливанія разныхъ вѣяній

въ большихъ романахъ Тургенева съ такими сенсационными заглавіями, какъ «Новь», «Отцы и Дѣти», «Наканунъ», «Вешнія воды», начинаютъ старѣть, дѣлаются условными и чуждыми намъ, отодвигаются на второй планъ.

И передъ нами все болѣе и болѣе выступаетъ другой, не модный и зато не старѣющій Тургеневъ, котораго почти не подозревали наши критики-реалисты.

Конечно, Тургеневъ, какъ всѣ истинные поэты, зналъ жизнь и людей. Холодный наблюдатель, съ горечью познавшій пошлость и уродство дѣйствительности, утонченный современный скептикъ, онъ въ то же время—властелинъ полужантаска, ему одному доступнаго міра. Вспомните поэмы въ прозѣ,—какъ будто полныя гармоніи и совершенства пушкинскаго стиха, «Живыя Моцци», «Бѣжинъ Лугъ», «Довольно», «Призраки», «Собака», въ особенности «Пѣснь торжествующей любви» и «Стихотворенія въ прозѣ». Вотъ гдѣ неподражаемый, оригинальный Тургеневъ, самъ себѣ не знающій цѣны, вотъ гдѣ онъ царь обаятельнаго міра. Здѣсь комизмъ, уродство бытовыхъ типовъ, людская пошлость служатъ ему только, чтобы отмѣтить красоту фантастическаго. Рядомъ съ Фетомъ, Тютчевымъ, Полонскимъ, Майковымъ онъ продолжалъ дѣло Пушкина, онъ раздвигалъ предѣлы нашего *русскаго пониманія красоты*, завоевалъ цѣлыя области еще невѣдомой чувствительности, открылъ новые звуки, новыя стороны русскаго языка.

Какъ непреодолимо въ Тургеневѣ тяготѣніе къ фантастическому, видно изъ женскихъ фигуръ его большихъ общественныхъ романовъ. Это безплотные и безкровные призраки, родныя сестры Морелла и Лигейя изъ новеллъ Эдгара Поэ. Такихъ идеальныхъ дѣвушекъ и женщинъ ни въ Россіи и нигдѣ на землѣ не бывало. Тургеневъ на этихъ женскихъ видѣніяхъ, которыя находятся иногда въ непріятной дисгармоніи съ реальной обстановкой романа, отдыхаетъ отъ пошлости и уродства живыхъ, не фантастическихъ людей, отъ близкихъ его уму, не сердцу, вопросовъ дня.

Кромѣ женщинъ, природа—область, гдѣ онъ никогда не измѣняетъ себѣ. Какъ поэтъ вѣрить въ сверхъесте-

ственную жизнь природы! Какъ этотъ скептикъ XIX вѣка умѣетъ смотрѣть на нее дѣтскими очами! Онъ владѣетъ тайнами языка, которыя неожиданно и неотразимо, гдѣ бы мы ни были, что бы мы ни чувствовали, вызываютъ въ насъ очарованіе природы съ ясностью галлюцинаціи: и нѣгу весны, и меланхолію осени, и блѣдно-зеленое небо надъ снѣгами Финстераангорнъ, и тишину заросшаго пруда въ захолустьи старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Говоря о природѣ, Тургеневъ всегда умѣетъ найти сочетанія словъ, самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ, которыя вдругъ мѣняются, дѣлаются новыми, только-что въ первый разъ произнесенными и неожиданно близкими сердцу: они оказываютъ на душу дѣйствіе властное, *чудотворное, какъ настоящія поэтическія заклинанія*: нельзя имъ противиться, нельзя сразу не увидѣть того, что поэтъ хочетъ намъ показать.

Есть русскіе писатели, которые превосходятъ Тургенева силой художественнаго реализма, глубиной психологическаго анализа и общественныхъ мотивовъ, но нѣтъ больше такого плѣнительнаго и могучаго *волшебника слова*. Тургеневъ—великій русскій художникъ-импрессионистъ. И въ силу этой важнѣйшей и безсознательной черты своего творчества, почти совсѣмъ неразработанной нашими критиками, онъ истинный предвозвѣстникъ новаго идеальнаго искусства, грядущаго въ Россіи на смѣну утилитарному пошлomu реализму.

То же критическое недоразумѣніе преслѣдовало Гончарова. Его считали, да и онъ самъ себя считалъ, исключительно—реальнымъ художникомъ, правдивымъ бытописателемъ помѣщичьей жизни въ эпоху крѣпостного права.

Человѣческіе характеры въ романахъ-поэмахъ Тургенева являются или какъ модные герои, представители современнаго общественнаго мотива, или въ полусказочномъ идеальномъ сумракѣ, какъ его дѣвушки и женщины, или же, наконецъ, какъ юмористическіе аксесуары для отдѣленія волшебнаго міра. Достоевскій рисуетъ людей только въ болѣзненномъ напряженіи силъ душевныхъ, въ неестественно-яркомъ освѣщеніи психологическаго опыта, въ повышенной температурѣ страсти,

которая нужна ему, чтобы обнажить сокровенныя, въ нормальномъ состояніи не проявляющіяся, глубины характера. У Толстого индивидуальность, личность отдѣльныхъ людей почти всегда подавлена силами природы и человечества, массовыми движеніями, войною, смертию, болѣзною, дѣторожденіемъ, неразрѣшимыми вопросами о Богѣ, о вѣчности, о правдѣ. Но истинно-гармоническій и спокойный художникъ, творецъ живыхъ человѣческихъ душъ—одинъ только Гончаровъ. Онъ беретъ характеры людей цѣликомъ, какъ живые продукты исторіи, природы, времени, общества. Никто такъ не заставляетъ жить своихъ героев на страницахъ книги отдѣльной, собственной жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ типы Гончарова весьма отличаются отъ *исключительно бытовыхъ* типовъ, какіе мы встрѣчаемъ, напр., у Островскаго и Писемскаго, у Диккенса и Теккерея. Помимо жизненной типичности Обломова, насъ привлекаетъ къ нему высшая красота вѣчныхъ комическихъ образовъ (какъ Фальстафъ, Донъ-Кихотъ, Санчо-Панса). Это не только Илья Ильичъ, котораго вы, кажется, вчера еще видѣли въ халатѣ, но и громадное, идейное обобщеніе цѣлой стороны русской жизни.

Гончаровъ изъ всѣхъ нашихъ писателей обладаетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ наибольшою способностью символизма. Каждое его произведеніе—художественная система образовъ, подъ которыми скрыта вдохновенная мысль. Читая ихъ, вы испытываете то же особенное, ни съ чѣмъ несравнимое чувство широты и простора, которое возбуждаетъ грандіозная архитектура,—какъ будто входите въ огромное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Характеры—только часть цѣлаго, какъ отдѣльные статуи и барельефы, размѣщенные въ зданіи,—только рядъ символовъ, нужныхъ поэту, чтобы возвысить читателя отъ созерцанія частнаго явленія къ созерцанію вѣчнаго.

Способность философскаго обобщенія характеровъ чрезвычайно сильна въ Гончаровѣ; иногда она прорываетъ, какъ остріе, живую художественную ткань романа и является въ совершенной наготѣ: напр., Штольцъ—уже не символъ, а мертвая аллегорія. Противоположность такихъ типовъ, какъ практическая Марѣенка и поэтическая

Вѣра, какъ эстетикъ Райскій и нигилистъ Волоховъ, какъ мечтательный Обломовъ и дѣятельный Штольцъ — развѣ это не чистѣйшій и, при томъ, произвольный, *глубоко реальный символизмъ*! Самъ Гончаровъ въ одной критической статьѣ признается, что бабушка въ «Обрывѣ» была для него не только характеромъ живого человѣка, но и воплощеніемъ Россіи. Вспомните ту геніальную сцену, когда Вѣра останавливается на минуту передъ образомъ Спасителя въ древней часовнѣ и тропинкой, ведущей къ *Обрыву*, къ бесѣдкѣ, гдѣ ждетъ ее Маркъ Волоховъ. Вѣра, какъ идеальное воплощеніе души современнаго человѣка, колеблется и недоумѣваетъ, гдѣ же правда — здѣсь въ кроткихъ, строгихъ очахъ Спасителя, въ древней часовнѣ или тамъ за «Обрывомъ», въ злобной, страшной и обаятельной проповѣди новаго человѣка?

И такого поэта наши литературные судьи считали отживающимъ типомъ эстетика, точнымъ, но неглубокимъ бытописателемъ помѣщичьихъ нравовъ! Но когда отъ реалистической критики, отъ столь прославленныхъ ею *бытовыхъ* комедій и романовъ не останется ни слѣда, произведенія Гончарова, мало понятныя въ нашъ вѣкъ художественнаго матеріализма, возродятся въ полной, идеальной красотѣ. Онъ одинъ изъ величайшихъ въ современной европейской литературѣ творцовъ человѣческихъ душъ, *художниковъ-символистовъ*.

Гончаровъ и Тургеневъ, въ эпоху грубаго реализма, безсознательно, непреодолимымъ инстинктомъ отыскивали новую форму, Достоевскій и Толстой — новое мистическое содержаніе идеальнаго искусства.

Быть можетъ никто изъ писателей современной Европы не чувствовалъ такъ, какъ Достоевскій, всю неисчерпаемую, никѣмъ не открытую *новизну* величайшей книги прошлаго — Евангелія.

По откровеннымъ признаніямъ его любимыхъ героевъ, Ивана Карамазова, Раскольникова, Ставрогина, ясно видно, что вѣрующій Достоевскій не страшился подходить къ послѣднимъ предѣламъ сомнѣнія, не закрывалъ глаза ни передъ однимъ изъ крайнихъ и безнадежныхъ выводовъ современнаго знанія, понимая глубокимъ умомъ ихъ не-

отразимость. Прочтите исповѣдь «Великаго Инквизитора», признанія и сцену самоубійства Кирилова въ «Бѣсахъ», вы согласитесь, что въ Достоевскомъ было это преступное любопытство мятежной мысли, эта дерзость посягновенія на величайшія святыни долга и вѣры, то демоническое, что въ Байронѣ Бодлэръ называетъ *le satanique*.

Достоевскій — человѣкъ дерзающій безпредѣльно сомнѣваться и въ то же время имѣющій силу безпредѣльно вѣрить.

Безнравственность Ставрогина, Ивана Карамазова — не отъ безсилія и пошлости, а отъ избытка силы, отъ презрѣнія къ жалкимъ, земнымъ цѣлямъ добродѣтели — напоминаетъ безнравственность Печорина, такъ же, какъ весь мистицизмъ Достоевскаго, въ преемственной глубокой связи съ мистицизмомъ Лермонтова.

Паскаль былъ одержимъ непрерывнымъ чувствомъ тайны міра, чувствомъ бездны, физиологическимъ страхомъ Непознаемаго, который у философа XVII в. едва не переходитъ въ сумасшествіе. Достоевскій одержимъ не страхомъ, а любовью къ безднѣ. Ему нечего бояться ея, онъ никогда не выходилъ изъ нея. Она не рядомъ съ нимъ, какъ у Паскаля, а въ немъ самомъ. Каждый изъ насъ носить въ себѣ эту внутреннюю психологическую бездну. Но сознаніе наше только скользитъ по ея поверхности: мы живемъ и умираемъ, не познавъ своей сердечной глубины.

Достоевскій даже не боится смерти, какъ Толстой. Для него почти нѣтъ этого страшнаго перехода, этой границы между жизнью и смертью.

Душа петербургскихъ ростовщиковъ и каторжниковъ «Мертваго дома», самая будничная, сѣрая жизнь для него — *такъ же таинственна и непостижима, какъ смерть*. Онъ давно уже привыкъ къ чувству психологической бездны, какъ птица — къ воздуху, рыба — къ водѣ. По краю пропасти, отъ которой у насъ голова кружится, по самымъ крутымъ и обрывистымъ тропинкамъ, онъ ходитъ легко и свободно, какъ мы — по большимъ дорогамъ. И въ ту минуту, когда кажется, что вотъ-вотъ художникъ погибнетъ, что дальше идти некуда, что это уже — не искусство, а современная нейрастенія, мучительное

безуміе, — онъ выходитъ изъ бездны, торжествующій, вынося вѣчную правду жизни, умиленіе и вѣру въ человѣка, рѣдкіе, никому недоступные цвѣты поэзіи, растущіе только надъ пропастями.

Всюду, — какъ рудокопъ съ лампочкой — въ подземные колодцы и галлерей, онъ проникаетъ, вооруженный ослѣпительнымъ свѣтомъ неуголимо-жадного психологическаго анализа, этимъ разрушительнымъ, всѣ покровы срывающимъ, *дерзновеннымъ любопытствомъ* современнаго знанія. У него, искренняго проповѣдника христіанскаго смиренія, такъ же, какъ у самыхъ гордыхъ мятежниковъ Байрона и Лермонтова, — душа никогда ничего на землѣ не боявшаяся.

Довольно, впрочемъ, взглянуть на блѣдное, изможденное и все же могучее лицо русскаго писателя, чтобы почувствовать, что это вовсе не наивный поборникъ общедоступныхъ и умѣренно-гуманныхъ идей въ родѣ Жоржъ-Зандъ и Диккенса, о нѣтъ! — прежде всего, это избранникъ роковой силы, какъ Данте, выходецъ изъ ада, только изъ ада внутренняго, вѣчнаго, неразрушимаго никакими научными открытіями, никакими сомнѣніями.

Таковъ онъ. Вся душа его соткана изъ контрастовъ, изъ противорѣчій, запутанныхъ въ неразрѣшимый узелъ.

Какъ онъ понималъ прелесть цѣломудрія! Нѣжная, стыдливая красота его женскихъ фигуръ — не романтическая, идеализированная и въ сущности никогда не существовавшая на землѣ дѣвственность Тургеневскихъ эфирныхъ видѣній, — это цѣломудренная красота живыхъ, даже страстныхъ женщинъ.

А его отроческія фигуры! Вспомните Алешу Карамазова. Какъ онъ любилъ дѣтей! Какъ передъ этой русскою жалостью къ дѣтямъ ничтожна слащавая сантиментальность Диккенса. Достоевскій глубже всѣхъ художниковъ понялъ слова Спасителя: «Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него».

И этотъ же человѣкъ — самый утонченный, самый болѣзненный и мучительный изъ сладострастниковъ. У героев его мрачные, разрушительные экстазы чувственности граничатъ съ эпилепсіей, съ жестокостью. Сладострастіе — бездна, и онъ изслѣдовалъ его съ безстраш-

нымъ любопытствомъ, какъ всѣ бездны человѣческаго сердца. Ужасно то, что нѣтъ такой глубины порока, гдѣ бы онъ забывалъ о прелести, объ ангельской красотѣ цѣломудрія. Вспомните въ «Преступленіи и наказаніи» бредъ Свидригайлова передъ самоубійствомъ: онъ видитъ пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, уже развращенную... Но этого нельзя пересказывать: выйдетъ уродливо то, что у Достоевскаго страшно. Въ «Бѣсахъ» нигилистъ, или скорѣе русскій новый буддистъ, Кириловъ проповѣдуетъ на своемъ дѣтски-наивномъ, полуграмотномъ и могучемъ языкѣ теорію освобожденія отъ жизни: онъ задумалъ прибѣгнуть къ самоубійству, чтобы восторжествовать надъ страхомъ смерти — проклятьемъ и униженіемъ людей, достигнуть высшаго блаженства свободы, чтобы, по его собственному выраженію, «*оказать своеволие*». Особенное, отнюдь не пошлое и не грубое сладострастіе такихъ людей, какъ Свидригайловъ и Ставрогинъ, есть только другая форма сознательнаго Кириловскаго самоуничтоженія. Ихъ привлекаетъ къ разврату не одна животная чувственность, но и высшее, идеальное упоеніе свободою, попирающею цѣпи долга, возмущеніемъ противъ великаго нравственнаго закона. Имъ радостно перешагнуть запретную границу, «*оказать своеволие*» и посягнуть на неприкосновенное! Такую чувственность — одинъ только волосокъ, одна неуловимая черта отдѣляетъ отъ аскетизма. Если-бы Николай Ставрогинъ и Свидригайловъ нашли на землѣ что-нибудь, во имя чего *несомнѣнно* стоило бы отказаться отъ упоенія дерзостью грѣха, они могли бы сдѣлаться дѣвственниками и аскетами до полнаго отреченія отъ жизни, до самоубійства, подобно Кирилову.

Лучшія страницы Достоевскаго, напр., въ «Запискахъ изъ мертваго дома», проникнуты болѣзненно-жгучимъ состраданіемъ къ людямъ. Даже въ книгѣ вы боитесь этой мучительной жалости: она искушаетъ. Нельзя такихъ страницъ Достоевскаго читать безнаказанно, послѣ нихъ долго какой-то тернь остается въ душѣ, который язвитъ и смущаетъ покой равнодушныхъ. Именно, эта сторона его таланта болѣе всего поразила молодое поколѣніе писателей въ Западной Европѣ. Достоевскій — пророкъ, еще небывалый въ исторіи, новой *русской жалости*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—одинъ изъ самыхъ жестокихъ поэтовъ. Какъ всѣ чувства, ненависть доходитъ въ его душѣ до упоенія, до сладострастія. Перечтите въ «Бѣсахъ» эпизодъ Кармазинова,—пасквиль на Тургенева. Какая злоба! И это уродливое чувство, мелкое, завистливое мщеніе—въ такомъ сердцѣ! Онъ извлекъ изъ той же глубины своего духа и легенду объ отцѣ Зосимѣ, и безсмертный типъ подлаго лакея Смердякова. Вотъ что ужасно! Кто-же онъ самъ? Кто онъ, нашъ мучитель и другъ, Достоевскій? Ангелъ сумерекъ или ангелъ свѣта? Гдѣ же сердце художника?—Въ христіанскомъ смиреніи отца Зосимы или въ гордости, доходящей до сумасшествія, нигилиста Кирилова, въ цѣломудріи Алеши или въ сладострастіи Ставрогина, въ жалости идиота или въ презрѣніи къ людямъ Великаго Инквизитора?.. Гдѣ онъ? Ни тамъ, ни здѣсь. А, можетъ быть, и тамъ, и здѣсь! Страшно, что въ сердцѣ человѣческомъ могутъ существовать такіа смежныя бездны добра и зла, такіа невыносимыя противорѣчія...

Русскіе критики-реалисты! Что имъ было дѣлать съ подобнымъ характеромъ? Одни считали его гуманнымъ проповѣдникомъ въ родѣ Жоржъ-Зандъ и Диккенса, другіе—«жестокимъ талантомъ», чѣмъ-то въ родѣ литературнаго Торквемады. И тѣ, и другіе стояли передъ загадочнымъ явленіемъ поэзіи, живымъ созданіемъ Бога, какъ люди съ голыми руками, безъ лѣстницы—передъ отвѣсной гранитной скалой. Они даже не подозрѣвали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Ихъ тоненькія эстетическія и нравственныя рамочки, хрупкія, какъ стекло, ломаются на этой каменной, первозданной глыбѣ. Бѣдные критики-реалисты!

Одинъ русскій писатель, постигнутый трагической судьбою, утѣшалъ себя мыслью, что не погибъ еще тотъ народъ, который на самыя безотрадныя явленія исторіи отвѣчаетъ такимъ явленіемъ, какъ Пушкинъ. Всѣ оскорбленія, всѣ удары желѣзомъ, какъ изъ неистребимаго кремня, извлекаютъ изъ сердца народа великодушный, обезоруживающій отвѣтъ, искры генія—Пушкина 30-хъ годовъ, Толстого—80-хъ!

Я думаю, многіе среди насъ изъ унылыхъ, безцѣльныхъ разговоровъ на петербургскихъ журъ-фиксахъ о

положеніи русскаго общества, изъ нашихъ современныхъ храмовъ Мельпомены, гдѣ даются пьесы унижительныя для русскихъ актеровъ и еще болѣе — для русской публики, выходили съ камнемъ на сердцѣ. Вотъ, въ такіа минуты отчаянія достаточно произнести одно имя—Левъ Толстой!—и сразу становится легче... Слава Богу — *онъ есть у насъ!* А пока у народа есть одинъ такой человѣкъ,—несмотря ни на какія испытанія, народъ не имѣетъ права отрекаться отъ надежды, что ему принадлежитъ великая будущность!

И въ Толстомъ, какъ во всѣхъ современныхъ людяхъ,—то же мучительное раздвоеніе. Рядомъ съ безсознательной, донинѣ еще не изслѣдованной творческой силой въ немъ скрывается утилитарный и методическій проповѣдникъ, нѣчто въ родѣ современнаго пуританина. Въ «Исповѣди» онъ вполне искренно признаетъ величайшія поэтическія созданія всей своей жизни печальнымъ недоразумѣніемъ, считаетъ ихъ безнравственными, отрекается отъ «Войны и мира», отъ «Анны Карениной». О, конечно, это святотатственное отреченіе, эту хулу на собственный геній, т.-е. на Духа Божія, живущаго въ немъ, написалъ не великій свободный поэтъ, а ограниченный и добродѣтельный пуританинъ. Художникъ тратитъ время на популярныя брошюры о пьянствѣ, съ наивнымъ жаромъ квакера составляетъ, подобно методическому и упрямому норвежцу Бьернсену, практическія руководства къ цѣломудрію молодыхъ людей, предисловія къ трактатамъ о беременности, о вегетарианствѣ, серьезно увѣряетъ, что люди курятъ табакъ, чтобы заглушить совесть. Но если совѣсть людей такова, что не можетъ противустоять даже табачному дыму, стоитъ ли такъ много хлопотать о ней? На всѣхъ этихъ практическихъ брошюрахъ лежитъ печать какого-то ледяного и унылаго педантизма. Польза! Польза! Чей свѣтлый умъ не помрачало это слово въ нашъ вѣкъ?.. Мнимое челолюбіе, нравственное квакерство у холостяка отнимаетъ трубку, у работника чарку вина, сжуживаетъ и омрачаетъ безъ того уже достаточно узкую и мрачную жизнь челолюбца, придаетъ ей характеръ какого-то филантропическаго, безотраднaго и добродѣтельнаго пріюта для калѣкъ.

Не таковы истинные пророки любви. Спаситель любил и ароматы мирры, пролитые на его ноги изъ алебастровой вазы. Онъ, предвидящій Голгофу, не уходитъ съ пира людей—и благословляетъ въ Канѣ Галлилейской вино и мирное веселіе, и счастье новобрачныхъ. Вотъ, гдѣ незамѣнимая прелесть Евангелія: въ немъ нѣтъ и слѣда нравственнаго педантизма, пуританской сухости. Это—книга величайшей свободы и радости, книга безкорыстной поэзіи.

Отъ утилитарнаго ригоризма, отъ этого вѣчнаго, унылаго припѣва: польза! польза!—сердце человѣческое холодѣетъ и сжимается. Не ученики Іисуса, а фарисеи были мрачными и боязливо добродѣтельными, какъ члены современныхъ англійскихъ и нашихъ «толстовскихъ» обществъ поощренія трезвости. Въ Евангеліи всюду—божественная улыбка. Люди для Спасителя—какъ будто маленькія дѣти. Можно ли у дѣтей отнимать ихъ веселіе! Онъ такъ жалѣетъ ихъ, что вмѣстѣ съ ними радуется надъ кубкомъ вина и вмѣстѣ съ ними плачетъ надъ гробомъ Лазаря.

То, отъ чего пуританинъ Толстой отрекается съ ужасомъ, какъ отъ преступленія, то именно и оправдываетъ его передъ судомъ человѣческимъ и передъ Высшимъ Судомъ. Онъ не увѣритъ насъ, что новое сочиненіе о беременности «*нужныя*» людямъ, чѣмъ Анна Каренина. Его брошюры о пьянствѣ и о куреніи табаку скоро отойдутъ въ область литературно-историческихъ анекдотовъ. Но никогда не перестанутъ потрясать душу людей такія *драгоценныя-безполезныя* страницы, какъ смерть князя Андрея въ «Войнѣ и мирѣ», ибо воистину *нужно* людямъ только *безкорыстное и безполезное*.

Впрочемъ, о подобной красотѣ нельзя говорить... Надо пройти мимо въ молчаніи. Наперекоръ критикамъ-публицистамъ, объявившимъ «Анну Каренину» реакціонной, наперекоръ пуританскому отреченію самого художника, мы всѣ, русскіе люди, знаемъ, что это такое и чего это стоитъ. Или, лучше сказать, не знаемъ, но предчувствуемъ. Когда сердце человѣческое устанетъ отъ современнаго позитивизма, и возжаждетъ неутолимо новой вѣры и обратится къ Богу, только тогда люди вполнѣ

ощѣнять, что онъ сдѣлалъ для нихъ, этотъ самъ себя не познавшій геній.

Мы отчасти предугадываемъ значеніе двухъ нашихъ писателей-мистиковъ Толстого и Достоевскаго, видя, какъ они дѣйствуютъ на современныхъ людей Запада. До сихъ поръ мы только брали у Европы, ничего ей не возвращая. Теперь мы замѣчаемъ признаки нашего вліянія на всемірную поэзію. Это первая побѣда русскаго духа. Въ Толстомъ и Достоевскомъ, въ ихъ глубокомъ мистицизмѣ, мы почувствовали свою духовную силу, но еще не доверяемъ ей и удивляемся.

Пушкинъ показалъ намъ «русскую мѣру красоты». Толстой и Достоевскій показали Европѣ русскую мѣру свободного религіознаго чувства. Ихъ христіанство такъ же, какъ пушкинская красота, вылилось изъ самаго сердца народа. А только движеніе, исходящее изъ самаго сердца народа, можетъ сдѣлать литературу поистинѣ національной и въ то же время всечеловѣческой.

Отъ великихъ перехожу къ поколѣнію современныхъ литературныхъ эпигоновъ. Все ихъ несчастье опредѣляется словами: *послѣ великихъ*. Они родились между двумя мирами. Бездна отдѣляетъ ихъ отъ прежнихъ наивныхъ реалистовъ, въ родѣ Писемскаго, Глѣба Успенскаго, даже Островскаго. Они взяли художественный импрессионизмъ у Тургенева, языкъ философскихъ символовъ—у Гончарова, глубокое мистическое содержаніе—у Толстого и Достоевскаго. Всѣ эти элементы новаго идеальнаго искусства они сдѣлали болѣе сознательными, попытались ввести даже въ критику, обнажили отъ постороннихъ реалистическихъ наслоеній, *обострили и ослабили*. Въ эпоху крайняго торжества литературной пошлости и художественнаго позитивизма они не имѣютъ силы бороться съ надвигающимся варварствомъ. Произносятъ то, что нужно, слово истины, но *тихимъ голосомъ*, такъ, что далекая толпа не можетъ слышать. Какъ будто у нихъ въ груди не хватаетъ дыханія, въ жилахъ—крови. Слабыя и нѣжныя дѣти вечернихъ сумерекъ!

Воображеніе Гете, какъ символъ подобныхъ трагиче-

сихъ поколѣній, создало во II-ой части Фауста Гомункула, странное существо, полудѣтское, полустарческое. Гомункулъ утомленъ опытомъ и мудростью, не начиная жить. Знаетъ все, видитъ тайны міра, но отдѣленъ отъ міра тонкимъ кристалломъ Вагнеровской реторты. Говорить глубокія, нужныя людямъ истины, но слабымъ дѣтскимъ голосомъ. Бойтсся природы и жаждетъ ея, хочетъ вырваться на волю изъ реторты, хочетъ жить и не можетъ родиться. Порхая надъ классической Вальпургіевой ночью, онъ видитъ богиню здоровья и жизни, прекрасную, нагую, только что вышедшую изъ лона соленого моря. И маленькое существо затрепетало отъ любви къ ней, зазвенѣло кристаллическимъ звукомъ реторты и полетѣло къ ея ногамъ. Но—увы!—реторта разбилась о подножіе богини, и первая минута его жизни была минутой смерти.

Можетъ быть, современное поколѣніе русскихъ писателей-эпигоновъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Во всякомъ случаѣ, они теперь въ Россіи—единственная живая литературная сила. У нихъ—достаточно въ сердцѣ огня и мужества, чтобы среди дряхлаго міра всецѣло принадлежать будущему.

Своими неопытными, еще слабыми руками они пытаются поднять слишкомъ тяжелое для нихъ знамя грядущаго идеализма.

Въ чемъ бы ни обвиняли современное поколѣніе, какъ бы надъ нимъ ни смѣялись, оно исполнитъ свое героическое призваніе — умереть, передавъ слѣдующему, болѣе счастливому поколѣнію искру новой жизни

V.

Любовь къ народу: Кольцовъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій, Н. Н. Михайловскій, Короленко.

Прежде чѣмъ я перейду къ поколѣнію современныхъ русскихъ писателей-идеалистовъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о другомъ могущественномъ литературномъ

теченіи, также вполне современномъ, имѣющемъ огромную будущность, которому лишь по недоразумѣнію большинство нашихъ критиковъ придаетъ такой рѣзкій, утилитарный и реалистическій характеръ. Въ сущности это теченіе очень близко къ идеализму. Я разубѣю народничество.

Пѣсни Кольцова въ нашей поэзіи едва-ли не самое полное, стройное, донинѣ еще мало оцѣненное выраженіе земледѣльческаго быта русскаго крестьянина. Мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ человекомъ, только любящимъ народъ, т.-е. сходящимъ къ нему, а вышедшимъ изъ него, не порвавшимъ съ нимъ глубокой сердечной связи: можно сказать, что устами Кольцова говоритъ самъ, тысячелѣтія безмолвствовавшій, русскій народъ. Пѣвцы, нисходившіе къ нему, говорили, что онъ несчастенъ.

Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,
То бурлаки идутъ бичевой...
Гдѣ народъ—тамъ и стонъ...

У Кольцова есть крикъ негодованія, безпредѣльная жажда свободы, даже—если хотите—возмущенный крикъ ярости и боли, но безпомощныхъ стонѣвъ и этого жалобнаго плача, которымъ полны вышеприведенные анапесты интеллигентнаго поэта, у Кольцова нѣтъ. Конечно, никакіе стоны интеллигентныхъ пѣвцовъ не могутъ выразить той глубины затаеннаго, высокомернаго и молчаливаго страданія, которое онъ носитъ въ душѣ своей. Эта скорбь, скорбь народа—воистину ни чѣмъ не меньше нашей міровой скорби,—байроновской «тѣмы».

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи,
Легла на сердце
Дума черная...

И все же онъ не стонетъ. Онъ не хочетъ жалости, онъ только жаждетъ воли,

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой

Назадъ шагу не дать:
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На пошибъ идти—
Пьши пть соловьямъ!

Такая сила и гордость были еще только у одного поэта на Руси, у Лермонтова... Не происходитъ ли великое и добровольное смиреніе народа, о которомъ такъ много, даже слишкомъ много говорилъ Достоевскій, отъ сознанія этой страшной внутренней силы, отъ историческаго, никакихъ несчастіями неистребимаго сознанія грядущей побѣды?

Снаряжу коня...
Полечу въ лѣса,
Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить.
Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли,—
Всякій молодцу
Шанку до земли!

Развѣ это стонъ? И вѣдь у каждаго изъ тѣхъ мужиковъ, которые стояли у Параднаго Подъѣзда и которыхъ пожалѣлъ интеллигентный поэтъ, была же гдѣ-то, въ глубинѣ души такая же чудная русская гордость и сила. Не намъ жалѣть народъ. Скорѣе мы должны себя пожалѣть. Чтобы самимъ не погибнуть въ отвлеченности, въ пустотѣ, въ холодѣ, въ безвѣріи, мы должны беречь кровную связь съ источникомъ всякой силы и всякой вѣры—съ народомъ.

Вотъ, что замѣчательно: истинно-народный поэтъ Кольцовъ, — по своему духу гораздо ближе къ Лермонтову, величайшему мистіку, одинокому мечтателю, презиравшему идеалы пользы и влюбленному въ неземную красоту, чѣмъ къ практическому Некрасову, который всю жизнь самъ такъ мучительно и страстно хотѣлъ быть близкимъ къ народу.

И сила есть—да воли нѣтъ...

И друзья мои, товарищи
Одного меня всѣ кинули...

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую—
Дай мнѣ волю, волю прежнюю.
А душой тебѣ я кланяюсь.

Такъ поэтъ любить волю, онъ готовъ душу отдать темнымъ силамъ Зла, только бы купить себѣ утраченное блаженство воли! Развѣ это не гордое возмущеніе Лермонтова?

Интеллигентный пѣвецъ народа считаетъ идеалы красоты и поэзіи, такъ называемаго «чистаго (?) искусства» противорѣчащими дѣятельной любви къ народу.

Съ твоимъ талантомъ стыдно спать,
Еще стыднѣе въ одиноку горя
Красу долины, небесъ и моря,
И ласки милой воспѣвать!

Онъ стыдится пѣть *вѣчное*, т.-е. любовь и красоту, въ то время, какъ народъ несчастенъ. Но самъ народъ, который все-таки больше страдаетъ, чѣмъ за него страдаютъ, не стыдится красоты, а любить ее, какъ жизнь, какъ свободу, какъ свою силу, какъ хлѣбъ насущный. Красота для него вовсе не роскошь и не отдыхъ, она для него—солнце жизни, вдохновеніе въ его пѣсняхъ, молитва въ его страданіяхъ. О нѣтъ, онъ не стыдится красоты. И, право-же, народъ поетъ весну и цвѣты, и красныя зори, и даже ласку милой, все, что въ жизни сладко, всѣ дары Божіи, поетъ не хуже, а гораздо лучше, сильнѣе и музыкальнѣе, чѣмъ, напр., Фетъ, столь нелюбимый народниками. И замѣйте, что вѣдь поетъ онъ ихъ именно *безкорыстно*, не думая ни объ идеѣ, ни о пользѣ, а чувствуя блаженство красоты и освобожденія отъ земныхъ цѣпей. Мужикъ, тотъ самый мужикъ, во имя котораго у насъ считали нужнымъ стыдиться красоты, творить свои пѣсли такъ же, какъ Пушкинъ ихъ творилъ,—

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ.

И посмотрите, какъ въ древнихъ былинахъ, въ пѣсняхъ, въ стихотвореніяхъ Кольцова, самыя прозаическія подробности жизни, земледѣльческаго быта — хлѣбъ,

деньги, свадебная пирушка, даже семейные раздоры, все превращается въ красоту, — «въ чистое золото поэзіи», по выраженію Бѣлинскаго. Какъ же народу не любить красоты? Онъ самъ—величайшая красота! Развѣ и Пушкинъ не заимствовалъ всей своей божественной крѣпости и силы изъ этого вѣчнаго, неизсякаемаго источника *русской красоты*, изъ духа народнаго, изъ рѣчи народной? Кто пойметъ и полюбитъ красоту въ Пушкинѣ, тотъ полюбитъ не что-то чужое, далекое и враждебное народу, а самую душу русскаго языка, т.-е. русскаго народа. Какъ все великое, какъ все живое, красота не отдаляетъ насъ отъ народа, а приближаетъ къ нему, дѣлаетъ насъ причастными глубочайшимъ сторонамъ его духовной жизни. Бояться или стыдиться красоты во имя любви къ народу—безуміе.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И съ молитвою.

И поэтъ рассказываетъ намъ, какія «завѣтныя, мирныя думы» пробуждаются у нихъ съ весною. Первая ихъ дума: «хлѣбъ изъ закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза». А вторая ихъ была думушка: «изъ села гужомъ въ пору выѣхать». Какъ видите, думы самыя практическія, — хозяйственныя и торговыя. Конечно, хлѣбъ для народа — величайшая забота. Въ пѣсняхъ Кольцова хлѣбъ играетъ вовсе не меньшую роль, чѣмъ забота и скорбь по поводу экономическаго разоренія народа — въ стихахъ интеллигентныхъ поэтовъ. *Какъ рождается хлѣбъ*—вотъ въ сущности реальное содержаніе лучшихъ и самыхъ поэтическихъ пѣсень Кольцова.

Но, замѣчательно, что въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, объ урожаѣ, о полныхъ закромахъ у этого практическаго человѣка, настоящаго *прасола*, изучившаго будничную жизнь,—точка зрѣнія вовсе не утилитарная, экономическая, какъ у многихъ интеллигентныхъ писателей,

скорбящихъ о народѣ, а напротивъ,—самая возвышенная, идеальная, даже, если хотите, *мистическая*, что—кстати сказать — отнюдь не мѣшаетъ практическому здравому смыслу. Когда поэтъ перечисляетъ мирныя весеннія думы сельскихъ людей, третья дума оказывается такой священной, что онъ не рѣшается говорить о ней. И только благоговѣнно замѣчаетъ: «третью думушку какъ задумали, *Богу Господу помолилися*». И потомъ мы видимъ, что эта страшная, священная дума народа — о томъ, какъ бы засѣять землю и дожидаться новаго урожая. Все та же дума о хлѣбѣ насущномъ! Мы, интеллигентные люди, много говоримъ о насущномъ хлѣбѣ. «Прежде надо накормить голодный народъ, а потомъ уже заботиться о высшей идеальной культурѣ».

Для народа страшная дума о хлѣбѣ неотдѣлима отъ еще болѣе страшной и великой думы о Богѣ. Богъ даетъ ему хлѣбъ.

Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людскіе:
Выше пояса
Рожь зернистая...
Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.

О, какъ это не похоже на мертвые разговоры мертвыхъ людей объ экономическомъ благосостояніи народа, какъ это не похоже на нашу скучную, бесплодную, журнальную полемику по мужицкому вопросу, изъ которой ни одного живого зерна не родится. Когда мы говоримъ о хлѣбѣ, у насъ въ душѣ какая-то недовѣрчивая тревога, мы становимся прозаичны и сухи, чувствуемъ, что *«ложь въ насъ есть»*, съ мѣфистофельской улыбкой противопоставляемъ мечтамъ идеалистовъ цифры статистиковъ. Мы отдѣляемъ бездною вопросы о насущномъ хлѣбѣ для народа отъ вопросовъ о Богѣ, о красотѣ, о смыслѣ жизни. Но народъ не можетъ, не смѣетъ говорить о хлѣбѣ, не говоря о Богѣ. У него есть вѣра, которая объединяетъ

всѣ явленія природы, всѣ явленія жизни въ одно божественное и прекрасное цѣлое! Для него нѣтъ прозы, потому что нѣтъ, какъ у насъ—сытыхъ людей, говорящихъ о хлѣбѣ, лжи и раздвоенности въ его сердцѣ. Для него самое рожденіе хлѣба—благодатное и неисповѣдимое чудо:

Выйдетъ въ полѣ травка...
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани...
Съ тихою молитвой
Я вслашу, поспю:
Уроди миль, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

И мотивъ этотъ повторяется всюду: *Богъ рождаетъ хлѣбъ*. Вотъ гдѣ глубочайшая божественная основа народнаго міросозерцанія, народной поэзіи.

Слишкомъ часто наше интеллигентное народничество упускало изъ виду эту идеальную сторону русскаго земледѣльческаго быта, слишкомъ часто оно боязливо отворачивалось отъ красоты и поэзіи, признавая ихъ барскою роскошью, слишкомъ часто становилось на исключительно экономическую, мертвящую точку зрѣнія, забывало въ своихъ дѣловитыхъ изслѣдованіяхъ, что дать народу Бога это значитъ дать ему хлѣба. Горекъ будетъ хлѣбъ, если мы дадимъ его только по утилитарному, статистическому расчету, только въ холодномъ разумномъ сознаніи экономической необходимости, безъ умиленія, безъ сочувственной, братской вѣры въ то, что у народа есть самаго святого:

Видитъ солнышко,
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Если въ душѣ интеллигентныхъ людей навѣки потухнетъ мерцаніе *этого* божественнаго свѣта, то уже никакая статистика, никакая политическая экономія, ника-

кія заботы о хлѣбѣ насущномъ не возвратятъ насъ, холодныхъ, безбожныхъ и мертвыхъ, къ живому сердцу народа. Только вернувшись къ Богу, мы вернемся къ своему народу, къ своему великому христіанскому народу. Другого пути нѣтъ. И, конечно, тогда мы не устыдимся ни красоты, ни Пушкина, ни поэзіи, ни европейской культуры, ни той же статистики и политической экономіи, ибо все это нужно и народу не меньше, а больше, чѣмъ намъ, или, по крайней мѣрѣ, *будетъ нужно*.

Некрасовъ иногда становится на точку зрѣнія, чуждую великому и свободному искусству, утилитарную, исключительно экономическую, и тогда его поэзія превращается въ холодную прозу, его могучая лирика—въ журнальную сатиру. Именно это служеніе злобѣ дня, т.-е. слабую сторону Некрасова превозносили наши реалистическіе критики. Они совершенно упустили изъ виду, что есть другой Некрасовъ—великій и свободный поэтъ, который, помимо своей воли, творилъ «не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ», Некрасовъ—идеалистъ, Некрасовъ—какъ болѣе или менѣе всѣ русскіе люди,—мистикъ, Некрасовъ, вѣрующій въ божественный и страдальческій образъ распятаго Бога, самое чистое и святое воплощеніе духа народнаго. Онъ тоже имѣлъ силу, какъ Достоевскій и Л. Толстой, любить русскую землю міровою, всечеловѣческой любовью. И въ этомъ смыслѣ онъ вовсе не журнальный «боець», не служитель злобы дня, а такой же *вѣрный поэтъ*, какъ Пушкинъ, какъ Лермонтовъ. Мы имѣемъ право, мы должны гордиться Некрасовымъ и передъ Европой. Онъ—одинъ изъ самыхъ сильныхъ русскихъ художниковъ, одинъ изъ представителей оригинальныхъ задатковъ русской культуры. Онъ навсегда останется великъ тѣмъ, что открылъ *новую красоту*, нашелъ въ струнахъ современной лиры новыя, до него еще никому невѣдомые, звуки пѣсни жгучей, безпредѣльной любви къ народу. Вотъ, въ чемъ его сила!

Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ,
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,

И шепчетъ голосъ неземной:
 Лови минуту умиленья,
 Войди съ открытой головой!
 Какъ ни тепло чужое море,
 Какъ ни красна чужая даль,—
 Не ей поправить наше горе,
 Размыкать русскую печаль!
 Храмъ воздыханья, храмъ печали—
 Убогій храмъ земли твоей:
 Тяжелъ стонъ не слышали
 Ни Римскій Петръ, ни Колизей!
 Сюда народъ, тобой любимый,
 Своей тоски неодолимой
 Святое бремя приносилъ—
 И облегченный уходилъ!
 Войди! Христосъ наложить руки
 И сниметъ волею святой
 Съ души оковы, съ сердца муки
 И язвы съ совѣсти больной...
 Я внялъ, я дѣтски умилился
 И долго я рыдалъ и бился
 О плиты старья челомя,
 Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
 Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
 Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
 Богъ поклѣннй предстоящихъ
 Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Вотъ истинный Некрасовъ, безсмертный русскій поэтъ!
 Это чистѣйшее откровеніе духа, т.-е. самая возвышенная и
 свободная религія. И замѣьте, какъ въ этихъ строкахъ
 онъ далекъ отъ мелкихъ насущныхъ вопросовъ жизни, отъ
 злобы дня, отъ цифръ и дѣловой статистики. Поэтъ дости-
 гаетъ великой красоты, служить ей безкорыстно, какъ
 Пушкинъ, какъ Лермонтовъ, какъ служили и будутъ ей
 служить всѣ истинные поэты на землѣ. Некрасовъ противъ
 своей воли доказалъ, что Пушкинъ, непонятый реалистиче-
 скими народниками, былъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, поэты—

...рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Родина всю жизнь, до послѣдняго вздоха сливалась
 для него съ таинственнымъ и чистымъ видѣніемъ покой-

ной матери. Это высочайшій символъ любви къ родной
 землѣ, какой только есть въ русской поэзіи:

Треволненья мірскаго далека,
 Съ неземнымъ выраженіемъ въ очахъ,
 Русокудрая, голубокая,
 Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
 Подъ грозой—величаво-безгласная,
 Молода, умерла ты, прекрасная,
 И такой-же явилась ты мнѣ
 При волшебнѣ свѣтящей лунѣ.
 Да! Я вижу тебя блѣднолицую
 И на судъ твой себя отдаю.
 Не робѣть передъ правдой-царицею
 Научила ты музу мою;
 Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
 Не обидно враговъ торжество,
 Изреки только слово прощенія
 Ты, чистѣйшей любви божество!

И поэтъ жаждетъ мученической смерти, чтобы дока-
 зать свою любовь къ Ней—все равно къ Матери или къ
 Родинѣ — эти два великихъ, многострадальныхъ образа
 для него сливаются. Развѣ такая поэзія—не религія?

Много суетнаго, болѣзненнаго и даже порочнаго въ
 Некрасовѣ-журналистѣ, скептическомъ современномъ
 человѣкѣ, дѣловитомъ издателѣ, сатирикѣ, пишущемъ
 хлесткіе стихи на злобу дня. Но тѣ, кто говорятъ, что
 онъ—не художникъ, останавливаются на шероховатой,
 прозаической и холодной поверхности, не умѣютъ про-
 никнуть въ живую глубину поэзіи. Тамъ, за полемикой,
 утилитарнымъ уродствомъ, суетой и грязными петербург-
 скими сумерками, въ глубинѣ души его не потухаетъ
 тихій, всепримиряющій свѣтъ народнаго евангельскаго
 идеала, о которомъ Кольцовъ такъ хорошо сказалъ:

Но жарка свѣча
 Поселянина
 Предъ иконою
 Божьей Матери.

И Некрасовъ самъ это чувствовалъ. Въ безвѣріи, въ
 отчаяніи, на краю могилы онъ протягиваетъ къ Ней, къ
 Матери свои руки и знаетъ, что Она исцѣлитъ его и

убаюкаетъ, знаетъ, что безпредѣльная любовь къ родинѣ—его сила, его оправданіе передъ людьми и передъ Богомъ, его красота. И съ вдохновенною гордостью воскликаетъ онъ, прощаясь съ жизнью:

О, Муза! я у двери гроба.
Пусть я много виноватъ,
Пусть увеличить востократъ
Мои вины людская злоба—
Не плачь! Завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнотомъ исѣченную Музу...

Онъ правъ. И никакое равнодушіе поклонниковъ такъ называемаго чистаго искусства, никакія несправедливыя нападки мнимыхъ эстетиковъ не уничтожатъ этого страдальческаго ореола!

Къ сожалѣнію наши критики-реалисты мало оцѣнили *отъчужденную* сторону поэзіи Некрасова. Съ ревнивой мелочностью они прильпились къ его полемикѣ и сатирѣ, къ его сухому и прозаическому взгляду на жизнь, къ отрицанію красоты и злѣбъ дня. Послѣдующіе народники, гораздо менѣе талантливые и умные, сняли съ него божественный и мученичeskій ореолъ, терновый вѣнецъ, ограничили и сузили могучую, страстную любовь Некрасова, съ высоты вдохновенной поэзіи свели ее къ исключительному преобладанію дѣловой статистики и политической экономіи. Правда, они говорятъ о любви къ народу, но нѣтъ въ ихъ рѣчахъ, въ ихъ скучной, холодной полемикѣ ни огня, ни трепета живой любви. Явилась какая-то особая вовсе не народная, а *мужичья* литература—условная, мертвая и сентиментальная. Критики противоположнаго эстетическаго лагеря выражали довольно странный и комическій протестъ, увѣряя, что мужикъ имъ надобѣлъ, что мужикъ, наконецъ, ихъ просто душилъ и на зло народникамъ до небесъ превозносили весьма поверхностныя, эпикурейскія вдохновенія Фета.

Реакціонное, бездарное поклоненіе мнимымъ идеаламъ чистаго искусства наводнило русскую литературу не меньшимъ количествомъ слабыхъ и уродливыхъ произведеній, чѣмъ бездарное народничество.

Но по нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что въ русской литературѣ то теченіе, которое я называю любовью къ народу, до сихъ поръ — жизненное и глубокое. Оно не связано *необходимо* съ грубымъ позитивизмомъ и практическою сухостью, съ непониманіемъ красоты. Какъ только писатели пытаются изобразить не сословнаго представителя — мужика въ драныхъ лаптяхъ и полушубкѣ, а живую душу человѣка въ народѣ, какъ только начинаютъ любить народъ религіозной всечеловѣческой любовью — не сто миллионѣвъ экономическихъ единицъ, а воплощеніе «Царя Небеснаго въ рабскомъ видѣ» — по выраженію Тютчева, тотчасъ же сами собою у нихъ являются вдохновеніе, и огонь, и сила, и красота. Безъ красоты не бываетъ у людей ни одного великаго чувства, какъ безъ свѣта не бываетъ могучаго пламени! *).

Первый рассказъ г. Короленко «Сонъ Макара» — его лучшее произведеніе. Религіозное вдохновеніе окрыляетъ поэта. Разъ въ жизни трезвый, умный этнографическій наблюдатель отдался этой силѣ, — и посмотрите, что она сдѣлала съ нимъ, какъ охватила и унесла на такую высоту, на которой онъ никогда не былъ и, можетъ быть, никогда не будетъ.

«Сонъ Макара» стоитъ совершенно одинокъ въ молодой народнической литературѣ. Какъ лучшіе рассказы В. М. Гаршина, — это лирическая поэма въ прозѣ. Когда вы давно ея не перечитывали, въ душѣ остается неизгладимое воспоминаніе о ней, какъ о величавомъ сновидѣніи, какъ о торжественной и грозной мелодіи, подобной шуму лѣсовъ надъ сибирскою тундрой.

*) Въ произведеніяхъ одного изъ совершеннѣйшихъ классиковъ русской прозы, Д. В. Григоровича, которые по дивной гармоніи и законченности можно сравнить развѣ только съ «Записками охотника» Тургенева, ясно видно, какъ, въ своихъ первоначальныхъ источникахъ, народническое теченіе неразрывно связано съ культомъ и обоготвореніемъ красоты, съ благоговѣніемъ къ эстетическимъ традиціямъ Пушкина, съ утонченной европейской образованностью и неподражаемымъ изяществомъ формы.

Вот—чистѣйшая религіозная легенда, дѣтская, наивная и глубокая, какъ лучшія легенды прошлыхъ вѣковъ.

Одинъ изъ «малыхъ сихъ», даже не русскій мужикъ—якутъ—глупый, грязный, уродливый,—въ загробномъ мірѣ, на страшномъ судѣ передъ Отцомъ Свѣтовъ, передъ неизреченной Справедливостью и Разумомъ вселенной. Вы предчувствуете, что единое слово, единый взоръ Судьи сразу уничтожить, раздавить, возвратитъ къ небытію это жалкое существо. Что онъ можетъ возразить, что онъ можетъ привести въ свое оправданіе? Онъ понурилъ голову, молчитъ и ждетъ приговора. Какъ затравленный звѣрь, и здѣсь, въ загробномъ мірѣ онъ по старой привычкѣ пускается на свои крохотныя, земныя хитрости, онъ думаетъ—обмануть Всевѣдущаго. И его обличаютъ... Теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ погибъ безвозвратно. И вдругъ, въ послѣднюю минуту, изъ какой-то страшной, невѣдомой глубины человеческого духа подымается не мольба, а крикъ свободы, безумная жажда не справедливости, а любви.

Когда библейскій патриархъ на своемъ гноищѣ, изъ праха и пепла, когда Фаустъ Гете, Манфредъ или Каинъ Байрона обращаются съ этимъ крикомъ возмущенной совѣсти къ Верховному Судѣ, вы чувствуете, что они имѣютъ право на голосъ. Какъ высшіе духи, отъ лица человѣчества, отъ лица всего міра, должны предстать они передъ Невидимымъ. Но дикій полузвѣрь изъ глубины обледѣлыхъ тундръ, пьяный, уродливый, грязный якутъ—имѣетъ ли онъ такое же право на крикъ свободы и возмущенія, какъ древніе титаны человеческого духа? Да, имѣетъ!.. И даже еще большее право, потому что онъ—бессиленъ, дикъ, безобразенъ и, наперекоръ всему этому, онъ—*человѣкъ*, а не звѣрь, онъ—*образъ и подобіе Божіе на землѣ*. Воистину нѣтъ такой глубины паденія, изъ которой человѣкъ не имѣлъ бы права воскликнуть къ Своему Отцу: «Господи не суда Твоего хочу, а любви Твоей!»

Такія произведенія, какъ «Сонъ Макара», показываютъ, что духъ жизни, духъ русскаго народа еще не оглѣбѣлъ отъ нашей молодой литературы. Только на поверхности—упадокъ, омертвѣніе, холодъ, а тамъ въ глу-

бинѣ дремлетъ, Богъ знаетъ, сколько нетронутыхъ и невидимыхъ силъ. Только что наши поэты, даже какъ будто случайно, даже мимоходомъ, коснутся вѣчныхъ евангельскихъ идеаловъ народа,—у нихъ является неожиданное могущество, какъ у Антея, когда онъ касается родной земли: словно живая, теплая кровь вливается въ ихъ жилы... И они воскресаютъ.

Такое же чудо происходитъ иногда и съ другимъ современнымъ народникомъ, Глѣбомъ Успенскимъ.

Наши критики-реалисты превознесли его до небесъ. Наши эстетики смѣшали его чуть не съ грязью, или же высокомерно молчатъ, игнорируя его существованіе.

Несомнѣнно, что убійственное для всякой поэзіи, утилитарное повѣтріе коснулось Гл. Успенскаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ Некрасова. Успенскій какъ будто не смѣетъ отдаться вдохновенію, пишетъ подъ гнетомъ «злобы дня», пускается въ полемику вмѣсто того, чтобы трогать сердце читателя, думаетъ доказать цифрами и данными статистики то, что можно доказать только любовью и творчествомъ. У него есть тотъ непреодолимый *стыдъ красоты*, который я отмѣтилъ въ Некрасовѣ, который свойственъ и многимъ другимъ русскимъ писателямъ. Впрочемъ, недостатки Успенскаго слишкомъ ясны, чтобы стоило долго о нихъ говорить. Каждый поверхностный читатель можетъ ихъ легко опредѣлить. Я думаю, что даже поклонники Гл. Успенскаго согласятся съ тѣмъ, что у него нѣтъ ни одного стройнаго, гармонически-прекраснаго и законченнаго произведенія, какія есть, напр., у Некрасова.

Но—повторяю—и съ нимъ происходитъ то же чудо, какъ съ другими народниками, и онъ превращается въ истиннаго поэта, и его увлекаетъ та же великая, божественная сила любви къ народу.

Все, что Глѣбъ Успенскій говоритъ о гармоніи, о красотѣ земледѣльческаго быта («*Власть земли*»),—превосходно. Это настоящій комментарий къ одной изъ лучшихъ пѣсенъ Кольцова—«*Урожай*». Все это вытекаетъ не изъ политико-экономическихъ соображеній, а изъ творческаго духа поэта, близкаго къ народу. Здѣсь Успенскій какъ будто преодолѣлъ вѣчный аскетическій «стыдъ красоты» и сердцемъ понялъ, что она—не эпи-

право надѣяться на будущее. Живое взаимодействіе, примиреніе прошлаго и настоящаго—вотъ величайшая основа всякой культуры.

Много спорили о, такъ называемомъ, «субъективномъ методѣ» Михайловскаго. Доказывали его полную научную несостоятельность. Но, кромѣ способности точныхъ знаній, кромѣ чисто-философской абстрактной дѣятельности разума, въ человѣкѣ есть другая великая сила, создающая всѣ искусства, всѣ религіи, зажигающая искры вдохновенія въ ученыхъ и философахъ—*сила творческая*. Методъ субъективный есть методъ творческій.

Многіе считаютъ Михайловскаго исключительно позитивистомъ. Правда, онъ позитивистъ, какъ и большинство русскихъ критиковъ, въ отношеніи къ искусству и красотѣ. Онъ не хочетъ примириться съ высшимъ сознательнымъ и божественнымъ идеализмомъ, который, какъ многіе люди его поколѣнія, считаетъ реакціоннымъ возрожденіемъ отжившаго и суевѣрнаго мистицизма. Но въ своихъ молодыхъ статьяхъ о Дарвинѣ, о Спенсерѣ—онъ идеалистъ. Это—все тотъ же непотухающій огонь любви къ народу, который можно прослѣдить и у Гл. Успенскаго, и у Некрасова, и еще раньше у Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева. Когда приверженцы эволюціонной теоріи утверждали: человѣкъ «палецъ отъ ноги» общественнаго организма,—когда мнимые дарвинисты проповѣдывали: поѣдайте другъ друга, способствуйте благодатному закону естественнаго подбора—тогда и самый невѣжественный, самый жалкій изъ людей, носящихъ образъ и подобіе Божіе, имѣлъ бы полное нравственное право возстать на царей разума, на боговъ точнаго знанія и сказать имъ въ лицо: «да погибнетъ вся ваша наука, если она должна привести меня къ такому злодѣйству!» Вотъ почему диллетантъ Михайловскій говорилъ смѣло и гордо, говорилъ, какъ власть имѣющій, какъ *человѣку* прилично говорить даже съ *богами-олимпийцами* современной науки! Онъ не могъ и не долженъ былъ иначе говорить. Вся оригинальная сила его произведеній—въ ихъ глубокой и пламенной субъективности.

Но если онъ не ученый, не поэтъ, въ чемъ же, наконецъ, его значеніе? У Михайловскаго есть одна превос-

ходная статья о Лермонтовѣ. Критикъ отмѣчаетъ въ Лермонтовѣ черту необычайной *героической* воли, несокрушимую гордость и силу, что-то царственное, «*признакъ власти*».

Я думаю, что и въ безукоризненно-чистой и прекрасной литературной жизни такихъ людей, какъ самъ Н. К. Михайловскій, есть нѣчто *героическое*. Вотъ въ чемъ сила такихъ людей, вотъ въ чемъ тайна ихъ обаянія. Это не поэты, не ученые, не философы. Литературой, словомъ они не могутъ выразить лучшаго, что въ нихъ есть. Слово только тогда достигаетъ полноты своего дѣйствія, когда оно само для себя награда и цѣль, для нихъ же слово—только орудіе для работы или мечъ для борьбы, а цѣль—сама жизнь, т.-е. дѣйствіе воли на волю другихъ людей.

Явленіе рѣдкое въ концѣ XIX вѣка—человѣкъ абсолютно чуждый сомнѣній! Чтобы такъ безупречно вѣрить въ какую бы то ни было святыню, надо имѣть силу.

Мы живемъ въ странное время, похожее на оттепель. Въ самомъ воздухѣ какое-то нездоровое разслабленіе и податливость. Все таетъ... То, что было нѣкогда дѣвственнымъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ, превратилось въ грязственнымъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ, превратилось въ грязную и рыхлую массу. На водахъ—совсѣмъ тонкій, измѣническій ледъ, на который ступить страшно. И шуметь, и текутъ мутные, вешніе ручьи изъ самыхъ подозрительныхъ источниковъ.

Среди этой мучительной, грязноватой русской оттепели и распутицы, отрадно смотрѣть на спокойную силу, неизблемую твердость и незапятнанную чистоту такихъ людей, какъ Михайловскій. Вотъ человѣкъ! За 25 лѣтъ работы онъ не измѣнилъ себѣ ни однимъ движеніемъ, ни однимъ помысломъ, ни однимъ чувствомъ и не измѣнить до послѣдняго вздоха.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

И онъ посвятилъ этой святынѣ воистину рыцарское служеніе безъ страха и упрека. Слава такимъ безуко-

ризненнымъ «рыцарямъ Духа Святаго»,—по чудному выраженію Гейне. Ихъ немного у насъ на Руси, ихъ съ каждымъ днемъ все меньше, и мы не умѣемъ ихъ оцѣнить. Я знаю, наши эстетики проходятъ мимо такихъ людей съ пренебрежительной улыбкой. Эстетики! Богиня красоты могла бы сказать имъ, какъ нѣкогда Учитель сказалъ фарисеямъ: «Люди эти чтутъ меня устами своими, а сердце ихъ далеко отстоитъ отъ меня». Въ рыцарскомъ служеніи Михайловскаго такъ же, какъ въ «блѣдной, кнutomъ изсѣченной музѣ» Некрасова, есть высшая красота любви, и мертво, и холодно сердце у тѣхъ, которые не знали ея.

Но вотъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли лучшимъ представителямъ прошлаго, напр., Н. К. Михайловскому, прислушаться къ тому, что говоритъ современное поколѣніе? Иногда не кажется-ли отцамъ измѣной то, что въ дѣтяхъ только необходимый слѣдующій моментъ развитія? Кто знаетъ,—можетъ быть, Михайловскій нашелъ-бы не одну бездарность и самонадѣянность, а что-нибудь искреннее въ томъ, что говорятъ молодые, идущіе за нимъ. Я знаю, что Михайловскій имѣетъ полное право возразить: «Кто же эти молодые? Укажите на нихъ... Что они говорятъ? Я ихъ не слышу, я ихъ не знаю»...

Да, голосъ ихъ слабъ. Но хотя бы это былъ шопотъ, онъ есть. Мы, слабые, ничтожные люди, сегодня шопотомъ говоримъ другъ другу на ухо то, что геній будущаго заставитъ людей возвѣщать на кровляхъ и площадяхъ народныхъ. Развѣ въ первый разъ великое начинается съ малаго, съ отвергнутаго и осмѣяннаго?.. Помните евангельскую притчу о горчичномъ зернѣ. До сихъ поръ можно сказать, что въ сердцахъ человѣческихъ Божественный Идеализмъ подобенъ этому зерну горчичному, «которое человекъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ, которое хотя меньше всѣхъ семянъ, но, когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его».

Чѣмъ свободное удовлетвореніе мистической потребности современнаго человѣка противорѣчитъ идеаламъ Михайловскаго, Глѣба Успенскаго, Некрасова, идеаламъ

любви къ народу? Всему, что можно сказать противъ *внѣшнихъ* формъ, въ которыя облакался божественный идеализмъ, никто такъ не будетъ сочувствовать, какъ люди, стремящіеся къ его возрожденію. Но нельзя доказать, что мистическое чувство нераздѣльно и необходимо связано со своими ограниченными историческими формами. Только освободившись отъ нихъ окончательно, приобретаетъ оно для человѣчества то значеніе, какое должно и будетъ имѣть. Одинъ изъ глубочайшихъ родниковъ всемірной поэзіи—любовь къ народу—не можетъ происходить ни изъ какого утилитарнаго расчета, ни изъ какой политико-экономической необходимости, а только изъ свободной вѣры въ евангельскую святиню народа, только изъ божественнаго идеализма.

VI.

Современное литературное поколѣніе.

Жизнерадостному Гете случалось говорить: «нѣмецкій писатель—нѣмецкій мученикъ». Съ гораздо большимъ правомъ можно сказать: русскій писатель—русскій мученикъ.

В. М. Гаршинъ былъ въ полномъ смыслѣ мученикъ современной русской литературы. Тѣ, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ Гаршина, едва ли забудутъ его.

Подобныя лица для людей слишкомъ искренни. Въ глубокихъ глазахъ его никогда не потухалъ тревожный, упорный и какъ будто недоумѣвающий вопросъ. Съ этимъ вопросомъ, съ ласковой улыбкой на прекрасныхъ губахъ, своимъ тихимъ голосомъ онъ обращался равно ко всѣмъ. И всѣ любили его, словно предчувствуя, что онъ не долго съ нами, что это—слишкомъ чистое для людей созданіе Божіе.

Кто не помнитъ впечатлѣнія отъ самоубійства Гаршина? Послѣ мучительной борьбы со страхомъ приближающагося безумія онъ бросился черезъ перила въ пролетъ грязной петербургской лѣстницы—какая смерть!

Это настоящая современная трагедія, напоминающая бредъ изъ романовъ Достоевскаго.

Мы видѣли это знакомое прекрасное лицо уже на катафалкѣ въ сіяніи погребальныхъ свѣчей, въ маленькой часовнѣ, переполненной народомъ. Петербургская толпа съ особеннымъ вкусомъ умѣетъ хоронить своихъ литераторовъ. Собралась молодежь. И судьба представителя нашего скорбнаго поколѣнія казалась тогда для всѣхъ насъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ...

Помню, вокругъ лица усопшаго были свѣжіе цвѣты—и они шли къ нему, какъ идутъ къ молодой дѣвушкѣ. Онъ лежалъ тихій, почти радостный. Тревожный вопросъ, на который онъ всю жизнь искалъ и не нашелъ у людей отвѣта, потухъ въ глазахъ его. Недоумѣніе исчезло, и великое спокойствіе было на блѣдномъ лицѣ... Русский писатель—русскій мученикъ!

Всѣ произведенія Гаршина могли бы умѣститься въ одномъ томикѣ. Но зато эта маленькая книга едва ли когда-нибудь исчезнетъ изъ русской литературы. Въ ней есть художественное совершенство, т.-е. единственное, чего время и обстоятельства не могутъ разрушить.

Гаршинъ, даже послѣ своихъ великихъ предшественниковъ,—смѣлый новаторъ. Онъ безповоротно и окончательно порвалъ съ условными традиціями бытового реалистическаго романа, владычество котораго наполняетъ середину XIX вѣка и только теперь на нашихъ глазахъ понемногу начинаетъ слабѣть. Во всемъ, что онъ написалъ, отъ первой до послѣдней строки,—ни одного невѣрнаго звука. Абсолютная, безпредѣльная искренность, которая вызываетъ безпредѣльное довѣріе читателя. Въ такой поэзіи есть что-то священное и страшное, какъ въ исповѣди. Онъ создалъ языкъ особенный, еще небывалый, поражающій краткостью: изъ прозы Гаршина, какъ изъ лирическаго стихотворенія, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь. Въ концѣ вѣка, несмотря на подавляющее вліяніе предшественниковъ, великихъ создателей романа, Гаршинъ возвращается къ идеальной формѣ, преобладавшей въ началѣ XIX вѣка—къ лирической поэміи.

Но романтики начала вѣка воспѣвали идеальныхъ ге-

роевъ—гречанокъ, демоновъ, пиратовъ, фей. Гаршинъ для своихъ лирическихъ поэмъ въ прозѣ, которая впрочемъ совершенствомъ музыкальной формы не уступаетъ лучшимъ стихамъ, избираетъ героевъ менѣе всего идеальныхъ: это—неисцѣлимо больной и при томъ самой уродливой болѣзью—гангренѣй отъ флюса, проститутка, раненый, покинутый на полѣ сраженія рядомъ съ гниющимъ трупомъ, сумасшедшій. На грубую и жестокую дѣйствительность Гаршинъ не набрасываетъ поэтической дымки. Онъ ни передъ чѣмъ не останавливается, ищетъ правды, какой бы она ни была чудовищной, срываетъ всѣ покровы, обнажаетъ всѣ язвы. Рядомъ съ лирическимъ поэтомъ—въ немъ безпощадный физиологъ и натуралистъ. Получается дѣйствіе еще въ литературѣ небывалое. По контрасту обаятельнаго изящества формы съ невыносимымъ ужасомъ внутренняго содержанія—мы встрѣчаемъ нѣчто подобное только въ новеллахъ Эдгара Поэ.

Первый рассказъ Гаршина на военную тему «Четыре дня» явился послѣ Толстого. Но—несомнѣнный признакъ большой силы—онъ произвелъ впечатлѣніе новое, независимое отъ автора «Войны и Мира» и «Севастопольскихъ рассказовъ».

Гаршинъ прежде всего хочетъ выразить чувство имъ самымъ испытанное,—ужасъ передъ безсмыслицей и уродствомъ войны. Какъ поэтъ, какъ лирикъ, онъ жертвуетъ всѣмъ для охватившаго его, страстнаго порыва. Онъ идетъ прямо къ цѣли, не трата ни одного лишняго слова. Онъ отстраняетъ психологическіе мотивы, изображеніе характеровъ, мелочи обстановки. Я не знаю, кто этотъ раненый, забытый на полѣ битвы, каково его прошлое. Я только знаю, что онъ такой же человѣкъ, какъ я. И мнѣ довольно. Я ставлю себя на его мѣсто, или, лучше сказать, авторъ, забывъ мою личность, забывъ личность героя, заставляетъ меня переживать свои собственные ощущенія. Онъ даетъ мнѣ очень немного, но все, что даетъ, дѣйствуетъ неотразимо. Я никогда не забуду, съ какимъ чувствомъ этотъ интеллигентный, добрый человѣкъ, отправившійся на войну убивать людей изъ принципа современной нравственности, втыкаетъ

свой штыкъ въ тѣло ни въ чемъ неповиннаго турка. Уголокъ неба, кустарникъ, клочекъ земли—вотъ вся обстановка. Орывки воспоминаній. Здѣсь главное: *два символа*, два человѣка, живой и мертвый, палачъ и жертва, *Люди и Война*. Мало-по-малу этотъ зловонный, распухшій подъ знойнымъ солнцемъ трупъ въ солдатскомъ мундирѣ съ блестящими пуговицами дѣлается воплощеніемъ всего ужаса и безобразія *Войны*. Раненый рядомъ съ трупомъ—воплощеніе разумнаго человѣчества, начинающаго войну во имя стихійной любви къ родинѣ. Такимъ образомъ все, что испытываетъ безличныи, безымянный, невѣдомый человѣкъ, получаетъ для насъ глубокое значеніе, и натурализмъ въ описаніи страшнаго хода тлѣнія порождаетъ рядъ поэтическихъ символовъ. Реальная повѣсть превращается въ лирическую поэмѹ.

Достоевскій, Гончаровъ, Толстой дѣйствуютъ цѣлыми массами, громадными размѣрами своего художественнаго полотна, всею площадью поэтическаго кругозора. Гаршинъ, напротивъ, до послѣднихъ предѣловъ суживаетъ и ограничиваетъ поле своихъ дѣйствій. Онъ даетъ minimum образовъ и впечатлѣній, экстрактъ изъ обширнаго матеріала, котораго хватило бы другому на цѣлый романъ. Онъ не расширяетъ своей идеи, своего чувства до сложной человѣческой драмы, онъ упрощаетъ и сосредоточиваетъ ихъ въ одинъ художественный образъ. Дѣйствіе такой сосредоточенной лирической силы ограничѣнно, но глубже, чѣмъ дѣйствіе эпоса. Подобное произведеніе входитъ въ сердце читателя, какъ остріе. Оно гнется, кажется слабымъ и хрупкимъ. Но поэту и не нужно подавляющей силы. Дѣло въ томъ, что на самомъ концѣ острія есть у него капля смертельнаго яда. Это—ядъ мысли, ядъ того неразрѣшимаго сомнѣнія, которое довело Гаршина до безумія. И ему достаточно слабаго, почти нѣжнаго укола, чтобы ядъ вошелъ въ кровь и отравилъ самого читателя.

Такихъ лириковъ мало интересуютъ индивидуальныя особенности человѣческихъ характеровъ. Гаршинъ иногда совсѣмъ покидаетъ людей. Въ чудной поэмѣ «*Attalea princeps*» героиня—роскошная пальма. Ей хочется на волю изъ-подъ стекла оранжереи. Но слишкомъ нѣжное

растеніе юга не выдерживаетъ нашей суровой сѣверной свободы. Въ каждомъ словѣ разсказа вы чувствуете тотъ же возвышенный символизмъ, какъ въ послѣднихъ произведеніяхъ Тургенева. Реальная дѣйствительность для Гаршина—холодъ, который губитъ «*Attalea princeps*». Онъ самъ похожъ на это граціозное, слишкомъ нѣжное растеніе, созданное не для нашего безпощаднаго неба. Борьба гибкихъ зеленыхъ листьевъ съ желѣзомъ, безнадежная и неутолимая жажда свободы—все это символъ трагической судьбы самого поэта. Такая же лирическая поэма въ прозѣ—«*Красный Цвѣтокъ*». Никто еще не описывалъ сумасшествія съ болѣе ужасающимъ реализмомъ. Гаршинъ всей своей жизнью заплатилъ за страшный психіатрическій опытъ.

Зло міра заключено для безумца въ этомъ таинственномъ символѣ крови, невинно проливаемой, въ *Красномъ Цвѣтѣ*. Кто дерзнетъ сорвать его, уничтожить зло на землѣ, но самъ погибнетъ. Сумасшедшій герой приноситъ великую и бесполезную жертву, срываетъ цвѣтокъ и умираетъ за людей. Какъ жажда свободы въ «*Attalea princeps*», здѣсь великое самопожертвованіе любви приводитъ къ прекрасной, но никому не нужной смерти безумца. Съ какой нѣжностью и скорбью поэтъ развѣнчиваетъ идеалъ любви, идеалъ свободы!

Сердце Гаршина, какъ сердце этого безумнаго подвижника, жаждетъ неутолимо чудеснаго, жаждетъ Бога. Но недаромъ онъ написалъ гимнъ, хотя бы недоступимой, Свободѣ въ «*Attalea princeps*». Его мысль, его міросозерцаніе вышли цѣликомъ изъ отрицанія, изъ великаго освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Утилитарная теорія *земного* счастья, *земной* свободы не удовлетворяла религіозной потребности его сердца. Онъ сдѣлалъ все, чтобы убить эту глухую потребность, боролся съ ней до послѣдней капли крови, но не побѣдилъ. Поэтъ, имѣвшій несчастье родиться въ эпоху и въ странѣ, гдѣ отрицаніе сдѣлалось синонимомъ умственной независимости, былъ созданъ для вѣры, и только вѣра въ *безконечный идеалъ* могла спасти его. Но мистическое чувство, какъ почти всѣ люди его поколѣнія, онъ считалъ трусливымъ отступничествомъ, рабствомъ, возвра-

щеніемъ къ старымъ цѣпамъ. Роковая ошибка! Его душа, слабая и женственная, не вынесла этого мучительнаго раздвоенія. Трагическое противорѣчіе XIX вѣка, которое мы уже видѣли въ Толстомъ и Достоевскомъ—потребность вѣрить,—невозможность вѣрить,—въ Гаршинѣ доходитъ до послѣдней крайности, до предѣловъ безумія.

Незадолго передъ смертью онъ прочелъ рассказъ Чехова «Степь», и съ радостью привѣтствовалъ новый талантъ. Онъ искренно восторгался его непосредственнымъ чувствомъ природы, здоровьемъ, спокойною любовью къ жизни, увѣрялъ, что «Степь» какъ будто исцѣлила и на минуту заставила его позабыть страданія.

Въ самомъ дѣлѣ, Гаршинъ глубже, чѣмъ кто либо, по закону психологической противоположности, долженъ былъ почувствовать силу Чехова. Трудно найти болѣй контрастъ художественныхъ темпераментовъ.

Гаршинъ не интересуется людьми и мало знаетъ ихъ. Чеховъ любитъ и знаетъ людей. Гаршинъ погруженъ въ себя, сосредоточенъ въ одномъ неразрѣшимомъ вопросѣ о правдѣ, о жизни и смерти; Чеховъ—съ безпечностью художника отдается многозвучнымъ, разнообразнымъ впечатлѣніямъ природы и жизни; Гаршинъ, какъ Достоевскій,—поэтъ Петербурга, онъ вышелъ изъ душевной комнатной атмосферы, онъ жаждетъ и боится, какъ «Attalea princeps», вольнаго воздуха, онъ далекъ отъ природы; для Чехова природа—источникъ всей его силы, крѣпости и здоровья, онъ—*не петербургскій*. Авторъ «Степи»—изъ глубины Россіи. Гаршинъ почти исключительно рисуетъ одинъ характеръ раздвоеннаго и болѣзненнаго современнаго человѣка. Чеховъ лучше всего умѣетъ изображать людей простыхъ, непосредственныхъ, мало думающихъ и глубоко чувствующихъ; Гаршинъ самъ боленъ; у Чехова избытокъ даже слишкомъ крѣпкаго, можетъ быть, къ несчастію для него, нѣскольکو *равнодушнаго здоровья*. Благодаря своему здоровью онъ мало воспріимчивъ ко многимъ вопросамъ и теченіямъ современной жизни.

И несмотря на эту полную противоположность темпераментовъ, вы сразу чувствуете, что Гаршинъ и Чеховъ—дѣти одного поколѣнія.

Чеховъ, подобно Гаршину, откидываетъ все лишнее, всю беллетристическую шелуху, любезную критикамъ, возобновляетъ благородный лаконизмъ, плѣнительную простоту и краткость, которыя дѣлаютъ прозу сжатою, какъ стихи. Отъ тяжеловѣсныхъ бытовыхъ и этнографическихъ очерковъ, отъ дѣловыхъ бумагъ позитивнаго романа онъ возвращается къ формѣ идеальнаго искусства, не къ субъективно-лирической, какъ у Гаршина, а маленькой *эпической* поэмѣ въ прозѣ.

Нѣкоторые люди какъ будто рождаются путешественниками. У Чехова есть эта жадность къ новымъ впечатлѣніямъ, любопытство путешественниковъ. Умъ его трезвый и спокойный, можетъ быть для современнаго поэта даже *слишкомъ* трезвый и спокойный. Но его спасаетъ художественная чувствительность, неисчерпаемая, очаровательная, какъ у женщинъ и дѣтей,—и (къ счастью для слишкомъ здороваго, равнодушнаго художника) можно сказать, *болѣзненно-утонченная*. Онъ замѣчаетъ неуловимое. На нервахъ поэта отзывается каждый трепетъ жизни, какъ малѣйшее прикосновеніе—на листьяхъ нѣжнаго растенія. И эта жадная впечатлительность вѣчно стремится къ новому и неиспытанному, ищетъ никѣмъ неслышанныхъ звуковъ, невиданныхъ оттѣнковъ въ самой будничной знакомой дѣйствительности. Чехову, какъ и Гаршину, не надо обширнаго полотна картины. Въ мимолетныхъ настроеніяхъ, въ микроскопическихъ уголкахъ, въ атомахъ жизни поэтъ открываетъ цѣлыя міры, никѣмъ еще неизслѣдованные. Умъ художника спокоенъ, но нервы его такъ же чувствительны, какъ слишкомъ напряженныя струны, которыя, при малѣйшемъ дуновеніи, издаютъ слабый и плѣнительный звукъ.

Иногда взбираешься по скучной петербургской лѣстницѣ куда-нибудь на пятый этажъ: чувствуешь себя раздраженнымъ уродливыми и глупыми житейскими мелочами. И вдругъ, на поворотѣ, изъ пріотворенныхъ дверей чужой квартиры донесутся звуки фортепьяно. И Богъ знаетъ, почему именно въ это мгновеніе, какъ никогда прежде, волны музыки сразу охватятъ душу. Все кругомъ озаряется какъ будто сильнымъ и неожиданнымъ свѣтомъ, и понимаешь, что никакихъ въ сущности

огорчений, никаких житейских забот нѣтъ и не было, что все это призракъ, а есть только одно въ мірѣ важное и необходимое, то, о чемъ случайно напомнили эти волны музыки, то, что во всякое мгновеніе можетъ такъ легко и неожиданно освободить человѣческое сердце отъ бремени жизни.

Такъ дѣйствуютъ маленькія поэмы Чехова. Поэтический порывъ мгновенно налетаетъ, охватываетъ душу, вырываетъ ее изъ жизни и такъ же мгновенно уносится. Въ неожиданности заключительнаго аккорда, въ краткости—вся тайна неопредѣлимаго никакими словами музыкальнаго очарованія. Читатель не успѣлъ опомниться. Онъ не можетъ сказать, какая тутъ идея, насколько полезно или вредно это чувство. Но въ душѣ остается *свѣжесть*. Словно въ комнату внесли букетъ живыхъ цвѣтовъ, или только что вы видѣли улыбку на миломъ женскомъ лицѣ...

Этимъ разрушеніемъ условной беллетристической формы повѣсти или романа, этой обнаженной простотой и сжатостью прозы, напоминающей стихи, любопытствомъ къ неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ, жадностью къ новой красотѣ Чеховъ примыкаетъ къ современному поколѣнію художниковъ. Мы видѣли, что Гаршинъ дѣйствуетъ символами. Чеховъ—одинъ изъ вѣрныхъ послѣдователей великаго учителя Тургенева на пути къ новому грядущему идеализму, онъ такъ же, какъ Тургеневъ, *импрессионистъ**). Къ тому же теченію примыкаетъ и современная стихотворная поэзія, изъ многихъ талантливыхъ представителей которой я возьму, какъ наиболѣе характерныхъ для моего изслѣдованія, К. М. Фофанова и Н. М. Минскаго.

*) Здѣсь въ моемъ изложеніи—неполнота и незаконченность почти непоправимыя. Кромѣ Гаршина и Чехова, у насъ есть другіе талантливые представители современной русской художественной прозы. Я не буду пытаться опредѣлить, я только намекну на тѣ особенныя черты, которыя присоединяютъ ихъ къ теченію *Современнаго Идеализма*. П. Д. Боборыкинъ, кажется, одинъ изъ первыхъ ввелъ въ Россію приемы западно-европейскаго экспериментальнаго романа. Насколько было возможно, онъ освободилъ этотъ условный родъ беллетристики отъ тяжеловѣсной скуки и придавъ ему изящную легкость. Но великое современное теченіе коснулось и русскаго натуралиста. Въ едва ли не лучшимъ изъ всѣхъ произведеній Боборыкина, романъ-дневникъ *«Передъ чьмъ-то»* (въ *«Свѣ. Вѣстн.»*),

На одной изъ художественныхъ выставокъ я наблюдалъ съ удовольствіемъ крайнее недоумѣніе разсудитель-

умный, чуткій и талантливый наблюдатель современной жизни окончательно порываетъ съ традиціями условнаго натурализма. Вѣроятно, наши рецензенты не оцѣняютъ этого произведенія, какъ всего слишкомъ оригинальнаго и новаго. Борьба мятежнаго пессимизма Шопенгауера съ пантеистическимъ примиреніемъ Спинозы—въ душѣ современнаго человѣка, въ мрачной, грозовой и болѣзненной атмосферѣ 90-хъ годовъ—изображена съ такою силою возвышеннаго смѣлаго идеализма, до которой немногіе изъ нашихъ современныхъ писателей достигаютъ. Съ другимъ прозаикомъ *Г. И. Ясинскимъ* произошелъ столь же характерный, внутренний переворотъ. У прежняго натуралиста, обращеннаго въ идеализмъ, осталось многостороннее и безотрадное познаніе людей, горькій и насмѣшливый опытъ, умѣніе рисовать сѣрый фонъ жизни. Но надо всѣмъ этимъ, какъ иногда тѣни высочайшихъ облаковъ надъ скучнымъ, пыльнымъ и суетнымъ городомъ, пролетаютъ вѣянія какого-то мрачнаго и обаятельнаго мистицизма, которыя придаютъ произведеніямъ Ясинскаго таинственную прелесть. Онъ тоже импрессионистъ, какъ Чеховъ. Я могъ бы прослѣдить вліяніе самыхъ глубокихъ и болѣзненныхъ страницъ Достоевскаго на талантливыхъ психологическихъ, иногда психіатрическихъ изслѣдованіяхъ современнаго безвѣрія, вырожденія, сплина и нейрастеніи 80-хъ годовъ у *А. Львова* и *кн. Голицына (Дм. Муравина)*. Мнѣ кажется также весьма характернымъ, что авторъ *«Гнилыхъ Болотъ»* и *«Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ»*, *А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ)*, знатокъ и талантливый бытописатель петербургскаго мелкаго чиновничества и буржуазіи, такъ хорошо владеющій мягкими красками городской будничной идилліи, чувствуетъ потребность покинуть знакомую обстановку, изъ современнаго Петербурга перенестись ни болѣе ни менѣе, какъ въ древнюю Персію временъ царя Артаксеркса, въ міръ патриархальной фантазіи. Онъ пишетъ великолѣпную экзотическую картину, пишетъ романъ—поэму на библейскую тему—*Эсфирь*. Въ этой области *А. Львовъ* всю жизнь оставался вѣрнымъ себѣ. Огромный талантъ—самородокъ, вѣчно-неожиданный, оригинальный, близкій къ духу народа, онъ слишкомъ мало оцѣненъ нашей поверхностной критикой. Его мистическія легенды изъ *«Пролога»*—очаровательны. Какая неувыдаемая свѣжесть, какая наивная и младенческая грація! Эти тысячелѣтніе, засохшіе цвѣты, съ едва замѣтнымъ слабымъ ароматомъ, заложенные между пыльными пергаментными страницами древне-церковныхъ или раскольничьихъ книгъ,—подъ перомъ художника, какимъ-то чудомъ, вдругъ оживаютъ, распускаются, вспыхиваютъ вешними красками, какъ только что расцвѣтшіе, какъ только что сорванные!.. Читатель можетъ, хоть отчасти, судить по этой бѣглой замѣткѣ, какъ всѣ литературные темпераменты, всѣ направленія, всѣ школы охвачены однимъ порывомъ, волною одного могучаго и глубокаго теченія, *предчувствіемъ божественнаго идеализма*, возмущеніемъ противъ бездушнаго, позитивнаго метода, неутолимой потребностью новаго религіознаго или философскаго примиренія съ *Непознаваемымъ*. Всеобъемлющая широта и сила этого страстнаго, хотя еще неопредѣленнаго и непризнаннаго, теченія заставляетъ вѣрить, что ему принадлежитъ великая будущность.

ныхъ буржуазныхъ лицъ передъ одной картиной Рѣпина. Это былъ портретъ Фофанова. Художникъ удачно помѣстилъ фигуру поэта на легкомъ дымчато-лазурномъ фонѣ. Фофановъ гордо и наивно подымаетъ къ своему лирическому небу уродливое и вдохновенное лицо. Какое странное видѣніе—для петербургскихъ чиновниковъ и практическихъ барышень! На устахъ у многихъ изъ нихъ я замѣтилъ недовѣрчивую, даже насмѣшливую улыбку. А между тѣмъ на этомъ изможденномъ лицѣ было то, чего нѣтъ и никогда не будетъ на многихъ цвѣтущихъ здоровьѣхъ, благоразумныхъ лицахъ. Чувствовалось съ перваго взгляда, что это «*Божьей милостью поэтъ*».

Перечтите помѣщенные въ «Русскомъ Обозрѣніи» письма Фета. Вы познакомитесь съ весьма интереснымъ типомъ русскаго эстетика и эпикурейца. Оказывается, что авторъ «Шопотъ, робкое дыханье» весьма дѣловитый и опытный помѣщикъ. Какъ онъ солидно и практично разсуждаетъ о хозяйствѣ, о капиталахъ, о процентахъ. Въ его дѣловыхъ взглядахъ—довольно странная для поэта практическая сухость. Съ первыхъ словъ этихъ автобіографическихъ писемъ вы чувствуете, что передъ вами—человѣкъ слишкомъ щедро одаренный житейской мудростью, очень себѣ на умѣ и менѣ всего наивный. Но въ скучномъ, никому неинтересномъ помѣщикѣ таится другой Фетъ, котораго мы знаемъ и любимъ. Очевидно, между Фетомъ человѣкомъ и Фетомъ художникомъ нѣтъ никакой внутренней связи, и, конечно, это не служитъ ко благу художника. Такъ называемое и едва ли основательно реакціонными критиками прославленное «чистое искусство» Фета—только благородное и невинное украшеніе помѣщичьяго досуга (*otium*), дилетантизмъ человѣка, проводящаго въ деревенскомъ уединеніи между Шопенгауеромъ, Гораціемъ и хозяйственными счетами пріятную жизнь. Да, умѣренное эпикурейское служеніе искусству не требуетъ самопожертвованія и героизма, но едва ли наши реакціонные эстетики не преувеличили значенія и долговѣчности подобнаго искусства.

Фофановъ прежде всего не эпикуреецъ, подобно Фету, съ которымъ только по внѣшности онъ имѣетъ нѣкоторое

сходство. Красота для него—можетъ быть, губительное и страшное наслажденіе, но во всякомъ случаѣ не мирный отдыхъ, не роскошь. Фофановъ, подобно Гаршину, мученической любовью полюбилъ красоту и поэзію, для него это вопросъ жизни и смерти.

Если вы ищете здоровья въ искусствѣ, вамъ не надо и заглядывать въ произведенія Фофанова. Я не знаю въ русской литературѣ поэта болѣе неровнаго, болѣзненнаго и дисгармоническаго. Ничего не стоитъ вышутить и обнаружить его комическія стороны. Едва ли у него найдется и одно стихотвореніе, отъ первой до послѣдней строки вполне выдержанное. Холодно или враждебно настроенный критикъ выберетъ изъ произведеній Фофанова множество дикихъ и нелѣпыхъ стиховъ. Но рядомъ съ ними встрѣчаются проблески вдохновенія высокаго. Это—поэзія рѣзкихъ и мучительныхъ диссонансовъ. Это—поэтъ городской,—порожденіе тѣхъ самыхъ безнадежныхъ петербургскихъ тумановъ, изъ которыхъ вышли полубезумные и таинственные герои Достоевскаго. За каждымъ его вдохновеніемъ вы чувствуете смутный гулъ никогда не засыпающей столицы, похожій на бредъ—въ сумракѣ бѣлыхъ ночей, одиночество бѣдныхъ меблированныхъ комнатъ, которое доводитъ всѣми покинутыхъ людей до отчаянія, до самоубійства, декорацію грязныхъ улицъ Петербурга, которая вдругъ, въ извѣстный часъ вечера, при извѣстномъ отгбнкѣ туманной зари, смѣшанномъ съ голубоватымъ отблескомъ электричества, дѣлаются похожими на фантастическій и мрачный сонъ. Вы начинаете вѣрить, что это—вовсе не шутка, когда поэтъ говоритъ вамъ о страхѣ безумія, о своей болѣзни, о нищетѣ, о гибели, что въ самомъ дѣлѣ, въ рукѣ, писавшей подобныя строки, была лихорадочная дрожь, что поэтъ, говорящій о голодѣ, знаетъ по опыту, что такое голодъ. Между приемами вамъ слышатся живые стоны живого человѣка. Вотъ, что всего дороже въ поэзіи, вотъ, за что можно все простить. За эти капли теплой человѣческой крови, прямо изъ сердца упавшія на страницы книги, можно простить и дикость образовъ, и неуклюжесть формы, и наивныя описанія тропической природы, составленныя по школьнымъ учебникамъ географіи.

Столица бредила въ чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей,
Общественныхъ каретъ болтливые звонки
Мѣшались съ лязгомъ экипажей,
Движенью пестрому не видѣлось конца,
Ночныя сумерки сползали,
И газовыхъ рожковъ блестящія сердца
Въ зеркальныхъ окнахъ трепетали.

Это — гдѣ-нибудь на углу Большой Садовой, это — самые прозаическіе магазины Гостиного Двора. Вообразите себѣ въ будничной толпѣ, рядомъ «съ куплей и продажей», неожиданное явленіе, что-то въ родѣ средне-вѣковаго миннезингера — поэта съ блѣднымъ, изможденнымъ и страстно-мечтательнымъ лицомъ. Какъ онъ вѣрится въ свое божественное назначеніе! Нужна сила, чтобы съ такимъ забвеніемъ окружающей дѣйствительности проповѣдывать въ современной петербургской толпѣ:

Вселенная во мнѣ, и я въ душѣ вселенной,
Сроднило съ ней меня рожденіе мое,
Въ душѣ моей горитъ огонь ея священный,
А въ ней всегда мое разлитое бытіе
.....
Покуда я живу, вселенная сіяетъ,
Умру, со мной умретъ безтрепетно она;
Мой духъ ее живить, живить и согрѣваетъ,
И безъ него она ничтожна и темна.

Попробуйте не согласиться съ поэтомъ или осмѣять его. Вполнѣ безоруженъ и вполнѣ неуязвимъ, онъ даже не пойметъ вашего смѣха, и въ томъ — его красота и цѣльность, что онъ не понимаетъ возможности сомнѣнія или комизма. Онъ говоритъ, какъ наивный ребенокъ и «какъ власть имѣющій», какъ человѣкъ не отъ міра сего. Я согласенъ, что это неровные, если хотите, порода-ксальные стихи. Но они выстраданы, въ нихъ есть трепетъ жизни. Это не идеально-совершенная, тонкая филигранная работа лирика-эпикурейца, дилетанта-помѣщика, Фета. За каждый стихъ, за каждое, можетъ быть, неумѣлое слово поэтъ заплатить всей своею кровью, нищетой и слезами, жизнью и смертью. Развѣ вы не чувствуете, что это человѣкъ искренній? Вотъ, что плѣнительно! И

Гаршинъ былъ искреннимъ, говоря о своемъ сумасшествіи, и Надсонъ, говоря о своей смерти. Можетъ быть, это — люди слабые и даже отъ слабости погибшіе. Но они все-таки дали искусству что-то небывалое, что-то *свое*, они довели до послѣднихъ предѣловъ нашу современную скорбь и нашу потребность вѣры. Фофановъ, подобно Гаршину, почти не знаетъ людей, мало знаетъ природу. Его картины однообразны: вѣчно — «янтарныя зори», «брилліантовые звѣзды», «душистыя росы», «бѣлыя ночи», въ сущности довольно устарѣлый арсеналь. Но вѣдь подобнаго лирика привлекаетъ не сама природа, а то, что лежитъ тамъ, за предѣломъ ея. Какъ неловко онъ смѣшиваетъ черты пейзажа, подмѣченные гдѣ-нибудь на Черной Рѣчкѣ или въ Новой Деревнѣ, съ фантастическими оттѣнками своего внутренняго міра, съ царствомъ фей. Всѣ предметы, всѣ явленія для него въ высшей степени *прозрачны*. Онъ смотритъ на нихъ, какъ на одушевленные іероглифы, какъ на живые символы, въ которыхъ скрыта божественная тайна міра. Къ ней одной онъ стремится, — ее одну онъ поетъ! Въ современной, бездушной толпѣ это больше, чѣмъ мистикъ, это — *ясновидящій*, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и странныхъ людей, которыхъ древніе называли «*vates*».

Нигдѣ такъ не чувствуешь прелести весны, какъ въ Петербургѣ. Надо прожить семь, восемь мѣсяцевъ въ душной комнатѣ безъ воздуха, безъ солнца, безъ листьевъ, чтобы понять, какая это радость, какое умиленіе — наша сѣверная весна.

Городскую поэзію Фофанова можно бы сравнить съ благоуханіемъ только что распустившихся деревьевъ между стѣнами петербургскихъ домовъ. Среди болѣзни, лихорадочнаго бреда, нищеты, спертая комнатнаго воздуха, тяжелаго сплина, близкаго къ сумасшествію, вы почувствуете вдругъ эту робкую, безпомощную ласку неумирающей поэтической молодости, вѣчной весны. У немногихъ счастливыхъ и здоровыхъ поэтовъ она кажется такой упоительной!

Представитель другого теченія въ современной русской поэзіи — Минскій. Фофановъ непосредственный, почти безсознательный талантъ. Вліяніе культурной среды — на

него ничтожно. И если хотите, въ этомъ—непоправимая слабость Фофанова, которая навѣки ограничиваетъ кругъ его дѣятельности. Онъ никогда не вырвется изъ заколдованнаго сна, изъ царства фей, не вступитъ въ современную умственную жизнь. Минскій—поэтъ мысли и—какъ ни странно сочетаніе этихъ двухъ словъ, оно вполне возможно въ новой литературѣ—поэтъ-критикъ.

Развитіе его таланта весьма характерно для исторіи современнаго поколѣнія. Началь онъ съ подражаній Некрасову, съ такъ называемыхъ «гражданскихъ» мотивовъ поэзіи. Это была довольно неудачная и слабая попытка. Въ его «Пѣсняхъ о родинѣ», въ «Бѣлыхъ ночахъ» едва ли найдется хоть одна строка, которая могла бы напомнить могучую, страстную и гнѣвную поэзію Некрасова. Все въ этихъ гражданскихъ монологахъ—холодно и напыщенно. А между тѣмъ изъ произведеній Минскаго только «Пѣсни о родинѣ» и «Бѣлыя ночи» имѣли внѣшній успѣхъ. Критики-публицисты почувствовали здѣсь родственную банальность, студенты и курсистки, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, переписывали изъ «Вѣстника Европы» въ отдѣльные альбомы и тетради:

О, родина моя, о, родина терзаній!

Но вотъ искренній, оригинальный поэтъ проснулся въ холодномъ гражданскомъ риторѣ, и Минскій, свернувъ съ гладкой, большой дороги, нашелъ свою уединенную, тернистую и опасную тропинку. Это глубоко-современное внутреннее перерожденіе, хорошо знакомое людямъ 80-хъ годовъ, онъ самъ описалъ въ интересной книгѣ, потерпѣвшей полную неудачу, осмѣянной и, такъ сказать, растоптанной всѣми литературными партіями. Она озаглавлена нѣсколько вычурно «*При свѣтѣ совѣсти*». Несмотря на газетно-журнальные гоненія, книга эта обратила на себя вниманіе немногихъ чуткихъ людей, и, кто знаетъ, можетъ быть, она послужитъ любопытнымъ документомъ будущему историку русскаго мистическаго движенія въ концѣ XIX вѣка. Меня мало интересуетъ метафизическая система Минскаго, это—странный вымыселъ поэта, оригинальное возрожденіе пламеннаго гностицизма древней Александріи III и IV вѣка въ современномъ Петербургѣ,

между Буренинымъ и Скабичевскимъ. Но мнѣ кажется глубоко искренней и весьма знаменательной для умственной эпохи, переживаемой нами, исповѣдь поэта. Здѣсь та же скорбь, то же мучительное безпокойство и страстная потребность новаго идеализма, какъ у всѣхъ молодыхъ писателей: у Гаршина, Фофанова, Чехова. То, что было святыней прошлаго поколѣнія, народническій реализмъ, гражданскіе мотивы въ искусствѣ, вопросы общественной справедливости вовсе не исчезаютъ для людей современнаго поколѣнія, подобныхъ Минскому: они только переносятся на болѣе широкую арену. Вопросы о безконечномъ, о смерти, о Богѣ, все, что позитивисты хотѣли насильно отвергнуть, все, что является у Толстого, Тургенева, Достоевскаго въ такой обаятельной и художественной формѣ, возникаетъ снова, но уже безъ прежней красоты, почти безъ образовъ, во всей своей трагической наготѣ, обостренное, невыносимо-мучительное—въ философскомъ трактатѣ, похожемъ на исповѣдь, и философской лирикѣ, похожей на страницы изъ дневника чловѣка, больного медленной, но смертельной болѣзнью.

Это—старая, неизлѣчимая болѣзнь XIX вѣка. Предвидѣлъ и точно разсказалъ ея симптомы, еще въ тридцатыхъ годахъ, самый благородный и возвышенный изъ русскихъ лириковъ-философовъ—Е. А. Баратынскій.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!

О, жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ:

Все тутъ, да тутъ и чловѣкъ, и свѣтъ,

И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.

И поэтъ, мученикъ мысли, завидуетъ беззаботному артисту-эпикурейцу, который черпаетъ забвеніе въ чувственной красотѣ,—владеетъ красками, звуками, мраморомъ.

Есть хмель ему на праздникъ мірскомъ.

Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,

Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

Разрушительная, безнадежная и все-таки вдохновенная діалектика преобладаетъ у Минскаго надъ непосредственнымъ чувствомъ.

Эта поэзія не общаетъ никакой радости, не заботится

о томъ, чтобы плѣнить или понравиться; нѣтъ, она, скорѣе, уязвляетъ сердце, причиняетъ ему боль. Ея вдохновение въ тонкой, незамѣтной для толпы, высшей *ироніи*, въ ненависти къ старымъ богамъ! Мысль въ такой поэзіи является безъ покрововъ, безъ образовъ, почти безъ красоты, холодная, обнаженная, по выраженію Баратынскаго, «острая, какъ лучъ», и дерзновенная. И все въ жизни передъ ней отступаетъ, все разлагается и блѣднѣетъ, — любовь, вѣра, сама поэзія. Но въ концѣ концовъ, послѣ ироніи, послѣ отрицанія, въ душѣ поэта остается то, чего мысль не могла разрушить, то, передъ чѣмъ сама она разлагается и блѣднѣетъ: это — скорбь о невозможной святинѣ, безнадежная потребность вѣры, неутолимая жажда Бога:

Лишь то, что мы теперь считаемъ празднымъ сномъ,
Госка неясная о чемъ-то неземномъ,

Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святинь, которыхъ нѣтъ;

Одно лишь это чуждо тѣбѣ...

.....
И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,

Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,

Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей — такой же прахъ, какъ онъ,

Благоговѣли иль дрожали.

Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали,

Несуществующій и вѣчный,

Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ

Среди пустыни безконечной.

Публика наша до сихъ поръ съ младенческимъ недоумѣніемъ внимаетъ философскому языку. Она или чувствуетъ, или разсуждаетъ, но не научилась *мыслить*. Самая глубокая и страстная поэзія мысли ей почти недоступна. Наши критики не умѣютъ отличить разсудочной риторики отъ выстраданной и вдохновенной идеи поэта-философа.

Лучшая похвала такому писателю, какъ Минскій, та, которой Пушкинъ почтилъ непонятаго и отвергнутого русской критикой Баратынскаго: «онъ оригиналенъ, ибо мыслить... онъ шелъ своею дорогою, одинъ и независимъ» *).

*) И здѣсь поневолѣ мнѣ приходится оставить весьма важные пробѣлы въ моемъ очеркѣ. Я выбралъ только двухъ представителей современной русской поэзіи, какъ наиболѣе характерныя явленія того литературнаго поворота къ идеализму, которымъ я занимаюсь. Если бы задача моя заключалась въ болѣе подробномъ изученіи поэзіи, я долженъ бы начать съ произведеній истинныхъ преемниковъ Пушкина и Лермонтова, я долженъ бы показать, какъ возвышенный идеализмъ XIX вѣка отразился на олимпійски-лучезарной, могучей и блаженной поэзіи *А. Н. Майкова*, *Я. П. Полонскаго*, *Мая* и въ особенности *Тютчева*. Значеніе Фета нѣсколько преувеличено. Тонкіе цѣнители поставятъ, конечно, выше Фета менѣе признаннаго, но болѣе глубокаго поэта-философа, неподражаемо-прекраснаго Тютчева. Это не пѣвецъ толпы, это — *пѣвецъ пѣвцовъ*. Такой же искренній и непосредственный лирикъ *Я. П. Полонскій*. Недаромъ Тургеневъ любилъ его и понималъ. Это одинъ изъ немногихъ современныхъ людей, сохранившихъ съ природою древнюю, священную и таинственную связь. Въ его лучшихъ пѣсняхъ, по-моему, больше сумеречнаго, *безмалолюбно-прекраснаго*, похожежаго на откровенія природы, чѣмъ въ искусственно-филигранной и довольно слащавой лирикѣ Фета. Къ старшему поколѣнію поэтовъ принадлежитъ еще одинъ писатель, который стоитъ между ними особнякомъ — *А. П. Плещеевъ*. Его поэзія отличается удивительной простотой и ясностью формы. Нѣкоторые ошибочно принимаютъ эту простоту за бѣдность. Дѣти иногда лучше судятъ въ поэзіи («*Будьте просты, какъ дѣти*» относится и къ области красоты) — не даромъ такъ любятъ и такъ вѣрятъ, когда Плещеевъ съ ними говоритъ. Это — муза нѣжной и покорной меланхолии, того, что Шиллеръ называлъ *Resignation*, муза русской печали. Она недоступна пресыщеннымъ, скептически-равнодушнымъ эстетикамъ, ее поймутъ только люди очень простые, даже нѣсколько наивные въ поэзіи и «*чистые сердцемъ*». Лучше всего то въ стихахъ *А. Н. Плещеева*, что вы невольно чувствуете въ нихъ свѣтлую, тихую и прекрасную душу человеческую. Я могъ бы остановиться на *С. Я. Надсонѣ*, который, впрочемъ, уже вполнѣ оцѣненъ и понятъ нашими рецензентами. Сознаніе болѣзненнаго безсилія, разочарованіе въ утилитарныхъ идеалахъ, страхъ передъ тайною смерти, тоска безвѣрія и жажда вѣры — всѣ эти современные мотивы Надсона произвели быстрое и глубокое впечатлѣніе даже не столько на *молодое*, какъ на *отроческое* поколѣніе 80-хъ годовъ. Я долженъ бы указать на то, какъ возрожденіе свободнаго религіознаго чувства отразилось въ лучшемъ изъ произведеній г. *Апухтина* — «*Годъ въ монастырѣ*», *Апухтина*, одного изъ самыхъ нѣжныхъ, изящныхъ и благородныхъ преемниковъ Полонскаго и Тютчева. Наконецъ, я долженъ бы отмѣтить, какъ великое *успокоеніе въ природѣ*, примиреніе съ жизнью и смертью, то глубочайшее русское смиреніе, которое напоминаетъ божественную *Нирвану* Бодизатвы, вдохновляетъ лучшія произведенія Гр. *Голенищева-Кутузова*, какъ, напр. «*Разсвѣтъ*», эту чудную поэму, совершенно непонятую и не оцѣненную критиками. Если бы всѣ эти разрозненныя явленія, еще до сихъ поръ не свя-

Въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ замѣчаетъ: «у насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т.-е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ». Пушкинъ писалъ это въ 31 году. Черезъ 60 лѣтъ можно повторить его отзывъ въ примѣненіи къ современной русской литературѣ. Мы выйдемъ изъ этого всеобщаго недоразумѣнія, изъ этого литературнаго хаоса только въ томъ случаѣ, если, наконецъ, прекратится порабощеніе искусства безплоднымъ *евнухамъ поэзіи*, — критикамъ-публицистамъ, если раздастся искренній голосъ художника объ искусствѣ.

С. А. Андреевскій, по своему художественному temperamentу, — истинный поэтъ-критикъ. Въ его стихотвореніяхъ есть иногда женственная прелесть и грація, но все-таки онъ болѣе самостоятельный и оригинальный художникъ въ своихъ критическихъ работахъ. Его превосходныя монографіи русскихъ писателей — Тургенева, Лермонтова, Толстого, Баратынскаго, Некрасова, Достоевскаго — похожи на портреты, набросанные быстрыми, воздушно-легкими штрихами карандаша, но удивительные по живому сходству съ оригиналомъ, изящной простотѣ и проникновенію въ личность писателя. Если хотите, это — все тотъ же глубоко-современный родъ литературы, — сжатые маленькія поэмы въ прозѣ, какъ рассказы Чехова и Гаршина, только поэмы критическія. Во всякомъ случаѣ, какъ не похожи онѣ въ своемъ благородномъ, художественномъ *лаконизмѣ* на многословные, отменно длинные и тяжеловѣсные трактаты нашихъ присяжныхъ критиковъ-публицистовъ, пишущихъ сло-

занные и не разработанные ни однимъ изслѣдователемъ, соединить въ одну живую картину, въ одно громкое и непреложное свидѣтельство, можетъ быть, и самый скептический читатель почувствовалъ бы, какъ много скрытыхъ силъ дремлетъ въ современной русской поэзіи.

гомъ политическихъ передовыхъ статей. Впечатлѣніе отъ прекраснаго можно передать только прекраснымъ языкомъ, а не уродливымъ, бездушнымъ «волапокомъ» газетно-журнальных отчетовъ. Когда, напр., г. Скабичевскій восторгается Некрасовымъ или Лермонтовымъ, онъ употребляетъ такой стиль, какъ будто говорить о подоходномъ налогѣ въ Россіи или о послѣднемъ засѣданіи Городской Думы.

На художественномъ языкѣ очерковъ Андреевскаго вы чувствуете какъ бы отблескъ и благоуханіе поэзіи того писателя, которымъ онъ занимается. За любимой книгой онъ всегда видитъ живого человѣка, родственную ему, страдающую душу писателя. Не публицистъ говорить о представителѣ отвлеченныхъ идей, а человѣкъ о человѣкѣ, художникъ о художникѣ. Правда, у Андреевскаго нѣтъ объективнаго и строго научнаго анализа. Но зато глубокое вдохновеніе такой *субъективно-художественной* критики — *живая любовь*. Только любовь дѣлаетъ возможнымъ проникновеніе въ душу поэта.

Сколько было написано о Лермонтовѣ, какъ ожесточенно публицисты спорили объ его общественныхъ и политическихъ идеяхъ, какъ тщательно и кропотливо добросовѣстные издатели сравнивали черновые наброски, какъ много было потрачено бумаги на яростную полемику между серьезными профессорами и журналистами по поводу незначительныхъ вариантовъ! И всѣ эти изслѣдователи ходили только *вокругъ* художника, никто не постарался и не сумѣлъ войти *въ его внутренний міръ*, никто не вступилъ — по выраженію Гете — «на его почву». Ни для кого Лермонтовъ не былъ попросту живымъ, родственнымъ и близкимъ человѣкомъ. Но поэтъ подошелъ къ поэту — и тайна открылась. Онъ сказалъ искреннее и потому глубокое слово. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли не лучшее, что написано на русскомъ языкѣ о Лермонтовѣ — маленькая художественная монографія Андреевскаго. Послѣ мертвой книжной эрудиціи, вы какъ будто говорите съ человѣкомъ, лично знавшимъ Лермонтова, полюбившимъ живого поэта, а не отвлеченнаго представителя газетно-журнальныхъ идей, пригодныхъ для полемики.

Такой критикъ, свободный въ своихъ сужденіяхъ, стоитъ выше враждующихъ литературныхъ партій и лагерей. Сочувствіе жизненной трезвости, сатирѣ, могучему гражданскому вдохновенію Некрасова не мѣшаетъ Андреевскому понимать и далекую отъ вседневной жизни философію Баратынскаго и мистицизмъ Лермонтова, «огорченного своимъ божественнымъ происхожденіемъ». Онъ высоко цѣнитъ соціальныя мотивы Достоевскаго и не объявляетъ Л. Толстого реакціоннымъ писателемъ за его сомнѣнія въ идеалахъ человѣческой культуры.

Новый критикъ обладаетъ качествомъ едва ли не самымъ рѣдкимъ въ русской литературѣ—искреннимъ уваженіемъ къ нравственной свободѣ писателя, *вышей культурной терпимостью*. Пусть литературные лагеря враждуютъ, спорятъ и уничтожаютъ другъ друга въ безконечной и бесплодной полемикѣ. Поэтъ понимаетъ поэта. Одинъ дружественный знакъ, одна улыбка разрушаетъ преграды, воздвигнутыя яростными журнальными партіями. Они—дѣти одной великой семьи. Здѣсь царствуетъ полная свобода и полная терпимость. Эту художественную терпимость Андреевскаго должно привѣтствовать, какъ явленіе еще небывалое въ русской современной литературѣ.

Но терпимость вовсе не предполагаетъ отсутствія страстнаго личнаго отношенія и личнаго вкуса. Такъ же, какъ во многихъ изъ его современниковъ, въ Андреевскомъ чувствуется охлажденіе къ утилитарному и позитивному искусству, признаки того же мистическаго вѣянія, которое пронеслось надъ всей европейской литературой. Какъ писатель относится къ вѣчнымъ вопросамъ о Богѣ, о смерти, о любви, о природѣ, всего болѣе интересуетъ новаго критика, т.-е. именно та сторона поэзіи, мимо которой прежнее поколѣніе публицистовъ проходило съ равнодушіемъ и непониманіемъ: какъ будто всѣ общественныя идеалы, земная справедливость и равенство не основываются на этихъ вѣчныхъ, легкомысленно-отвергнутыхъ и теперь съ новою силою, съ новою болью вернувшихся вопросахъ.

Тотъ же характерный поворотъ къ философскому строенію я долженъ отмѣтить и въ другомъ современномъ критикѣ, В. Д. Спасовичѣ.

По времени своей дѣятельности, по своимъ годамъ Спасовичъ принадлежитъ прошлому поколѣнію. Но все-таки я не могу считать его старикомъ. По своей неутомимой энергіи, удивительной отзывчивости на самыя послѣднія потребности жизни, по избытку увлеченія и неуывающей поэзіи—онъ молодъ. По крайней мѣрѣ, эта молодая старость болѣе похожа на страстную и вдохновенную пору жизни, чѣмъ молодость многихъ современныхъ юношей. Вотъ почему я съ полнымъ правомъ могу отнести Спасовича не къ прошлому, а къ новому литературному поколѣнію.

Работы его о Байронѣ, Мицкевичѣ, Словацкомъ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ написаны превосходнымъ языкомъ. Вотъ первый и несомнѣнный признакъ критическаго таланта! Необходимое условіе художественной критики—*художественная, а не ремесленная форма самой критики*.

Въ языкѣ Спасовича вы чувствуете не совсѣмъ великорусскій акцентъ, который не только не портитъ, а, напротивъ, придаетъ оригинальную свѣжесть и простоту его стилю. Этотъ акцентъ стираетъ условную, мертвую эмаль нашего современнаго литературнаго языка и приближаетъ его къ источнику всякой крѣпости и силы, къ духу живой народной рѣчи: ибо все-таки чистая стихія русскаго языка—общая, древне-славянская стихія. У Спасовича нѣтъ этой, любезной всѣмъ банальнымъ писателямъ, предательской *гладкости* языка, удобной для выраженія такихъ же гладкихъ и безцвѣтныхъ мыслей. Онъ, не заботясь о своемъ краснорѣчьи, страстно и нетерпѣливо хочетъ высказать мысль, не ищетъ образовъ: они, сами невольно слетая съ его языка,—напоминаютъ мѣткія народныя пословицы. Среди обширной эрудиціи, среди ученыхъ цитатъ, ссылокъ, точныхъ и упорныхъ изслѣдованій въ этомъ сильномъ языкѣ вспыхиваютъ искры поэтическаго вдохновенія: такъ подъ огромнымъ тяжелымъ молотомъ кузнеца, который думаетъ только о работѣ, а не о красотѣ, сами собой вспыхиваютъ дивно-прекрасныя огненные искры!

И, несмотря на прелестный и наивный славянскій акцентъ, несмотря на простоту и близость къ живому духу народа, вы чувствуете въ критикѣ огромную обра-

зованность. Прочтите замѣчательное изслѣдованіе о Байронѣ. Про эту статью можно сказать то же, что Пушкинъ говаривалъ о статьяхъ Вяземскаго — вотъ критика *европейская*. Явленіе неоцѣнимое въ современной русской литературѣ! Больше всего нашимъ публицистамъ, даже самому талантливому изъ нихъ, Бѣлинскому, недостаетъ *европейской образованности*. Ужъ нечего говорить о современныхъ рецензентахъ. Эта высшая степень *культурности* придаетъ Спасовичу столь рѣдкую у насъ философскую широту и свободную терпимость критическихъ взглядовъ.

Такъ же, какъ всѣ люди новаго поколѣнія — Спасовичъ — идеалистъ. Его не удовлетворяетъ ни условный народническій реализмъ нашихъ критиковъ-публицистовъ, ни позитивное искусство. Съ глубокимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ онъ въ Байронѣ, Мицкевичѣ, Лермонтовѣ божественный идеализмъ вѣры и скорби, идеализмъ мятежный, дерзновенный и освободительный, стремящійся къ великому обновленію человѣчества.

По тому же пути, только въ другой области идетъ Влад. С. Соловьевъ. На примѣрѣ Соловьева видно, какъ въ новомъ человѣкѣ возможно это сочетаніе глубокаго религіознаго чувства съ искренней и великой жаждой земной справедливости. До сихъ поръ русскіе публицисты считали мистическое чувство явнымъ признакомъ реакціонныхъ симпатій, и какъ бы оно ни было свободно, признавали его въ нѣкоторомъ родѣ измѣной либеральному знамени, даже отступничествомъ. Предразсудокъ понятный во внѣшнихъ условіяхъ нашей общественной жизни. Это — наслѣдіе великаго либеральнаго просвѣщенія XVIII вѣка. Конечно, не художественный пантеизмъ Гете и не божественная скорбь Байрона, а католическій *догматизмъ* въ Западной Европѣ слишкомъ долго служилъ знаменемъ всѣхъ омертвѣвшихъ, средневѣковыхъ началъ. Историческія формы божественнаго идеализма слишкомъ долго были опаснымъ орудіемъ порабощенія и униженія человѣческаго духа. Въ Россіи великое и плодотворное движеніе шестидесятыхъ годовъ, благодаря особенностямъ русскаго народнаго темперамента, сопровождалось трезвостью утилитарной и пози-

тивной, практической дѣловитой сухостью, отрицаніемъ красоты и поэзіи, т.-е. высшаго расцвѣта европейской освободительной культуры, наконецъ, презрѣніемъ къ величайшимъ вопросамъ жизни, т.-е. къ вопросамъ религіи и христіанской нравственности. Но развѣнчанная прозаическая, утилитарная свобода и утилитарная справедливость никогда не плѣняютъ сердца человѣческаго. Послѣ многихъ лѣтъ, какъ въ молодые годы у Пушкина, у Бѣлинскаго, у всѣхъ лучшихъ русскихъ людей, любовь къ народу и общественная справедливость снова являются у Вл. Соловьева, *какъ идеалъ безконечный и божественный, какъ святыня, какъ вдохновеніе, въ ореолъ красоты и поэзіи*.

Никакія позитивныя выгоды, никакой утилитарный расчетъ, а только *творческая вѣра во что-нибудь безконечное и безсмертное* можетъ зажечь душу человѣческую, создать героевъ, мучениковъ и пророковъ. А вѣдь и до сихъ поръ не одна промышленность, военные снаряды, паръ, машины и электричество двигаютъ народами, но и безкорыстное самопожертвованіе избранниковъ Духа Божія. XVIII вѣкъ и его ограниченный скептицизмъ неправы. Нѣтъ! Людямъ нужна вѣра, нуженъ экстазъ, нужно священное безуміе героевъ и мучениковъ.

Только безконечное мы можемъ любить безконечной любовью, т.-е. любить до самоотреченія, до ненависти къ собственной жизни, до смерти. А безъ этого солнца, безъ этой любви земля превратится въ ледяную глыбу, хотя бы ледъ и застылъ по всѣмъ геометрическимъ законамъ утилитарной и позитивной механики.

Безъ вѣры въ божественное начало міра нѣтъ на землѣ красоты, нѣтъ справедливости, нѣтъ поэзіи, нѣтъ свободы!

Несмотря на скуку, бездѣйствіе, порчу языка, газетно-журнальную анархію, отсутствіе крупныхъ талантовъ и непонятный застой, мы переживаемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ историческомъ развитіи русской литературы. Это — подземное, полусознательное и, какъ въ началѣ всякая творческая сила, невидимое тече-

ніе. Тайные побѣги новой жизни, новой поэзіи слабо и непобѣдимо пробиваются на свѣтъ Божій, пока на поверхности достигаетъ послѣднихъ предѣловъ торжество литературной пошлости и варварства.

Мы видѣли, что русскіе писатели предшествующаго поколѣнія съ небывалою геніальною силою выразили, несмотря на внѣшній реализмъ бытового романа, неутолимую мистическую потребность XIX вѣка. И въ широкихъ философскихъ обобщеніяхъ, — въ символахъ Гончарова, и въ художественной чувствительности, въ импрессионизмѣ, въ жаждѣ фантастическаго и чудеснаго у разочарованнаго, ни во что не вѣрующаго скептика Тургенева, и, главнымъ образомъ, въ глубокой психологіи Достоевскаго, въ неутомимомъ исканіи новой правды, новой вѣры — Льва Толстого — всюду чувствуется возрожденіе вѣчнаго идеальнаго искусства, только на время омраченнаго — въ Россіи утилитарно-народническимъ педантизмомъ критики, на Западѣ грубымъ матеріализмомъ экспериментальнаго романа. Современное поколѣніе молодыхъ русскихъ писателей пытается продолжать это движеніе.

Передъ нами — огромная, такъ сказать, переходная и подготовительная работа. *Мы должны вступить изъ періода поэзіи творческаго, непосредственнаго и стихійнаго въ періодъ критическій, сознательный и культурный.* Это два міра, между которыми цѣлая бездна. Современное поколѣніе имѣло несчастье родиться между этими двумя мірами, передъ этой бездной. Вотъ чѣмъ объясняется его слабость, болѣзненная тревога, жадное исканіе новыхъ идеаловъ и какая-то роковая бесплодность всѣхъ усилій. Лучшая молодость и свѣжесть таланта уходитъ не на живое творчество, а на внутреннюю ломку и борьбу съ прошлымъ, на переходъ черезъ бездну *къ тому краю, къ тому берегу*, къ предѣламъ свободнаго божественнаго идеализма. Сколько людей погибаетъ въ этомъ переходѣ или окончательно теряетъ силы.

Великая позитивная и научная работа послѣднихъ двухъ вѣковъ, конечно, не прошла даромъ. Возрожденіе средневѣковыхъ *догматическихъ* формъ уже немыслимо. Потому-то стародавній, вѣчный идеализмъ въ искусствѣ

мы имѣемъ право назвать *новымъ*, что онъ является въ сочетаніи еще небываломъ съ послѣдними выводами точныхъ знаній, въ свѣтѣ безгранично-свободной научной критики и научнаго натурализма, какъ неистребимая никакими сомнѣніями потребность человѣческаго сердца.

Можетъ быть, современное поколѣніе передъ этой огромной задачей *сознательнаго* литературнаго воплощенія свободнаго божественнаго идеализма окажется безсильнымъ, можетъ быть, оно даже погибнетъ подъ ея тяжестью.

Однажды, во время Севастопольской кампаніи русскіе солдаты шли на приступъ. Между нашими и враждебными укрѣпленіями былъ глубокій ровъ. Первые ряды пали и наполнили равелины тѣлами мертвыхъ и раненыхъ. Слѣдующіе ряды прошли по трупамъ. Такіе *равелины* бывають въ исторіи. Черезъ нихъ иначе нельзя пройти, какъ по мертвымъ тѣламъ.

Впрочемъ, если даже современному поколѣнію суждено пасть, ему дана радость, едва ли не единственная на землѣ, ему дано увидѣть самый ранній лучъ, почувствовать первый трепетъ новой жизни, первое вѣяніе великаго будущаго.

Когда Духъ Божій проносится надъ землею, — никто изъ людей не знаетъ, откуда Онъ летитъ и куда... Но противиться Ему невозможно.

Онъ сильнѣе человѣческой воли и разума, сильнѣе жизни, сильнѣе самой смерти.

1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Л И Р И К А.

	СТР.
Богъ	5
Morituri	6
Дѣти ночи	7
Изгнанники	8
Голубое небо	9
Темный ангелъ	10
Одиночество	11
И хочу, но не въ силахъ любить я людей	12
Молчаніе	13
Признаніе	14
Любовь-вражда	15
Одиночество въ любви	17
Проклятiе любви	18
De Profundis	19
Пустая чаша	21
Парки	22
Скука	24
Что ты можешь?	25
Старость	26
Волны	27
Двѣ пѣсни шута	28
Природа	30
Нирвана	31
Если розы тихо осыпаются	32
Усни	33
Вечеръ	34
Весеннее чувство	35
Мартъ	36

	СТР.
Ноябрь	37
Осенью въ Лѣтнемъ саду	38
Успокоенные	39
Осенніе листья	40
Мать	41
Сталь	42
На озерѣ Комо	43
Помпея	44
Смѣхъ боговъ	45
Паренонъ	46
Титаны	47
Римъ	49
Пантеонъ	50
Будущій Римъ	51
Такъ жизнь ничтожествомъ страшна	52
Двойная бездна	53
О, если бы душа полна была любовью	54
Дѣтское сердце	55
Трубный гласъ	56
Молитва о крыльяхъ	57
Веселыя думы	58

ЛЕГЕНДЫ и ПОЭМЫ.

Леда	61
Маркъ Аврелій	63
Будда	65
Иовъ	68
Леонардо да-Винчи	76
Микель-Анжело	77
Франческа Римини	80
Уголино	82
Донъ-Кихотъ	86
Разслабленный	89
Христось, Ангелы и Душа	93
Протопопъ Аввакумъ	97
Францискъ Ассизскій	108

СТАРИННЫЯ ОКТАВЫ (Octaves du passé)

Пѣснь первая	135
Пѣснь вторая	170
Возвращеніе	205
О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы	209

Pedagogiczna
Biblioteka Wojewódzka
w Białymstoku

1114